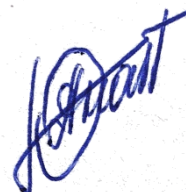

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

На правах рукописи

Романенко Анастасия Юрьевна

**ФАКТОР РЕФОРМ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
МЕЗОУРОВНЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

доктор экономических наук, профессор
Кирильчук Светлана Петровна

Симферополь – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1 Теория реформ и развитие экономических систем мезоуровня: закономерности и взаимообусловленность.....	11
1.1 Экономическая система как базовое понятие исследования.....	11
1.2 Базовые положения теории реформ в развитии экономических систем.....	25
1.3 Теоретические представления о типологии реформ.....	38
Глава 2 Влияние характеристик современных реформ на развитие экономических систем мезоуровня	53
2.1 Особенности экономических преобразований как предпосылка разработки национальных проектов развития России	53
2.2 Факторы цифровой трансформации экономической системы.....	69
2.3 Оценка концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций	83
Глава 3 Развитие экономических систем мезоуровня на основе совершенствования стратегии реформ.....	97
3.1 Приоритизация развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций	97
3.2 Структурно-цифровая трансформация экономических систем мезоуровня.....	110
3.3 Обеспечение интегративности концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций.....	124
Заключение.....	139
Список литературы.....	142
Приложения.....	173

Введение

Актуальность темы исследования. Цифровые трансформации экономики обуславливают кардинальные изменения в производительных силах и экономических отношениях общества, что актуализирует формирование нового качества научных исследований в сфере изучения влияния реформ на развитие экономических систем. Происходящие в обществе как прогрессивные, так и негативные процессы объективно приводят к усилению роли государства в решении стратегических проблем на всех уровнях экономической системы, в том числе глобальных общемировых проблем.

Реализация национальных проектов развития России является стратегическим императивом внедрения экономических реформ на макро-, мезо- и микроэкономических уровнях в обеспечении повышения качества жизни населения страны и выведения России в число ведущих держав мира. Успешность достижения национальных целей и стратегических задач внедрения национальных проектов в срок до 2024 года¹ в значительной степени определяется уровнем эффективности вовлеченности регионов России в процессы внедрения реформ.

Проблема эффективности внедрения экономических реформ тесно связана с особенностями функционирования экономической системы мезоуровня и развития институциональной среды. Необходимость выделения мезоуровня в качестве отдельной иерархической ступени экономической структуры, традиционно состоящей из макро- и микроуровней, объясняется важностью рассмотрения мезоуровня как институционального пространства формирования и закрепления прорывных экономических реформ с последующей оценкой их вклада в обеспечение стабильного экономического роста регионов.

¹ Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» №204 от 07 мая 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 14.01.2020 г.).

Вопросы разработки стратегии реформ с позиций развития мезоинститутов, как основы для адаптации макростратегии реформ к реалиям микросреды, являются малоисследованными в современной экономической теории. Принимая во внимание стратегический вектор цифровых трансформаций экономики России, особую важность приобретает институциональный анализ фактора реформ в развитии экономических систем мезоуровня на основе исследования предпосылок обеспечения интегративности концепций внедрения экономических реформ на мезоуровне.

Поиск решения указанных проблем обуславливает особую актуальность и важность исследования фактора реформ в развитии экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций в обеспечении эффективности реализации национальных проектов на основе совершенствования стратегии реформ.

Степень разработанности проблемы. Исследование фактора реформ в развитии экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций проводилось на основе изучения трудов зарубежных и отечественных ученых в области теории систем, институциональной теории, теории реформ.

Проблемы развития экономических систем фундаментально рассматривались в работах: И.А. Благих, И.В. Блауберга, Р. С. Гринберга, Г. Б. Клейнера, Н.Д. Кондратьева, А.И. Колганова, В. Леонтьева, К. Маркса, Д.Ю. Миропольского, И.Н. Молчанова, К. Поланьи, Ю.Ю. Суловой, А.И. Усмова, М.М. Хайкина, Дж. Фридмана, Э.Г. Юдина и других ученых.

Исследования направлений развития мезоэкономики нашли отражение в трудах К. Виттфогеля, А.И. Волынского, Т.Р. Гареева, В.Е. Дементьева, К. Допфера, Йоу-Кванг Нг, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, Е.В. Красильниковой, М.С. Кругловой, В.И. Маевского, С.Ю. Малкова, К. Менара, П.А. Ореховского, А.А. Рубинштейна, Ф. Стюарт, А.Е. Шаститко.

Концептуальные основы анализа экономических систем мезоуровня изложены в работах И.Г. Александрова, А. Вебера, А.Г. Гранберга, О.В. Иншакова,

П. Кругмана, В. Лаунхардта, П. Потье, Р. Пребиш, А.Е. Пробст, Ю.Г. Саушкина, Т.А. Селищевой, А.И. Татаркина и других ученых.

Фундаментальный вклад в развитие теории реформ во взаимосвязи с неоклассической институциональной теорией внесли: В.В. Вольчик, Я.И. Кузьминов, В.А. Мау, В.М. Полтерович, В.В. Радаев, Н.А. Шапиро, А.А. Яковлев, К.Э. Яновский, Е.Г. Ясин и другие.

Особенно значимые исследования в области институциональных структур и институтов приведены в научных работах: А.А. Аузана, С. Боулса, Т. Веблена, Ч. Гамильтона, Дж. Гэлбрейта, Р.И. Капелюшникова, Э. Кларенса, Дж. Коммонса, У. Митчелла, Р.М. Нижегородцева, Д. Норта, Р.М. Нуреева, Д.Е. Раскова, В.Т. Рязанова, О.С. Сухарева, В.Л. Тамбовцева, О. Уильямсона, Дж. Ходжсона, Т. Шульца.

Несмотря на достаточно обширные исследования в области взаимовлияния развития экономических систем и институциональной теории реформ в российской и зарубежной экономической науке, малоизученной остается сфера влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня. В настоящее время внимание ученых и ведущих экономистов в большей степени уделяется анализу и обсуждению реформ на макроуровне без учета их влияния на развитие экономических систем мезоуровня. Исследование проблемы влияния фактора реформ на развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций обусловило выбор темы диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в развитии теории экономических систем на основе выявления экономических связей и процессов, раскрывающих влияние фактора реформ на состояние и развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций.

Указанная цель обусловила важность решения следующих **задач**:

– обосновать содержание понятия экономической системы мезоуровня применительно к влиянию фактора реформ на развитие экономических систем мезоуровня в современных условиях развития экономических отношений;

– предложить типологию реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы;

– раскрыть характеристику фундаментальных факторов, влияющих на цифровую трансформацию и рост экономики мезоуровня;

– обосновать научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций экономики;

– разработать теоретический подход к обеспечению реализации концепций экономических реформ на мезоуровне.

Объект исследования – экономические связи и процессы, раскрывающие состояние экономических систем мезоуровня.

Предмет исследования – экономические отношения, складывающиеся в процессе влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Область исследования соответствует требованиям Паспорта специальности ВАК РФ 08.00.01 – Экономическая теория: п. 1.1. – Политическая экономия: роль и функции государства и гражданского общества в функционировании экономических систем; п. 2.4 – История опыта и способов трансформации экономических систем (этапов эволюции систем, переходных эпох, социальных революций, экономических реформ); п. 3.10 – Исследование и оценка концепций и моделей прорывных экономических реформ в отдельных развитых и развивающихся странах и регионах мира.

Научная новизна полученных результатов:

– получили дальнейшее развитие положения теории экономических систем в части выделения составляющих развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций. Экономическая система мезоуровня определена как совокупность мезоинститутов, определяющих форму и содержание экономических отношений, регулирующих адаптацию макростратегий реформ к

процессам производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта экономическими агентами на микроуровне;

– предложена типология реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы. В рамках предложенной типологии выделены типы реформ, определяющие структуру эффектов воздействия на развитие экономических систем: экономический, социальный, институциональный, структурный, рыночный, конституционный. Представленная типология позволяет как упорядочить научные знания об исследуемой реформе, так и обосновать существенные признаки реформы в условиях цифровых трансформаций;

– разработан научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровой трансформации экономики с обоснованием необходимости совершенствования институциональной инфраструктуры, создания условий для развития цифровизации. Предложенный подход позволяет проводить оценку текущего состояния хозяйства и активности развития по соответствующим группам показателей для проведения отбора приоритетных отраслей специализации экономики мезоуровня;

– разработан теоретический подход к обеспечению интегративности концепций реформ развития экономических систем на мезоуровне. Данный подход, основываясь на теории институциональных матриц, позволяет определить взаимосогласованные направления функционирования политических, идеологических и экономических институтов в обеспечении развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в развитии фундаментальных положений теории систем, теории управления системами, теории реформ и теории мезоэкономики на основе выявления экономических связей и процессов, раскрывающих содержание и развитие экономических систем мезоуровня под влиянием реформ.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности применения полученных результатов для разработки стратегии реформ в развитии экономических систем мезоуровне в условиях цифровых трансформаций. Материалы диссертационного исследования также могут быть использованы в процессе совершенствования рабочих учебных программ дисциплин «Экономическая теория», «История экономических учений», «Методология научных исследований», «Макроэкономика».

Теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные положения теории систем, теории экономических систем, теории реформ, институциональной теории, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых и рассматривающие проблемы влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня.

Методологической основой диссертационного исследования являются системный подход, эволюционный подход, метод типологии реформ, политико-экономический подход к анализу хозяйственных практик, а также общенаучные методы научного познания: диалектический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, логико-структурного анализа, экономико-статистические методы.

Информационной базой исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, статистические материалы Федеральной службы государственной статистики, федеральные целевые программы, стратегии социально-экономического развития регионов, научные публикации российских и зарубежных ученых.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Теоретико-концептуальный анализ исследования фактора реформ в развитии экономических систем мезоуровня позволил усовершенствовать положения теории мезоэкономики в части выделения составляющих развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций. Экономическая система мезоуровня определена как совокупность мезоинститутов, определяющих форму и содержание экономических отношений, регулирующих

адаптацию макростратегий реформ к процессам производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта экономическими агентами на микроуровне.

2. На основе анализа теоретических представлений о типологии реформ в развитии экономических систем предложена авторская типология реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы. В рамках предложенной типологии выделены такие типы реформ, определяющие структуру эффектов воздействия на развитие экономических систем: экономический, социальный, институциональный, структурный, рыночный, конституционный.

3. Разработан научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровой трансформации экономики с обоснованием необходимости совершенствования институциональной инфраструктуры, проведения информационных, организационных и управленческих изменений, создания условий развития цифровизации. Предложенная методика содержит классификатор факторов, влияющих на показатели оценки текущего состояния хозяйства и оценки активности по соответствующим группам показателей, нацелена на отбор приоритетных отраслей специализации экономики мезоуровня для формирования мер стимулирования процессов и минимизации рисков в концепции реформ.

4. Разработан теоретический подход к обеспечению интегративности концепций реформ развития экономических систем на мезоуровне, позволяющий создавать модели приоритизации, взаимодействия, производственной и межотраслевой интеграции на уровне экономической системы и получать дополнительный (интегративный) эффект проводимых трансформаций. На основе применения теории институциональных матриц к адаптации макрореформ к трансформационным процессам микроуровня определены взаимосогласованные направления функционирования политических, идеологических и экономических институтов в обеспечении развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования апробированы на международных и всероссийских научно-практических конференциях в городах: Казани (2020 г.), Краснодаре (2017-2019 гг.), Москве (2020 г.), Праге (2020 г.), Пензе (2020 г.), Петрозаводске (2020 г.), Чебоксарах (2016 г.). Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования рассматривались на заседаниях кафедры экономики предприятия и кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» по итогам выполнения НИР АААА-А16-116051910078-9 «Институциональное обеспечение формирования нового качества экономического роста» (г. Симферополь, 2020 г.).

Основные результаты исследования рассмотрены и приняты к внедрению Департаментом инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края (акт о внедрении №333-01-09-2007/20 от 19.03.2020 г.); ООО «Южный инновационно-консалтинговый центр» (акт о внедрении №27 от 19.03.2020 г.); ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (справка № 03.02.01.02.22-34 от 17.03.2020 г.).

Публикации результатов исследования. По теме диссертации автором опубликовано 13 научных работ общим объемом 4,2 п.л. (авт. – 3,2 п.л.), из них 5 публикаций в рецензируемых научных изданиях ВАК (2,21 п.л., в т.ч. авт. – 1,77 п.л.) и 8 публикаций в материалах конференций (1,99 п.л., в т.ч. авт. – 1,43 п.л.).

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложений. Работа содержит 141 страницу основного машинописного текста, 19 таблиц, 12 рисунков, 9 приложений, список литературы из 274 наименований.

Глава 1 Теория реформ и развитие экономических систем мезоуровня: закономерности и взаимообусловленность

1.1 Экономическая система как базовое понятие исследования

Исследование экономической системы мезоуровня целесообразно начать с понимания сущности категории системы. В экономической литературе значительное число публикаций посвящено изучению категории системы как совокупности элементов, пребывающих между собой в постоянном взаимодействии. Система (от греч. «система» – целое, составление из частей) является одним из ключевых понятий в экономической науке.

Под системой, как правило, понимается совокупность взаимодействующих элементов, составляющих целостное образование, имеющее новые свойства, отсутствующие у ее элементов [200, с. 6]. Основным понятийный аппарат исследования систем в экономической науке представлен в трудах известных советских ученых – И.В. Блауберга [25], Г.Б. Клейнера [89], О.В. Козловой [200], Б.З. Мильнера [115], В.Н. Садовского [176], П.С. Украинцева [207], А.И. Усмова [208], Э.Г. Юдина [225] и др.

В целях проведения настоящего исследования выделим подходы, в рамках которых мы будем проводить изучение экономической системы как базового понятия диссертационной работы: системный подход; эволюционный подход; институциональный подход.

Представители системного подхода – И.В. Блауберг, Г.Б. Клейнер, О.В. Козлова, Я. Корнаи, Б.З. Мильнер, Э.Г. Юдин – при анализе сложных систем, исследуя как состояние равновесия систем, так и неравновесные, необратимые состояния сложных и сверхсложных систем, исходят из того, что развитие системы имеет интегративный характер [4, 25, 89, 95, 115, 172, 182, 225]. Ключевым

объектом исследования в рамках системного подхода являются глубинные трансформации, выявление и анализ причин перехода от одной системы к другой.

Исследуя проблематику систем в контексте системной парадигмы, известный ученый Я. Корнай пишет, что «системная парадигма концентрирует внимание на крупных, уникальных, неповторяемых социальных изменениях подобного типа. Системная парадигма является основой для формирования соответствующих прогнозов и предсказаний» [95, с. 18].

Представитель системного подхода Л.Г. Мельник трактует систему как «саморазвивающуюся и саморегулирующуюся определенным образом упорядоченную материально-техническую совокупность, существующую и управляемую как относительно устойчивое единое целое за счет взаимодействия, распределения и перераспределения имеющихся, поступающих извне и продуцируемых этой совокупностью ресурсов, и обеспечивающую преобладание внутренних связей над внешними» [114, с. 18].

Согласно положениям системного подхода функционирование системы является нормальным только при условии органичного и гармоничного взаимодействия всех ее элементов, несмотря на то, что каждый из них выполняет самостоятельную роль в реализации целей системы [200]. Основой интегративности, способности элементов к взаимодействию с другими элементами являются функции, представляющие собой определенные действия, которые могут проявиться только при наличии другого элемента, способного в силу совместимости с ним воспринимать и преобразовывать это влияние. Без взаимодействия элементов не может реализовываться функция каждого элемента. Свою функцию, свое назначение элемент или подсистема может выполнить только при взаимодействии с другими элементами системы.

Исследование системы как важнейшей категории экономической науки обуславливает важность уточнения основных свойств системы. На основе анализа научных подходов в контексте системной парадигмы выделим ряд свойств системы, которые, на наш взгляд, в достаточно полной мере характеризуют и функционирование экономических систем:

– свойство закономерности развития, предусматривающее целенаправленные изменения состояния системы. В словаре С.И. Ожегова закономерность определяется как свойство системы соответствовать определенным законам [131];

– свойство направленности развития, характеризующее возможность системы накапливать изменения, что приводит к возникновению нового качества развития. Направленность придает изменениям определенный вектор развития;

– свойство необратимости, определяющее возможность предохранять систему от циклического повторения, т.е. постоянства;

– свойство эмерджентности, предусматривающее наличие у системного целого особых свойств, не присущих его подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не объединенных системообразующими связями [114];

– свойство изменчивости, характеризующее способность системы к постоянным изменениям ее состояния. Речь идет о постоянном изменении параметров, которые определяют состояние системы;

– свойство интегративности, предусматривающее способность системы к взаимодействию и взаимообусловленности с другими системами;

– свойство упорядоченности, характеризующее способность системы к обеспечению внутреннего порядка и структурированности;

– свойство гомеостаза, предполагающее устойчивое динамическое равновесие системы при отклонениях от заданных состояний;

– свойство стационарности, характеризующее способность самоуправляемой системы поддерживать гомеостаз;

– свойство когерентности, характеризующее согласованное взаимодействие подсистем системы, что приводит в конечном итоге к кооперативному поведению субъектов системы;

– свойство синергичности, предполагающее получение и прирост положительного эффекта функционирования системы в целом от взаимодействия всех подсистем на интегративной основе.

Среди указанных нами свойств системы наиболее важными с точки зрения формирования вектора развития системы являются свойства закономерности, направленности и необратимости [114]. Указанные свойства развития системы придают изменениям системы характер непрерывного развития.

Таким образом, применение системного подхода к пониманию сущности категории системы в экономической науке позволяет выделить ряд свойств системы, которые раскрывают особенности экономических отношений.

Рассмотрим особенности применения эволюционного подхода к пониманию сущности систем. В рамках эволюционной парадигмы остановимся на рассмотрении основных концепций эволюции общества – формационной теории К. Маркса [110] и теории стадий экономического роста У. Ростоу [261]. Исследуя «экономический закон развития общества» [110], К. Маркс опирался на фундаментальные труды А. Смита и Д. Рикардо, их последователей. Как продолжатель традиции классической школы на этапе формирования ее архитектуры, К. Маркс впервые пытался решить ключевую проблему, сформулированную исторической школой, – увязать теоретические положения классической школы с принципом историзма.

Согласно формационной теории К. Маркса производительные силы, которые существуют на определенном этапе развития, и производственные отношения общества находятся в единстве и взаимодействии. Это единство выражается понятием «способ производства». В свою очередь, производственные отношения выступают как базис (основа) для действующих институтов политической власти, доминирующей в обществе морали и теологии, принципов организации национальных, семейных и других типов общественных отношений. Все эти отношения и институты в целом образуют понятие надстройки. Способ производства в сочетании с надстройкой образует общественно-экономическую формацию [110].

Марксистская теория общественно-экономических формаций рассматривает историю развития общества через последовательное изменение формаций. Движущей силой перехода от одной формации к другой является обострение

противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В случае, когда отставание между ними становится значительным, количественные изменения переходят в качественные, в результате чего осуществляется рывок в производственных отношениях: они резко изменяются с целью создания возможностей для развития прогрессивных производительных сил. В свою очередь, качественное изменение производственных отношений обуславливает необходимость в изменении формации революционным путем – новая система создается на основе разрушения существующей. «Марксизм в большей степени может объяснить сущностную природу трансформации социально-экономических систем. Исследуя глубинные процессы общественного воспроизводства, теоретико-методологическая основа марксистской политической экономии позволяет нам переосмыслить экономическую жизнь России двадцать первого столетия», – пишет М.М. Хайкин [212, с. 23].

В отличие от теории общественно-экономических формаций К. Маркса, американским экономистом У. Ростоу была предложена теория стадий экономического роста [261]. У. Ростоу не связывал историческую эволюцию общества непосредственно с сочетанием производительных сил и производственных отношений. Он пытался создать теорию исторической эволюции экономики и общества в целом. По мнению У. Ростоу, в основе разделения исторической эволюции на стадии лежат принципиальные отличия трех основных обобщающих характеристик: уровня развития техники; нормы накопления темпов экономического роста; уровня потребления. Согласно качественному отличию этих характеристик У. Ростоу выделяет пять стадий экономического развития: традиционное общество (the traditional society); период создания предпосылок для взлета (the preconditions for take-off); взлет (the take-off); движение к зрелости (the drive to maturity); эпоха высокого массового потребления (the age of high mass consumption) [261].

Отметим, что метод Маркса к исследованию экономических систем является неотъемлемо верным и глубинным в целях исследования экономической системы как совокупности экономических отношений, выраженных через способ

производства. Рассматривая развитие экономической системы через призму структуры и эволюции, К. Маркс заложил и прогностическую функцию развития систем на основе структурных сдвигов.

Следуя принципу историзма К. Маркса, в Большом экономическом словаре А.Б. Борисова экономическая система определяется как «исторически возникшая или законодательно установленная, действующая в стране совокупность принципов, правил, норм, определяющих форму и содержание основных экономических отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта» [31, с. 873].

Под развитием экономической системы будем понимать направленное и закономерное изменение состояний элементов системы, приводящее к формированию экономических отношений нового качества. Основными функциями экономической системы являются: рост, занятость, стабильность цен, социальная защита, снижение неравенства [194, с.111].

Результатом функционирования экономической системы является производство материальных благ, в том числе национального дохода, а также происходит расширенное воспроизводство производительных сил общества. В исследовании экономических систем особое значение приобретают принципы развития экономических систем. Под принципом (от латинского *principium* – начало, основа) [200] будем понимать основные правила деятельности, базовое исходное начало теории и / или учения.

Анализ научных трудов по заявленной проблематике [4, 25, 89, 95, 115, 172, 200, 225] позволил выделить следующие принципы развития экономических систем:

1. Принцип иерархичности, рассматривающий сложные системы как многоуровневые и многоступенчатые, требующие деление системы на элементы (уровни, звенья и ступени). Каждый уровень является объектом управления по отношению к вышестоящему уровню.

2. Принцип экономичности и эффективности. Данный принцип предусматривает как рациональное использование ресурсов экономической системы, так и наиболее высокопроизводительное применение труда.

3. Принцип оптимального сочетания отраслевого и территориального управления. В условиях развития цифровой экономики важно обеспечить развитие отраслевой системы управления на мезоуровне с учетом рационального территориального размещения производительных сил.

4. Принцип преемственности реализации реформ в развитии экономических систем. Данный принцип основывается на единстве экономических явлений и процессов как последовательности количественных и качественных изменений, осуществляемых во времени и пространстве. Преемственность реализации реформ необходима при разработке стратегического плана развития экономических систем.

5. Принцип качества цифровых коммуникаций и обязательности обратной связи. Указанный принцип предусматривает получение информации о результатах воздействия управляющей системы на управляемую на основе сопоставления полученных результатов в поставленными целевыми ориентирами.

6. Принцип ответственности реформаторов. Соблюдение принципа ответственности должна обеспечивать вся экономическая система путем вовлечения лиц, осуществляемых внедрение реформ, в процессы взятия на себя персональной ответственности за каждый процесс принятия управленческих решений.

Подводя итог по рассмотрению эволюционного подхода к развитию экономических систем, отметим, что экономические системы составляют основу функционирования и развития общества. Как справедливо отмечает Л.Г. Мельник, «экономические системы находятся в едином ряду эволюции саморазвивающихся систем, подчиняясь их фундаментальным закономерностям» [114, с. 485].

Наряду с рассмотрением системного и эволюционного подходов к развитию экономических систем, перейдем к институциональному подходу трактования сущности и структуры экономической системы.

Эволюционные основы институциональной теории были заложены в трудах традиционных институционалистов – Т. Веблена, К. Менгера, Л. Мизеса, Г. Мюрдаля, Р. Нельсона, С. Уинтера, Ф. Хайека, Дж. Ходжсона. С точки зрения институциональной теории результатом трансформаций являются качественные изменения основных институтов общества. При этом тип общества задается качеством его базовых институтов. Согласно определению социального института Т. Веблена, «социальные институты являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений. Развитие институтов есть развитие общества» [36].

В целях настоящего исследования мы примем за основу подход к определению института в рамках неинституциональной теории, фундаментально представленной в трудах Р. Коуза, Д. Норта, А. Алчиана, К. Менара, М. Олсона, Р. Познера, Г. Демсец, Дж. Бьюкенена, Дж. Белла, Г. Беккера, Т. Шульца, О. Уильямсона. Под институтом будем понимать совокупность норм и правил, регулирующих взаимоотношения между людьми. С позиций институционального подхода экономическая система представляет собой совокупность институтов, регулирующих экономические отношения.

Исследование экономических систем мезоуровня обуславливает необходимость трактовки мезоуровня в экономике. Считается, что в экономической науке понятие «mesoeconomic» впервые было упомянуто в работе Карла А. Виттфогеля в 1962 году для описания регионального уровня управления [98]. В российском экономическом научном поле понятие мезоэкономики серьезно исследовано в пионерной работе Г.Б. Клейнера, где дается определение мезоуровня как «естественного поля формирования и действия экономических институтов» [87, с. 16].

В работах Г.Б. Клейнера и его последователей подчеркивается важность изучения мезоуровня в экономике ввиду неуспешного заимствования институтов в ходе реформ 1990-х гг. в России. По мнению ученого, «именно мезо-пространство должно стать тем уровнем экономики России, где произойдет выработка механизмов координации российских экономических субъектов» [87, с. 17].

Весьма интересным является, с нашей точки зрения, подход Т.Р. Гареева к формулировке цели проведения мезоэкономических исследований. «Целью проведения мезоэкономических исследований является «идентификация области, в которой сталкиваются восходящие процессы формирования новых правил и нисходящие процессы стабилизации конституирующих правил» [47, с. 45]. Использование мезоуровня как звена между микро- и макроуровнями позволяет ввести в анализ экономических отношений институтообразующую категорию общества.

Подчеркнем, что понятие мезоэкономики вообще как «экономики регионов и отраслей» тесно связано с анализом мезоэкономических институтов [222, с. 6]. По мнению А.Е. Шаститко, с помощью мезоинститутов можно заполнить разрыв между общими институциональными рамками взаимодействия участников экономических обменов и их решениями, получившими отражение в контрактах [222].

А.И. Волынский выделяет следующие подходы к развитию мезоэкономической теории [43, с. 38]:

- системный подход, предусматривающий понимание мезоуровня как процесса внутриотраслевых взаимодействий между экономическими агентами в целях обеспечения гармонизации экономической системы;
- регионально-пространственный подход, который в качестве объектов исследования выделяет регионально-экономические структуры;
- теоретический подход с позиций методологического институционализма, развиваемый в рамках междисциплинарных пересечений экономики и социологии.

В своих работах А.И. Волынский отмечает непротиворечивость и взаимодополняемость указанных подходов [42, 43, 45].

В современной экономической теории весомое значение приобретает концепция мезоинститутов К. Менара [254, 255]. Согласно концепции мезоинститутов «реализации реформаторских стратегий должно сопутствовать учреждение так называемых мезоинститутов, понимаемых как совокупность механизмов и учреждений, ответственных за внедрение новых норм и правил в

институциональную среду и контроль за исполнением новых норм» [228]. Мезоинституты должны выполнять роль трансмиссионного механизма, который передает импульсы, сформированные на макроуровне, а также осуществлять обратную связь от экономических агентов, являющихся объектами воздействия [254].

Анализируя подход К. Менара к пониманию мезоинститутов, отметим, что рамочные нормы и нормы прямого действия, соотношение между которыми можно зафиксировать с помощью различных аспектов совместимости оценок, ожиданий и действий в контексте неполных контрактов, составляют предмет абстрактных норм [253]. Фактически К. Менар противопоставляет концепции институциональных соглашений и механизмов управления транзакциями триаду «макро-, мезо- и микроинституты» [253]. Развивая подход К. Менара, укажем, что одна из функций мезоинститутов состоит в том, чтобы «конкретизировать существующие абстрактные нормы» [222, с. 8].

Одним из важнейших прикладных аспектов концепции мезоинститутов является оценка преднамеренных институциональных изменений, а точнее – реформ, которые затрагивают и макроинституты [222]. Одним из альтернативных направлений развития неoinституционализма является уточнение характеристик институциональной среды. В данном контексте «макро- и мезоинституты могли бы стать основными двумя уровнями институциональной среды» [222]. Фактически важнейшая роль мезоинститутов заключается в конкретизации рамочных правил макроуровня, а также механизмов, которые обеспечивают соблюдение совокупности норм и правил. Мы разделяем позицию М.С. Кругловой, которая называет главной функцией мезоинститутов адаптацию макростратегий реформ к реалиям микроагентной среды [98].

Вышеизложенные, логически выстроенные положения системного, эволюционного и институционального подходов к пониманию сущности экономических систем позволяет нам дать следующее определение экономической системы мезоуровня. В целях настоящего диссертационного исследования под экономической системой мезоуровня будем понимать совокупность

мезоинститутов, определяющих форму и содержание экономических отношений, регулирующих адаптацию макростратегий реформ к процессам производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта экономическими агентами на микроуровне.

Отметим, что ключевым понятием в предложенном нами определении экономической системы мезоуровня является понятие адаптации макрореформ к трансформационным процессам микроуровня. Понимая важность указанного процесса, с нашей точки зрения, в качестве наиболее целесообразного теоретического подхода к управлению данной адаптацией следует рассмотреть теорию институциональных матриц.

В научных трудах К. Поляни [140] и Д. Норта [130] содержатся положения относительно того, что система институтов конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет возможные траектории его дальнейшего развития. К. Поляни считал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе [140].

По мнению Д. Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот [130, с. 147-148]. Отметим, что каждое общество имеет только свойственную ему институциональную матрицу.

В российской экономической литературе теория институциональных матриц основательно представлена в работах С.Г. Кирдиной [79, 80, 81]. По мнению С.Г. Кирдиной, институциональная матрица определяется как «исторически сложившийся устойчивый триплекс взаимосвязанных базовых институтов (институциональных комплексов), регулирующих функционирование трех основных общественных подсистем: экономики, политики и идеологии. Базовые

институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных исторически меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и культурным контекстом конкретных обществ» [78, с. 78]. Институциональная матрица представляет собой модель базовых общественных институтов, сложившихся еще при возникновении первых государств – устойчивых человеческих сообществ. Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой, тем не менее, сохраняется [77].

Институциональная матрица обеспечивает взаимосвязанное функционирование таких основных общественных подсистем, как экономика, политика и идеология. Теория институциональных матриц основывается на двух основных постулатах. Первый постулат предусматривает изучение общества как интегральной неделимой общности. В экономической социологии условно осуществляется абстрактная декомпозиция в трех измерениях – экономическом, политическом и культурно-идеологическом. Такой подход рассматривает общество как систему, состоящую из экономической, политической и культурно-идеологической подсистем.

Экономическая подсистема представляет собой основу физического воспроизводства общественного богатства. Фактически экономика является производственным базисом развития общества. Политическая подсистема в институциональной матрице включает государственное устройство, формы правления, а также фундаментальную структуру принятия и исполнения решений в обществе. «Политика однозначно согласована с типом экономической системы и представляет собой способы мобилизации общественных ресурсов на достижение значимых целей и эффективное функционирование экономики», – пишет С.Г. Кирдина [77]. Наряду с экономикой и политикой, идеология в институциональной матрице понимается как базовая общественная ценность, выражаемая типом господствующей идеи. Второй постулат теории институциональных матриц гласит о существовании совокупности базовых институтов, которые характеризуют природу и характер конкретно определенного общества.

В теории институциональных матриц для каждого вида матрицы (X либо Y) устанавливается свой набор базовых институтов.

X-матрица основана на следующих базовых институтах [78]:

- институты, регулирующие экономическую сферу: институты редистрибутивной экономики (по К. Поланьи [140]), которые включают институты верховной условной собственности; кооперации; редистрибуции (аккумуляции–согласования–распределения); X-эффективности (категория введена Х. Лейбенштайном [105]), т. е. снижения издержек нерыночными методами;

- институты, регулирующие политическую сферу: институты унитарного политического устройства, которые включают институты административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия;

- институты идеологии («Мы» над «Я»): институты коллективизма; эгалитаризма; порядка; ориентированные на благополучие трудовой мотивации; холистические (интегральные) представления о мире.

Институты X-матрицы доминируют в России, в странах Азии и Латинской Америки.

Y-матрица основывается на следующих базовых институтах [78]:

- институты, регулирующие экономическую сферу: институты рыночной экономики, включающие институты частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли–продажи); получения прибыли, или Y-эффективности (категория Х. Лейбенштайна [105]);

- институты, регулирующие политическую сферу: институты федеративного политического устройства, включающие институты федерации; самоуправления и subsidiarity; выборов; многопартийности и демократического большинства;

- институты идеологии («Я» над «Мы»): институты: индивидуализма; стратификации; свободы; денежно-ориентированной трудовой мотивации; редукционистские (дискретные) представления о мире.

Институты Y-матрицы преобладают в странах Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии.

Отметим, что в чистом виде X-, Y-матрицы не существуют, поскольку в конкретном обществе, независимо от того, к какому типу матриц оно относится, все равно имеются черты как X-, так и Y-матрицы.

В нашем исследовании базовые положения теории институциональных матриц как теории мезоуровня будут использованы в качестве основы для совершенствования стратегии реформ в развитии экономических систем мезоуровня. Применение теории институциональных матриц позволит определить контуры экономической системы организации и мобилизации общественных ресурсов в условиях цифровых трансформаций. Являясь идеологически нейтральной, теория институциональных матриц имеет прагматическую направленность, что обуславливает важность разработки метрик оценки институциональных измерений российских реформ.

Таким образом, исследование экономических систем мезоуровня в современных условиях кардинальных изменений экономических отношений целесообразно осуществлять на основе институционального анализа фактора реформ. Интегративность применения положений концепции мезоинститутов с теорией институциональных матриц предопределяет формирование концептуального контура исследования влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня на основе выявления закономерностей и взаимообусловленности указанных аспектов.

Принимая во внимание особую важность формирования мезоинститутов как основы для адаптации макростратегии реформ к реалиям микросреды, считаем необходимым раскрыть сущностное содержание базовых положений теории реформ применительно к трансформации экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций, сформировать теоретические представления о типологии реформ в развитии экономических систем, обосновать научный подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне, а также разработать подход к совершенствованию стратегии реформ для развития экономических систем на мезоуровне в условиях цифровой трансформации экономики.

1.2 Концептуальные положения теории реформ в развитии экономических систем

Понимание сущности концепта «реформа» представляет особое значение в современных условиях развития экономических систем. Весьма важная роль в развитии теории реформ в российской науке принадлежит академику В.М. Полтеровичу, который под реформой понимает «целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» [150 с. 7]. Ученый неоднократно подчеркивает взаимообусловленность понятий институтов и реформ. «Предмет теории реформ – управляемая трансформация институтов», – пишет он [150, с. 9].

В работе А.И. Колганова, А.В. Бузгалина понятие «реформа» определяется как «качественные изменения в системе социально-экономических отношений, институтов, механизмов функционирования на микро- и макроуровнях» [34, с. 10].

Д.Е. Шестаков, Р.Г. Хаиткулов рассматривают экономические реформы в России 1980–1990-х гг. как целенаправленные преобразования [223, с. 4]. В качестве подхода к изучению эволюции концепций реформ авторы принимают схему «факторы – группы – программы», отмечая, что «программы появляются как результат деятельности неких групп, формирование которых в свою очередь является ответом на вызов внешних экономических факторов. Осуществившись, программы создают некую новую экономическую картину, т. е. новые факторы. Таким образом, схема закольцовывается» [223, с. 4].

Ученые Н.Н. Жаркова, А.В. Федосеенков разделяют понятия «реформа» и «революция». По их мнению, в историческом смысле и революции, и реформы – это развитие общества, государства. Однако развитие это бывает резким и стихийным (революция) или плановым и эволюционным (реформа) [60]. В то же время, реформы «могут быть противопоставлены спонтанной эволюции, когда

роль государства сводится к формальному закреплению сложившихся норм поведения» [152, с. 9].

В то же время С.Н. Максимов указывает на то, что «потребность в реформе возникает тогда, когда развитие экономики ставит под сомнение не отдельные нормы и правила хозяйственного поведения, а саму господствующую концепцию регулирования. Ее переосмысление становится основой для реализации взаимосвязанных мероприятий государства, составляющих содержание реформы» [107, с. 106–108].

По мнению Б.Г. Литвак, существует следующая разница между понятиями «реформа» и «революция»: «реформа совершенствует общественную структуру; революция, в том числе и “сверху”, ее меняет» [106, с. 276].

В исследованиях А.А. Белых, В.А. Мау анализируются как общие вопросы теории реформ, так и история экономических реформ в России в XIX – начале XX в. [15]. Ученые рассматривают проведение реформ и контрреформ как результат взаимодействия нескольких акторов: «теоретика», «реформатора», «правителя», «элиты» и «народа» [15]. Акцентируя внимание на цикличность реформ в течение всей истории страны (реформы М. М. Сперанского, реформы Александра II, реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, контрреформы Николая I и Александра III), А.А. Белых и В.А. Мау подчеркивают, что «целью российских реформ всегда была модернизация страны. Но хотя причины начала реформ обычно носили политический характер, реализовывались в основном экономические реформы» [15, с. 22].

В этой связи проведем анализ сущностного понимания понятий «реформа» и «модернизация». Во многих научных публикациях понятие «модернизация» изучается с позиций политико-экономических трансформаций. Как указывает в своем исследовании А.А. Чирков, «процесс модернизации – это некий переход общества от традиционного к современному этапу развития. Данный переход сопровождается изменениями в различных областях жизнедеятельности общества» [218, с. 18]. Данное понимание модернизации отражает определение понятия, описанного в Большой российской энциклопедии под редакцией Ю.С. Осипова:

«модернизация – процесс перехода от традиционного к современному типу социальной организации, к обществу модерна. Модернизация предполагает кардинальные изменения как на макро-, так и на микроуровне общественной жизни, т.е. сопровождается не только трансформацией институтов социальных, экономических, политических, но и поведения и мышления людей, их ценностных ориентаций» [29, с. 585].

Рассматривая модернизацию как процесс, состоящий из определенного количества фаз, А.А Чирков указывает, что «каждая фаза модернизации имеет четыре цикла перехода от реформ к контрреформам» [218, с. 20]. В продолжение идеи А.А. Чиркова относительно реализации реформ как фазы модернизационного процесса приведем позицию Ю.П. Бокарева, который описывает теорию модернизации с позиций эволюционной теории. «Сторонники теории модернизации считали, что социальные и экономические изменения являются однолинейными и потому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому шли более развитые государства. Изменения необратимы и неизбежно ведут процесс развития к определенному финалу — модернизации», – пишет Ю.П. Бокарев [28, с. 26]. Анализируя положения теории модернизации, автор делает вывод о том, что «несостоятельность существующих теорий догоняющего развития очевидна» [28, с. 32].

Как справедливо отмечают А.А. Белых, В.А. Мау, «опыт истории свидетельствует, что каждый модернизационный проект по-своему уникален и предполагает способность реформаторов и интеллектуальной элиты найти ключевые решения, которые обеспечат успех. Поэтому искусство экономической политики остается ключевым моментом при выработке стратегии реформ» [45, с. 18].

Таким образом, модернизация экономических систем, по нашему мнению, осуществляется путем реализации совокупности реформ/контрреформ в целях перехода системы на новый качественный виток развития.

Вообще исследование теории реформ в развитии экономических систем требует осмысления эволюции концепций реформ. По нашему мнению, здесь важно понимание основ эволюционной экономической теории.

Представителями классического эволюционизма принято считать Ч. Дарвина, О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. Так, Г. Спенсер считал, что сущность эволюционных изменений и прогресса заключается в усложнении общества, усилении его дифференциации, в отмирании «неприспособленных» индивидов, социальных институтов, культур, выживании и процветании «приспособленных».

Классический эволюционизм рассматривает изменения как линейные, которые развиваются по единому сценарию по восходящей. При этом считалось, что существующие до сих пор примитивные общества позволяют свидетельствовать о том, что представляло собой в прошлом развитое общество. Отметим, что теория классического эволюционизма подвергается основательной критике. В качестве аргументов приведем следующие доводы: большинство исторических событий имеют ограниченный и случайный характер; рост многообразия человеческих популяций не дает оснований говорить о едином эволюционном процессе; растущая конфликтность социально-экономических и экологических систем не соответствует эволюционному взгляду на изменения.

В экономической науке предшественниками эволюционной экономики следует считать Дж. Ст. Милля, К. Маркса, Й. Шумпетера, которые использовали в исследованиях методологию эволюционного подхода. Среди современных ученых – сторонников эволюционного подхода в экономике следует выделить А. Алчиана [5], который ввел идею эволюционного отбора в экономическую теорию; Г. Нельсона и С. Винтера, которые обобщили базовые положения эволюционного подхода до уровня новой парадигмы экономической науки; К. Фримена, Дж. Доси, Э. Пенроуза, развивающих эволюционный подход в конкретных исследованиях технико-экономической эволюции.

По мнению А. Конта, ключевым фактором эволюционных изменений является прогресс в научных знаниях. Г. Спенсер усматривал причины изменений

общества в его осложнении и усилении дифференциации. К. Маркс рассматривал как определяющий фактор эволюционных изменений рост производительных сил общества, что приводит к изменению способа производства и общественно-экономической формации. При этом, по мнению К. Маркса, новая общественно-экономическая формация может возникнуть в результате социальной революции.

Теория реформ В.М. Полтеровича по праву называется А.И. Волынским институциональной теорией реформ [42, с. 31]. Это, прежде всего, связано с тем, что теория реформ основывается на трех основных постулатах [152]:

- трансплантация институтов;
- процессы формирования институциональных ловушек;
- теория промежуточных институтов.

Сам В.М. Полтерович под трансплантацией институтов понимает «заимствование институтов из других институциональных систем» [151, с. 2]. Проблема трансплантации институтов рассматривается ученым через призму того, что «неудачи многих реформ проистекают из стремления заимствовать передовые институты из более развитых институциональных систем прежде, чем сформируются условия для их нормального функционирования» [151, с. 3].

По мнению А.И. Волынского, теория трансплантации институтов непосредственно связана с глобальным рынком институтов [42]. «Трансплантация институтов, прежде всего экономических, является одним из ключевых вопросов современной теории реформ, в рамках чего оценивается опыт заимствования, обосновываются причины неудач, предлагаются стратегии совершенствования различных институтов и т.п.» [143, с. 27].

Проблемы трансплантации институтов тесно связаны с проблематикой возникновения институциональных ловушек. В экономической теории понятие «ловушка» употребляется в разных аспектах. По мнению В.М. Полтеровича, «в теории институциональных ловушек речь идет о специальном случае множественности устойчивых равновесий, возникающем в сообществе экономических агентов, выбирающих норму поведения» [152, с. 87]. Отметим, что указанная здесь множественность может означать наличие разнообразных

институтов, которые фактически могут сосуществовать при одних и тех же условиях. Если речь идет об устойчивых неэффективных равновесиях, тогда мы подразумеваем под такими равновесными состояниями «институциональные ловушки».

«Институциональная ловушка – это равновесие, в котором агенты выбрали норму поведения, которая является неэффективной, по сравнению с другой нормой, также являющейся равновесной при тех же внешних условиях», – пишет В.М. Полтерович [152, с. 91]. Отметим, что возникновение институциональных ловушек является следствием «революционного» подхода к прямому заимствованию (трансплантации) институтов без соответствующей адаптации к нормам гражданской культуры.

Процесс формирования и стабилизации возникновения институциональных ловушек осуществляется под воздействием таких механизмов, как: механизма координации, механизма обучения, механизма сопряжения, культурной инерции и лоббирования [152]. Согласно исследованиям Б. Артура, механизмы координации и обучения имеют важное значение в процессе блокировки технологического развития [232]. Здесь же следует сослаться на работу Г.Б. Клейнера, в которой отмечено, что «механизмы формирования и закрепления норм непосредственно охватывают три различные пространства: пространство норм, пространство агентов и временное пространство» [88, с. 187].

В научной литературе в качестве институциональных ловушек часто называют процессы, характерные для переходной экономики России 90-х гг. Речь идет о бартерных операциях, росте неплатежей, коррупции, развитием теневой экономики, ловушках частичной реформы. При этом, следуя логике понимания сущности институциональных ловушек, указанные явно негативные процессы для экономики создавались и поддерживались «структурно аналогичными механизмами» [152, с. 89].

Как показывает опыт трансформаций экономических систем, начало реформ, как правило, сопровождается высоким риском возникновения институциональных

ловушек и ростом трансакционных издержек. В то же время эффекты обучения и координации способствуют уменьшению трансакционных издержек новой нормы.

По мнению В.М. Полтеровича, для обеспечения выхода из институциональных ловушек «необходимо добиться изменения одного из трех состояний: а) увеличить трансакционные издержки действующей неэффективной нормы; б) уменьшить трансакционные издержки альтернативной эффективной нормы; с) снизить трансформационные издержки перехода к альтернативной норме» [152, с. 90].

В работе Ю. И. Будович предложена классификация институциональных ловушек, в зависимости от уровня в экономической системе [33]. На мезоуровне автор рассматривает следующие виды финансовых институциональных ловушек: бартер; неплатежи; уклонение от налогов; ловушка процентных ставок; валютная ловушка; ловушка низкой оплаты труда; инфляционная спираль непродуктивной экономики; ловушка теневых выплат заработной платы и др. [33, с. 19]. Наряду с этим, Ю.И. Будович уделяет внимание структурным ловушкам на мезоуровне, к которым относит: «административные барьеры; толлинг (давальчество); ловушку заниженной оценки приватизируемых основных фондов; ресурсно-институциональную ловушку; ловушку деградации институтов государственного управления; ловушку консервативных форм регулирования социально-трудовых отношений; постприватизационную ловушку; ловушку модели социального контакта при организации производства образовательных услуг; «диссертационную» ловушку в российской экономической науке; институциональный конфликт между сферой высшего образования и рынком труда [33, с. 19].

Изучение содержания институциональных ловушек не ограничивается анализом уровней управления в экономической системе. Ученые выделяют также институциональные ловушки, связанные с процессом принятия управленческих решений. Р.М. Нижегородцев в процессе исследования критериев эффективности принятия решений характеризует управленческие ловушки, проявляющиеся в процессе оценки эффективности принимаемых управленческих решений. К таким

ловушкам он относит ловушку детализации; ловушка измеримости; ловушку унификации [127, с. 577].

Отметим, что наряду с институциональными ловушками, возникающими в качестве побочных эффектов в результате ускоренного внедрения реформ, В.М. Полтерович выделяет и ловушки, формирующиеся в результате заимствования институтов (их трансплантации). Как показала практика преобразований в 1990-х гг. XX в., простое заимствование институтов западных экономических систем не позволило обеспечить должный эффект. Речь идет о возникновении дисфункций трансплантируемых институтов.

В.М. Полтерович выделяет такие возможные варианты дисфункций [152]:

- атрофия и перерождение института;
- активизация альтернативных институтов и отторжение трансплантантов;
- институциональный конфликт как результат различия институциональных условий страны-донора и страны-реципиента;
- парадокс передачи, когда в результате страна-донор выигрывает за счет страны-реципиента.

Таким образом, наряду с возникновением институциональных ловушек вследствие внедрения реформ, возникают также и дисфункции институтов. Анализ научных публикаций по исследуемому вопросу показал, что институциональные ловушки не тождественны дисфункциям институтов. Если институциональная ловушка представляет собой совокупность неэффективных устойчивых равновесий, то дисфункция институтов предполагает изменение функции института в той степени, когда экономический агент не ожидает таких эффектов. Речь идет о несоответствии ожидаемого эффекта института ожиданиям экономического агента. Институциональную ловушку можно считать в некоторой степени причиной возникновения дисфункций институтов.

Исследуя концептуальные положения теории реформ в развитии экономических систем, важно уделить внимание и такому аспекту, как скорость реформ. Здесь весьма интересным является, на наш взгляд, подход В.Л. Берсенёва, поднимающего вопрос о темпах преобразований, от которых может зависеть успех

либо неуспех реформы. «Поспешность в реализации реформ является одним из источников возникающих институциональных ловушек», – отмечает В.Л. Берсенёв [17, с. 28].

Противоречивый эффект от поспешности реформ подчеркивает и Е.В. Балацкий, который утверждает, что «каскад институциональных преобразований сам по себе ведет к возникновению институциональной ловушки» [12, с. 50]. В этой связи весьма важным является планирование реформ.

Принимая во внимание все вышеизложенное, отметим, что заимствование западных институтов в экономику переходного периода без соответствующей адаптации к нормам культуры общества, неизбежно приводит к появлению разного рода институциональных ловушек, которые фактически подменяют базовые системы понятий. В этой связи следует такому революционному подходу, базирующему на заимствовании институтов, противопоставлять эволюционный подход, который основывается на формировании и конструировании собственных национальных институтов.

В теории В.М. Полтеровича эволюционный подход к формированию реформ связан с конструированием новых институтов (на базе заимствованных либо созданием новых с адаптацией к нормам культуры). Для этого ученый вводит понятие «стратегии промежуточных институтов» [152, с. 136].

Основой стратегии промежуточных институтов является взаимоувязанность четырех элементов [152, с. 136]:

- управляемое выращивание;
- конструирование институтов;
- трансплантация институтов;
- институциональный эксперимент.

Согласно стратегии промежуточных институтов для повышения эффективности проводимых реформ вводятся новые институты, не отрицающие уже существующие. При этом может наблюдаться конкуренция между институтами, которая может только повысить эффективность проводимых реформ.

Реализация стратегии промежуточных институтов связана с формированием ряда институциональных траекторий реализации реформ. Указывая на неразрывность понятия институтов и реформ как на теоретико-методологическом уровне, так и на практическом, В.М. Полтерович критикует недостаточный интерес ученых–институционалистов к пониманию и переосмыслению реформ. В.М. Полтерович пишет, что «реформы генерируют поток институциональных инноваций. Поэтому теория реформ должна была бы стать важнейшей частью институциональной экономики. Тот факт, что этого не происходит, вновь ставит вопрос о жизнеспособности институционализма, который пока остается привлекательной идеологией, а не инструментом исследования» [145, с. 4].

Непосредственную связь между институциональным подходом и реформами подчеркивает В.Л. Берсенёв [17]. «Экономическая реформа как перерыв постепенности, своеобразная точка бифуркации при выборе аттрактором нового направления, обуславливает необходимость институционального подхода к анализу, без использования которого (в явной или скрытой форме) изучать сколько-нибудь значимые события в длительном временном интервале просто невозможно», – пишет ученый [17, с. 22].

Основной задачей реформирования является решение «проблемы выбора перспективной траектории – последовательности институтов, удовлетворяющей определенным требованиям и потому имеющей высокие шансы на успех. Для описания множества возможных траекторий необходимо задать институциональное пространство, в котором происходит движение» [151, с. 3].

«Важнейшей предпосылкой успеха рыночных реформ является создание эффективного государства», – пишет В.М. Полтерович [146, с. 35]. Исследование положений теории реформ в развитии экономических систем позволяет констатировать, что методологической основой современной теории реформ является проведение компаративных оценочных исследований в области реформирования, обобщения опыта разных стран, что в дальнейшем ложится в основу теоретических положений [58, 150].

Как подчеркивают в своем исследовании С.В. Дорошенко, К.К. Нигметов, «оценка реформ является самостоятельным направлением оценки политики. Именно политические и экономические реформы 1990-х гг. положили начало оценке программ в России и других бывших советских республиках, а связано это с активизацией деятельности так называемых международных доноров и развитием некоммерческого сектора» [58, с. 144]. Более того, ученые подчеркивают, что «современная теория реформ может явиться дополнительным теоретическим укреплением (наряду с теорией изменений, системным подходом и др.) оценки политики» [58, с. 144]. Это позволит более комплексно проводить оценку издержек на адаптацию трансплантируемых институтов, выстраивать перспективные институциональные траектории с учетом минимизации возникновения институциональных ловушек.

На основе вышеизложенного на рисунке 1.1 представлен теоретический контур влияния реформ на экономические системы с учетом базовых элементов теории реформ. Разработанная нами схема влияния реформ на экономические системы наглядно показывает подходы к внедрению реформ с учетом ряда ограничений – культурных, ресурсных, технологических, политических. Эволюционный подход предусматривает конструирование новых институтов на базе заимствованных либо создание новых институтов с адаптацией к нормам культуры. Нами рассматривается эволюционный подход как такой, который позволяет разработать собственную национальную стратегию реформ и сформировать траектории институциональных трансформаций как с помощью промежуточных институтов, так и при помощи вспомогательных институтов. Данный подход предполагает разработку и использование системы стратегического планирования с установлением системы стратегических целей и задач, которые должны быть использованы при оценке концепций реформ. Оценка концепций реформ является необходимым условием для реализации стратегий реформ в целях обеспечения эффективного развития экономических систем. Эффективность развития экономических систем определяет и эффективность общественного выбора.

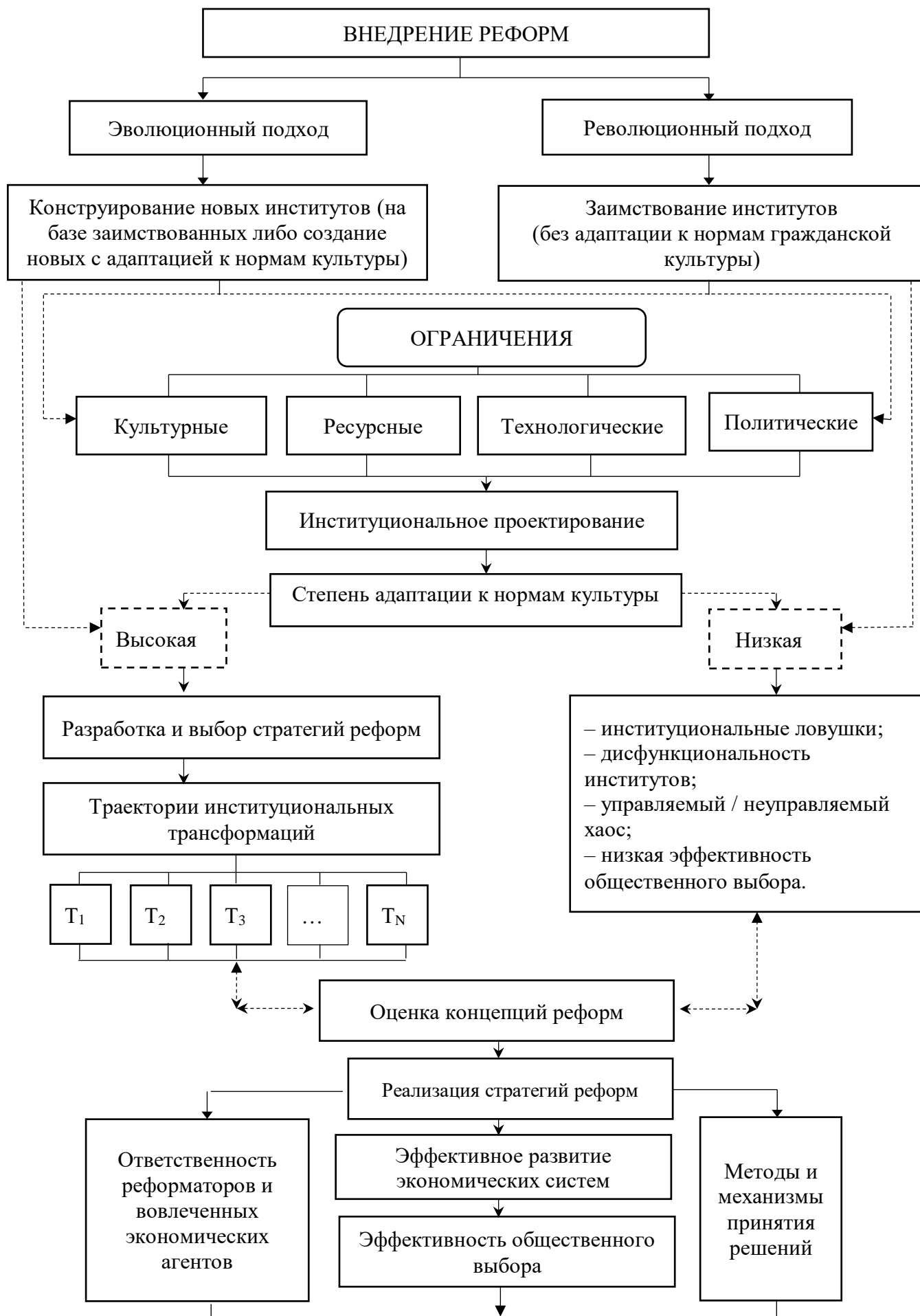

Рисунок 1.1 – Теоретический контур влияния фактора реформ на экономические системы (разработано автором)

Здесь мы акцентируем внимание на функциях института ответственности реформаторов и вовлеченных экономических агентов за принимаемые ими управленческие решения. Революционный подход к внедрению реформ предполагает заимствование институтов без адаптации к нормам гражданской культуры, так называемую «трансплантацию институтов» по В.М. Полтеровичу [152]. Низкая степень адаптации таких институтов к нормам культуры приводит к возникновению институциональных ловушек, дисфункциональности институтов, а также к развитию форм управляемого и неуправляемого хаоса; снижению эффективности общественного выбора. Отметим, что ключевым аспектом успешности внедрения реформ является, с нашей точки зрения, степень адаптации институтов к нормам культуры. Принимая во внимание значимость институционального подхода к проектированию и внедрению реформ, в нашем исследовании нашли развитие базовые положения теории реформ в части введения обязательного элемента оценки концепций реформ как предпосылки реализации стратегий реформ с обязательным закреплением ответственности реформаторов и вовлеченных экономических агентов за процесс внедрения реформ. Роль личности реформаторов в процессе осуществления реформ 1990-х гг. подчеркивается и в работах Р.Г. Хаиткулова, Д.Е. Шестакова [211, 223]. Ученые уделяют особое внимание значимости личных амбиций и целей реформаторов, а также их влиянию на ход реализации реформ: «в качестве одного из достоинств «младореформаторов» и работников Госплана является жесткость мышления, которая отсутствовала у людей, которые работали в академических институтах» [223, с. 19].

На основе вышеизложенного сделаем вывод, что понимание концептуальных положений теории реформ является крайне важным в развитии экономических систем в современных условиях реализации национальных проектов. Научная значимость разработки стратегии реформ обусловлена необходимостью обеспечения интеграции результатов уже разработанных стратегий развития субъектов регионального уровня с реализующимися программами национальных проектов. Достижение указанной интеграции позволит обеспечить эффективное исполнение ожидаемых результатов реализации национальных проектов развития России.

1.3 Теоретические представления о типологии реформ

Понимание сущности влияния реформ на развитие экономических систем обуславливает необходимость проведения анализа теоретических представлений о типологии реформ. Ввиду значительного количества научных публикаций о различного рода реформах и их реализации, остановимся подробнее на возможностях выявления закономерностей в осуществлении типологии реформ.

Типология как метод научного познания, направлен «на расчленение множества дискретных объектов и их группировку с помощью типа – обобщенной идеализированной модели. Результат типологического описания и сопоставления используется в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, уровней организации объектов - как сосуществующих, так и разделенных во времени» [224].

Применительно к реформам, если рассматривать типологию как один из способов систематики [49], то это позволяет как упорядочить научные знания об исследуемой реформе, так и обосновать существенные признаки реформы. В данном случае мы опираемся на подход Л.И. Глухарёвой, рассматривающей типологию как «более высокий уровень обобщения, по сравнению с классификацией и систематизацией. Классификация реформ позволяет группировать их разные виды на основе сходства и различия» [49, с. 43].

В своем исследовании о типах правозащитных реформ Л.И. Глухарёва указывает, что метод типологии позволяет сформировать «тип теоретической идеализации реформы, который помогает выделить ее сущностные черты путем логического упрощения и отсекаания второстепенных свойств. Создаваемый при этом идеализированный тип – «правозащитная реформа» – не замещает эмпирическую реальность, а выступает инструментом перехода от практики к теории, созданию теории правозащитной реформы» [49, с. 43].

Российский ученый В.А. Аракчеев, называя историю реформ «практиками социальной инженерии» [7, с. 43], отмечает, что «термин «реформы» был введен в

научный лексикон российской историографии трудами В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова» [7, с. 43]. В.О. Ключевский рассматривал «реформу местного управления одновременно с военной реформой, введением губных учреждений, земской реформой и введением «верного» управления в кабацком и таможенном деле» [90, с. 360].

По свидетельству В.А. Аракчеева, «одним из важных качеств реформ Нового и Новейшего времени является их завершённый характер: реформа проводится в ограниченные сроки и заканчивается воплощением заявленной программы» [7, с. 44]. Ученый рассматривает типологию реформ в период XVI–XVII вв., выделяя такие типы реформ [7]:

- преобразования в сфере финансов;
- мероприятия, изменившие порядок системы налогообложения;
- преобразования в сфере местного управления.

Наряду с этим, исследуя реформы Петра Великого, П.Н. Милюков выделил ряд реформ уже во второй половине XVII в. [116]. «Финансовой реформой 1679–1681 гг.» он называл переход к подворному обложению, «реформой 1680 г.» – создание военно-финансовых округов. Выборы бурмистров на посадах и создание Бурмистерской палаты в Москве он охарактеризовал как «областную» и «центральную» реформы [116, с. 123-124]. Именно П.Н. Милюков в своих исследованиях поднимает проблему отсутствия теоретического базиса проблемы реформ. «Реформа без реформатора», – пишет П.Н. Милюков [116, с. 266], подчеркивая адаптированность петровских реформ к реалиям второй четверти XVIII в.

По мнению А.Ш. Мамбеткулова, административные реформы направлены на изменение порядка принятия и реализации управленческих решений и, прежде всего, связаны с повышением эффективности института административных процедур [109, с. 162]. Результатом реализации административных реформ должно стать введение режима упрощения административных процедур, что связано с усилением прозрачности и информированности населения [109, с. 162].

Белорусские ученые М.В. Мясникович, А.Н. Бодак, С.В. Панькова рассматривают реформы управления с позиций административных реформ. Они отмечают, что «особенности проведения административных реформ (их типы) определяются стабильностью политической системы государства. Управленческие реформы подразделяются на функциональные, процедурные, структурные» [122, с. 5].

Н.В. Беликова в своей работе подчеркивает, что «общая направленность преобразований должна быть стимулирующей, позитивной, приводящей к повышению эффективности функционирования экономической системы; расширительной – направленной на включение в модель экономики новых компонент или новых связей между существующими» [14, с. 12].

В работе С.С. Слепакова исследуется проблема приоритетной значимости реакций общества на проводимые в России реформы [183]. Ученым «обосновывается необходимость корректировки российских реформ от обслуживания собственных интересов представителей властно-олигархических структур, к реализации общенациональных интересов - функции наиболее эффективного способа воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности общества» [183, с. 43].

Исследователь А.А. Раквиашвили акцентирует внимание на обеспечении устойчивости реализации реформ. Ученым раскрываются особенности «компенсационных сделок, заключение которых теоретически способно ускорить проведение реформ, а также снизить противодействие им» [62, с. 89]. По мнению А.А. Раквиашвили, «компенсационные контракты, в отличие от того, что принято считать, не только не способствуют реформам, но, наоборот, тормозят их осуществление через частичное сохранение значимости старых групп влияния и политические компромиссы. Поэтому механизмы возмещения ущерба часто применяются как элемент политического торга лишь в случае небольших изменений, но не при радикальных и масштабных реформах» [62, с. 89].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что понятие «реформа» рассматривается нами в разных социально-экономических и институциональных

контекстах, в связи с чем приобретает дополнительные характеристики. Выделим следующие критерии типологических видов реформ в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы [163]:

1. Реформы, формирующие условия для развития конкретных сфер жизнедеятельности общества: реформы в сфере образования; реформы в сфере здравоохранения; научно-технологические; пенсионные; политические; трудовые; военные; налоговые; аграрные; денежные; судебные; экологические; строительные.

2. Реформы, определяющие структуру эффектов воздействия на развитие экономических систем: институциональные, экономические, социальные, структурные, рыночные, конституционные.

3. Реформы, оказывающие воздействие на уровни в экономической системе: реформы государственного уровня; реформы регионального уровня; реформы муниципального уровня; реформы городского самоуправления.

4. Реформы, определяющие политико-правовое воздействие на экономические системы: административные; процессуальные; антикоррупционные; правозащитные.

5. Реформы, определяющие характер преобразований: прорывные; стагнирующие.

6. Реформы, отражающие характер завершенности проводимых мероприятий: завершенные; незавершенные; продолжающиеся.

7. Реформы, отражающие характер дискретности проводимых мероприятий: непрерывные; прерывные.

8. Реформы, отражающие тип влияния на развитие экономических систем: положительные; деструктивные [163].

Предлагаемые типы реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы, представлены на рисунке 1.2.

В целях проведения настоящего исследования рассмотрим теоретические подходы к пониманию сущности типов реформ, которые определяют структуру

эффектов воздействия на развитие экономических систем. К таковым нами отнесены: институциональные, экономические, социальные, структурные, рыночные, конституционные реформы.

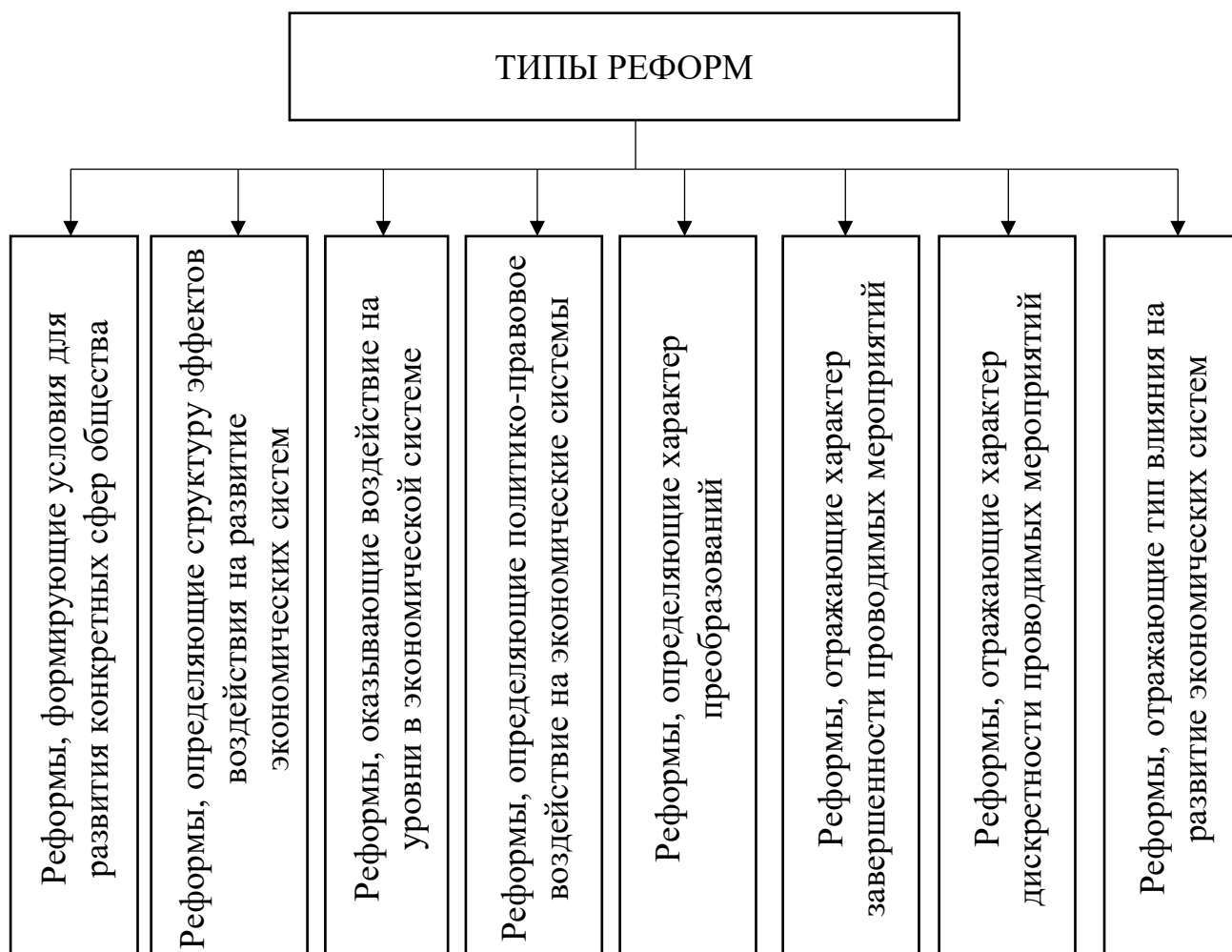

Рисунок 1.2 – Типология реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы

Источник: составлено автором

Под институциональными реформами часто понимают реформы существующих органов управления [210]. По мнению Е.А. Бренделевой, институциональные реформы практически во всех сферах деятельности направлены на реформирование тех или иных институтов. «Часто можно констатировать, что данные изменения относятся в большей степени к формальным правилам, и в меньшей степени затрагивают неформальные нормы,

что придает реформам поверхностный характер, поскольку именно последние играют решающую роль в определении тенденций развития общества», – пишет Е.А. Бренделева [32, с. 28].

В развитие идей о направленности институциональных реформ на качественное изменение институтов посвящена работа Н.Р. Исправниковой, в которой автор описывает институциональные реформы как таковые, которые направлены на улучшение качества институтов, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т.п. [71]. Н.Р. Исправникова подчеркивает, что «развитые институты создают благоприятные условия для экономического роста, ограничивая возможности политиков извлекать коррупционную ренту и побуждая их совершенствовать институты. Попав в институциональную ловушку, реформа оказывается на неэффективной траектории. Ее дальнейшее развитие зависит от того, насколько быстро будет найден выход из этой ловушки» [71, с. 11].

Аналогичной позиции придерживается и А.А. Дынкин, который отмечает, что «именно институциональная реформа обеспечивает повышение темпов экономического роста в долгосрочном периоде» [59, с. 64].

Наряду с этим, О.Н. Артёмова отмечает обострение противоречий, характерных для современной политики государства в сфере институциональных реформ [8]. В своем исследовании О.Н. Артёмова, опираясь на труды ученых-институционалистов [160], пишет, что «приоритетные направления оптимизации институциональной среды имеют преимущественно функциональный характер, тогда как системные характеристики сложившейся институциональной среды остаются неизменными» [8, с. 11]. К таким характеристикам институциональной среды ученые относят такие, как: «асимметрия действия экономических и политических факторов развития российской экономики; формализация (нейтрализация) институтов гражданского общества, способных эффективно ограничивать те или иные действия власти; коррупционная лояльность как основа системной коррупции; хроническое отставание законодательства от экономических реалий, расширение зоны неопределенности и неадекватности

законодательного, правоприменительного и регулятивного обеспечения процессов развития экономических институтов; формирование «двойного стандарта» и различных правил рыночной игры для разных классов участников, «точечное» (избирательное) применение законов в целях политической борьбы и недобросовестной конкуренции, что создает непреодолимые препятствия как для формирования благоприятной институциональной среды, так и для локальных институциональных изменений; негативное взаимовлияние ключевых институтов, что свидетельствует о низкой заинтересованности государства в установлении прозрачных правил, исключает эффективное регулирование в отдельно взятых сегментах; укрепление модели «государственного капитализма» [8, с. 11].

Развивая подход О.Н. Артёмовой, А.Д. Радыгина, Р.М. Энтова, отметим, что институциональные реформы, как правило, разрабатываются на федеральном уровне и реализуются посредством передачи на исполнение на региональный и муниципальный уровни. И.К. Киямов обращает внимание на постоянный процесс институциональных трансформаций в России [86]. При этом, как справедливо отмечает И.К. Киямов, «основное внимание исследователей и средств массовой информации уделяется федеральным инициативам без учета их влияния на субъекты РФ» [86, с. 51]. Мы поддерживаем позицию ученого, что малоисследованной остается «проблема взаимодействия между федеральным и региональным уровнями при реализации мероприятий реформы» [86, с. 51]. Здесь весьма важно уделить внимание исследованию проблем стимулирования регионов в реализации мероприятий институциональных реформ.

В теоретическом исследовании И.К. Киямова указывается на наличие определенного проблемного дисбаланса в процессе реализации реформ на мезоуровне [86]. Как отмечает И.К. Киямов, «поскольку регионы заинтересованы в большей степени в получении финансирования за счет средств, выделяемых федеральным уровнем, они участвуют в конкурсных отборах для получения средств на реализацию новых проектов, тогда как уже реализуемые проекты остаются зачастую незавершенными» [86, с. 27].

Как справедливо указывает Е.А. Бренделева, «институциональные реформы могут длиться как несколько лет, так и несколько десятилетий, поскольку требуют изменения не только основных, но и сопутствующих институтов, затрагивают как формальные, так и неформальные отношения между экономическими агентами» [32, с. 28].

Качество институтов в значительной степени влияет на экономический рост [181]. Улучшение качества институтов в значительной мере связано с повышением уровня массовой экономической и политической культуры, а для этого необходим рост благосостояния [151]. По мнению академика В.М. Полтеровича, «круг замыкается: бедность порождает избыточную перераспределительную активность, препятствующую совершенствованию институтов, плохие институты тормозят рост, закрепляя низкий уровень благосостояния» [151, с. 25]. Одни институциональные реформы вряд ли могут привести к успеху [147]. Опыт стран, успешно внедривших реформы догоняющего развития, показывает, что такой выход из институциональной ловушки возможен за счет реализации активной государственной политики стимулирования экономического роста в обеспечении финансирования крупных инвестиционных и научно-технологических проектов. Экономический рост способствует «спонтанному» развитию институтов и облегчает их реформирование [11, 151].

В рамках институциональной реформы В.М. Полтерович различает два типа институтов: «институты конкурентного рынка и институты догоняющего развития» [144, с. 36]. К первому типу ученый относит «институты, обеспечивающие высокое качество конкурентной среды, – защиту прав собственности, антимонопольное регулирование, низкие барьеры входа на рынок, низкий уровень коррупции» [144, с. 36]. Здесь важно обеспечивать высокий уровень гражданской культуры общества. Институты второго типа получили название «институтов догоняющего развития» [144, с. 36] и являются промежуточными. Промежуточный характер институтов связан с их способностью быстро обеспечить экономический рост в условиях действия ряда экономических, технологических и культурных ограничений в странах с переходной экономикой.

Мы разделяем позицию В.М. Полтеровича относительно того, что в процессе планирования и реализации реформ очень важно разрабатывать на теоретическом уровне промежуточные институты во избежание «слепого» заимствования институтов, успешно реализованных и проявившихся, например, в регулировании экономических процессов других стран.

Противником трансплантации демократических прозападных реформ является и Ю.П. Бокарев. Ссылаясь на труды великого русского ученого-лингвиста Н.С. Трубецкого, Ю.П. Бокарев подчеркивает, что «вестернизация бесповоротно приводит к возникновению ряда тупиков» [28, с. 32].

Отметим, что при проведении институциональных реформ важнейшими факторами, которые могут значительно препятствовать развитию институтов конкурентного рынка, являются совокупность характеристик гражданской культуры и технологические ограничения.

При доминировании институтов догоняющего развития эффективность проводимых институциональных и других реформ во многом определяется налаженной системой стратегического планирования в государстве. Как справедливо подчеркивает В.М. Полтерович [144, с. 39], «каждая из существующих ныне в разных странах систем национального планирования представляет собой тот или иной вариант синтеза двух базовых механизмов: универсального и программного планирования». В России система национального планирования основывается на двух подсистемах – универсального планирования и программно-целевого планирования.

Наряду с сущностью институциональных реформ, рассмотрим характерные признаки и типы экономических реформ.

Как описывает В.М. Полтерович, в экономической истории нашей страны имеют место две широкомасштабные трансформации институтов: «строительство социализма (1917-1980-е гг.) и «переход к рынку» (90-е гг. XX ст. – по настоящее время).

Для понимания сущности экономических реформ, по мнению Н.В. Беликовой, необходимо понимание базовых теоретических концепций,

объясняющих направленность экономических реформ. К базовым теориям и концепциям, изучающим процессы реформирования экономики, Н.В. Беликова относит теорию компаративистики, теорию транзитологии, теорию переходной экономики, теорию реформ [14, с. 9]. Основными факторами, влияющими на процессы протекания экономических реформ, ученый определяет следующие: экономические циклы; финансово-экономические и общественные кризисы; переход к постиндустриальному обществу; экологический кризис; деформация структуры производства; расширение теневого сектора; низкий уровень развития инновационных технологий и др. [14, с. 11].

Анализ теоретических подходов к трактованию сущности экономических реформ позволил прийти к выводу, что экономическая реформа, как совокупность системных мероприятий, реализуемых через ряд конкретных проектов, направлена на трансформацию модели экономики определенного уровня экономической системы.

По словам Р.С. Гринберга, «экономические реформы, наряду с распадом СССР, стали самыми важными, знаковыми событиями новейшей российской истории, на многие годы определившими траекторию ее развития» [52, с. 8].

Активная реализация экономических реформ, направленных на преобразование централизованной советской экономической системы в рыночную, началась с конца 80-х гг. Официально датой реализации новейших «гайдаровских реформ» является 2 января 1992 г. Целью проведения «гайдаровских реформ» стало переход к «экономической системе рыночного типа» [52].

К наиболее значимым экономическим реформам 90-х гг. следует отнести следующие:

- реформы по либерализации цен;
- массовая приватизация государственных и муниципальных предприятий,
- реформы по либерализации внешней торговли;
- реформы по либерализации финансового рынка;
- бюджетная реформа;
- налоговая реформа.

Экономические реформы 90-х гг. были направлены на радикальную смену плановой системы хозяйствования на рыночную. На рисунке 1.3 указаны главные негативные последствия проводимых экономических реформ.

Рисунок 1.3 – Экономические реформы 90-х гг. и их негативные последствия

Источник: составлено автором на основе [52, 136, 189]

В таблице 1.1 представлены результаты реализации наиболее значимых экономических реформ 90-х годов.

Л.А. Мусаелян отмечает, что «реформы 90-х привели к преобразованию базиса, а это, в свою очередь, способствовало изменению надстройки. Однако, если вспомнить научную методологию исследования политико-правовых институтов, надстройка не только зависит от базиса, но имеет относительную самостоятельность и активно влияет на базис» [121, с. 43].

Таблица 1.1 – Результаты реализации наиболее значимых экономических реформ 1990-х гг.

Тип экономической реформы	Базовые формальные институты регулирования	Результаты реализации реформ
Либерализация цен	<ul style="list-style-type: none"> – Указ Президента РСФСР от 3 декабря 1991 года №297 «О мерах по либерализации цен»; – Постановление Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 года №55 «О мерах по либерализации цен». 	<ul style="list-style-type: none"> – гиперинфляция; – влияние мировых рынков на динамику стоимости российских товаров; – падение покупательского спроса; – рост преступности; – расслоение общества и др.
Либерализация финансового рынка	<ul style="list-style-type: none"> – Постановление Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 года № 92-1 «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики»; – Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 года № 1917-1 «О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы РСФСР»; – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 декабря 1991 года № 2066-1 «О ходе выполнения Постановления Верховного Совета РСФСР «О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы в РСФСР» и о Государственном банке СССР». 	<ul style="list-style-type: none"> – ликвидация государственной монополии на банковское дело; – переход к формированию двухуровневой банковской системы; – децентрализация управления банковской системой России; – развитие агентских отношений на финансовом рынке.
Приватизация государственных и муниципальных предприятий	<ul style="list-style-type: none"> – Закон РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» от 3 июля 1991 года №1531-1; – 	<ul style="list-style-type: none"> – передача значительного количества объектов государственной собственности в частную собственность по ценам, ниже их реальной стоимости; – заниженная стоимость приватизации основных фондов привела к резкому падению уровня инвестиций в основной капитал; – появление олигархата; – падение темпов и качества экономического роста страны; – рост криминализации экономики.

Продолжение таблицы 1.1

Либерализация внешней торговли	– Указ Президента РФ от 29 января 1992 года № 65 «О свободе торговли».	– повышение степени открытости экономики России; – монополия государства на внешнюю торговлю; – высокий уровень доходности внешнеторговых операций по продаже сырьевых ресурсов (нефти, топлива, цветных металлов) привел к спаду производства; – рост внутренних цен; – рост коррупции; – рост преступности; – снижение уровня конкурентоспособности продукции легкой промышленности (ввоз товаров из Польши, Турции, Китая); – ориентированность российского импорта на сектор готовых потребительских товаров и др.
Налоговая реформа	– Закон РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» от 27 декабря 1991 года № 2118-1; – Федеральный Закон РФ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» от 25 сентября 1997 года № 126-ФЗ; – Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года №146-ФЗ.	– введение Налогового кодекса РФ, заложившего основы системы налогообложения в стране; – разделение полномочий между федеральным центром и регионами РФ; – реформа НДС; – реформа таможенных налогов и сборов; – реформа в сфере налогообложения собственности; – реформа в сфере налогообложения доходов физических лиц и др.
Бюджетная реформа	– Закон РФ от 15 апреля 1993 года № 4807-1 «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления»; – Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ.	– развитие финансово-бюджетного федерализма в РФ; – созданы основы формирования и функционирования местных бюджетов; – введена новая форма перераспределения средств между федеральными и региональными бюджетами; – наделение субъектов РФ новыми полномочиями в части издания законодательных актов, которые регламентируют бюджетные правоотношения на территории субъектов и др.

Источник: составлено автором на основе [15, 52, 74, 101, 121, 136, 160, 189]

По оценкам ученых, можно выделить достаточно много причин усугубления кризисных явлений в экономике в результате реализации экономических реформ. «Истинная цель реформ, как полагает большинство, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности» [52, с. 22].

Таким образом, отметим, что стандартная предпосылка «рынок сам все отрегулирует» в российских условиях 90-х гг. оказалась неэффективной, более того, разрушительной. Возникла необходимость в установлении четких норм и правил регулирования экономических отношений, в формировании эффективной институциональной среды.

В исследовании Я.И. Кузьмина, В.В. Радаева, А.А. Яковлева, Е.Г. Ясина указывается, что в результате оценки итогов российских реформ 90-х гг. необходимо реализовывать «концепцию выращивания институтов, которая противопоставляет идею направленных институциональных изменений концепциям революционной ломки институтов и относительной неизменности институциональных систем» [101, с. 5]. Критикуя подход, регламентирующий внедрение реформ принятием «хороших законов», ученые указывают на необходимость создания условий «по укоренению новых институтов, преодолению институциональных разрывов, достижению комплементарности институтов, выстраиванию баланса сил в процессе реализации институциональных реформ» [101, с. 7].

Наряду с негативными последствиями реформ 90-х гг. для экономики и социальной сферы, безусловно, стоит выделить и ряд положительных сдвигов в жизни граждан. Речь идет о становлении демократизации процессов развития общества, развитии свободы слова, защите прав человека. Отметим, что ориентация в 90-х гг. на формирование модели «потребительского общества» на фоне роста материального благосостояния населения в 2000-х гг. не привела к обеспечению социальной устойчивости в обществе. Как справедливо отмечают ученые Р.С. Гринберг и М.К. Горшков, «в основе оптимальной экономической

модели страны должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором» [52, с. 29]. Данное заключение ученые делают, ссылаясь на позицию большинства россиян относительно важности ведущей роли государства в экономической и в социальной сфере и непринятии либеральных моделей социально-экономической политики. Окончание десятилетия экономических реформ 90-х показало, что смена имеющихся на то время институтов на институты «рыночного типа» оказалась неэффективной и нескоординированной.

В то же время начало 2000-х гг. ознаменовалось формированием и успешной реализацией новых институциональных и экономических реформ под руководством В.В. Путина. Речь идет, прежде всего, о введении в России основ конституционного порядка, выведении страны на траекторию устойчивого экономического роста.

Подчеркнем, что такие базовые экономические институты, как институт частной собственности, институт приватизации, институт конкуренции, институт либерализации цен – сформировались в результате реализации экономических реформ 90-х гг. Вместе с тем, изменения функций указанных институтов в контексте реализации широкомасштабных социальных, военных реформ, а также реформ в сфере международной дипломатии, позволили значительно повысить уровень качества жизни граждан в 2000-х гг. Проведенный анализ наиболее значимых полученных результатов реализации экономических реформ 1990-х и 2000-х гг. показал, что результаты реформ в переходной экономике значительно зависят от сложившейся системы институтов – как политических, так и экономических. По нашему мнению, здесь важно понимание основ эволюционной экономической теории.

Принимая во внимание вышеизложенное, подведем итог, что рассмотренные нами основные негативные последствия экономических реформ 90-х гг. являются следствием целого ряда ошибок, допущенных реформаторами в процессе разработки и реализации реформ. В этой связи мы считаем, что успешность проводимых реформ в значительной степени определяется наличием определенной стратегии реформ.

Глава 2 Влияние характеристик современных реформ на развитие экономических систем мезоуровня

2.1 Особенности экономических преобразований как предпосылка разработки национальных проектов развития России

В результате теоретико-концептуального исследования фактора реформ в развитии экономических систем мезоуровня в предыдущей главе мы пришли к выводу, что успешность проводимых реформ в значительной степени определяется наличием определенной стратегии реформ.

Проведенный анализ теоретических представлений о типологии реформ позволил выделить разные подходы к проведению реформ: институциональная теория реформ В.М. Полтеровича [152], концепция выращивания институтов в процессе внедрения реформ Я.И. Кузьмина [101]. Указанные подходы можно рассматривать, по словам А.Е. Шаститко, как «критику грубой теории» (а точнее – практики) импорта институтов, смысл которой сводился к тому, что реформирование той или иной сферы общественных отношений может быть построено по следующему принципу: изучение зарубежного опыта – формирование лучших практик – разработка новых законодательных норм с использованием юридической техники вписывания новых правил в свод уже существующих [222].

Указанные принципы, как было описано ранее в диссертационной работе, приводят к возникновению институциональных ловушек и развитию дисфункций институтов. Изучению данных вопросов посвящены работы В.В. Вольчика, Я.И. Кузьмина, В.А. Мау, В.М. Полтеровича, В.В. Радаева, Н.А. Шапиро, А.А. Яковлева, К.Э. Яновского, Е.Г. Ясина и других ученых. Однако в трудах упомянутых российских ученых не исследовались вопросы формирования мезоинститутов.

Бесспорно, заслуга В.М. Полтеровича в том, что он впервые в российской экономической науке сформулировал проблему разработки стратегии реформ, а также обосновал важность формирования промежуточных институтов. Однако малоисследованной остается проблема формирования мезоинститутов в развитии экономических систем мезоуровня. Именно мезоуровень в структуре экономической системы является, по нашему убеждению, определяющим в процессе реализации национальных проектов.

Важнейшим объектом мезоэкономических исследований является развитие региона, а также отрасли. Другим важным объектом мезоэкономических исследований являются рынки нового типа – так называемые платформенные рынки, или платформы [113].

Известнейшим ученым в сфере изучения мезоэкономики является Йоу-Кванг Нг, который в 1986 году опубликовал монографию «Мезоэкономика: микро- и макроанализ» [258]. В своей книге Йоу-Кванг Нг осуществил исследование микро- и макроуровней экономической системы на принципах «неоклассического синтеза» [258], предлагая тем самым ввести новое понятие мезоуровня.

Как отмечают российские исследователи проблем мезоэкономического анализа, Йоу-Кванг Нг «рассматривал мезоэкономику как методологию, расширяющую неоклассический подход за счет учета неоднородности рыночных структур» [113, с. 11]. Фактически мезоэкономика в настоящее время является новым уровнем предметной области проведения современных экономических исследований.

Понятие мезоуровня также глубоко описано в трудах Ф. Стюарт, которая под мезоуровнем понимает «уровень анализа между экономикой страны в целом и уровнем отдельных лиц, компаний и домохозяйств [266, с. 37]. Автор подчеркивает, что выделение мезоуровня является необходимым, прежде всего для того, чтобы понять механизмы влияния макроэкономических решений на агентов микроуровня [266]. «Согласно концепции Ф. Стюарт, стратегии на мезоуровне характеризуют глубину воздействия макростратегий, определяя, например, какие

имущественные и гендерные группы и отрасли несут основную тяжесть проводимых на макроуровне реформ» [113, с. 52].

Наряду с вышеуказанными учеными, значимую роль в развитии теории мезоэкономических исследований играют труды К. Допфера, Дж. Фостера и Дж. Поттса, которые обосновывают необходимость выделения мезоуровня тем, что «мезоуровень – это некое пространство, в котором происходит формирование, принятие и распространение социальных норм и институтов, последние из которых рассматриваются как феномен мезоуровня» [242, с. 137].

В свете идей институциональной теории понятие мезоуровня трактуется по-другому. Так, известный в этой сфере ученый К. Менар, являясь автором теории мезоинститутов, пишет, что «мезоинституты отличаются от организационных механизмов-договоренностей в отношении типа правил, которым они следуют. Мезоинституты получают свою легитимность от государственных институтов, которые реализуют свою функцию с помощью общих правил, например, когда вводится закон о дерегулировании телекоммуникационной отрасли или создании энергетических рынков. В этом случае мезоинституты действуют как посредники, отвечающие за выполнение общих правил посредством их перевода в конкретные рекомендации и предоставление обратной связи от операторов, имеющих дело с этими правилами» [254, с. 569].

Российские ученые С. Кирдина-Чэндлер и В. И. Маевский определяют мезоуровень экономики как «систему устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обеспечивают ее воспроизводство и динамику развития в долгосрочной перспективе» [81, с. 12].

Подчеркнем, что исследование экономических систем мезоуровня позволяет увидеть «те особенности структурного устройства экономики и механизмов ее развития, которые не улавливаются в микро- и макроэкономике» [113, с. 87]. По мнению С. Кирдиной-Чэндлер и В. И. Маевского, приверженцев теории мезоэкономики, выделение мезоуровня экономики базируется на представлении об экономике как сложной самоорганизующейся системе. Здесь мезоуровень

экономики определяется как система устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обеспечивают ее воспроизводство и динамику развития в долгосрочной перспективе. Поэтому исследования мезоуровня позволяют увидеть те особенности структурного устройства экономики и механизмов ее развития, которые не улавливаются в микро- и макроэкономике» [81, с. 12].

Рассмотрим особенности экономических преобразований 2000-х гг. в России как предпосылку разработки национальных проектов развития государства. Анализ работ в области реализации экономических реформ в России показал, что условно можно выделить следующие этапы экономических преобразований:

- реформы 1990-х гг. (реализация стратегии шоковой терапии с явно доминирующими чертами рыночного фундаментализма);
- реформы 2000-х гг. (реализация стратегии стабилизации);
- реформы 2010-х гг. – по настоящее время (реализация стратегии устойчивого экономического роста);

В середине 1990-2000-х гг. в России была создана система базовых правовых норм и других институтов, обеспечивающих развитие рыночных отношений. Правительством была поставлена новая задача повысить эффективность деятельности сформированных институтов.

А.Ф. Поломошнов указывает на то, что радикальные экономические реформы 1990-х гг. закончились дефолтом 1998 года. Экономические реформы начала 2000-х гг. характеризовались стабилизацией сформированной на тот момент экономической системы. Реформы конца 2010-х гг., направленные на обеспечение устойчивого экономического роста страны, сопровождались усилением геополитической агрессии стран Западной Европы и США против России [142].

Отметим, что финансовый кризис 1998 года значительно обострил финансово-экономические проблемы, вызвал изменения в условиях производства и потребления. Уровень ценовой конкурентоспособности продуктов и услуг отечественного производства на внутреннем рынке существенно вырос, что на

фоне падения уровня реальных доходов населения и товаропроизводителей привело к переориентации спроса на отечественные товары.

Реализация стратегии экономической стабилизации в обеспечении устойчивого экономического роста сопровождалась стремительным восстановлением объемов производства и развитием позитивных структурных сдвигов в экономике. В целом, развитие экономики в период 1999-2015 гг. характеризовалось благоприятно сложившейся обстановкой на внешних рынках для российских экспортеров в части ценовой конъюнктуры. Речь идет, прежде всего, о росте цен на энергоносители. В то же время анализ ценовой динамики российского экспорта свидетельствует и о росте цен на виды продукции нефтехимической, металлургической, деревообрабатывающей промышленности. Однако, несмотря на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, имело место снижение адаптационных возможностей топливных отраслей.

Инвестиции в основной капитал промышленных предприятий в период 1999-2014 гг. устойчиво росли, однако к началу 2015 года уже стало отчетливо наблюдаться замедление темпов положительной динамики промышленного производства, несмотря на опережающий рост экспортно-ориентированных отраслей. Реализация реформы импортозамещения позволила обеспечить приросты производства в легкой и пищевой промышленности.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года были определены такие основные направления формирования институциональной среды [164]:

– формирование политико-правовых институтов, нацеленных на обеспечение гражданских и политических прав граждан, а также на исполнение законодательства;

– формирование институтов, обеспечивающих развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, пенсионная реформа, обеспечение жильем);

– формирование экономических институтов, то есть законодательства, обеспечивающего устойчивое функционирование и развитие национальной экономики

– формирование институтов развития, нацеленных на решение конкретных системных проблем экономического роста;

– формирование системы стратегического управления в направлении обеспечения гармоничности развития указанных типов институтов и направленной на согласование бюджетной, денежной, структурной, региональной и социальной политики [164].

В работе Ю.И. Будович, М. С. Будович уделено особое внимание реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [33]. Как отмечают авторы, «провозглашение курса на инновационное развитие российской экономики в связи с утверждением в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. привело к выделению значительной массы ловушек, выступающих явлениями, препятствующими переходу от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу социально-экономического развития России» [33, с. 20]. При перечислении видов ловушек ученые приводят такие, как: бюрократическую ловушку, инвестиционную ловушку, ловушку необразованности, ловушки бедности и богатства, ловушку инерционной ментальности и психологической неготовности, ловушки рентоориентированного поведения, ловушки догоняющего развития и копирования, нежелание бизнеса инвестировать средства, ловушки системы общественных финансов, имитация инновационной деятельности [33].

Как мы подчеркивали в предыдущей главе, особое значение для повышения эффективности реформ имеет уровень реализации реформ в регионах России. Проведенный теоретический анализ свидетельствует о том, что понимание мезоуровня в отечественной экономической науке может быть конкретизировано через подход Г.Б. Клейнера, который, рассматривая системы мезоуровня на основе

исследования институтов, определяет мезоуровень как пространство становления институтов [88].

В своей работе В.Л. Тамбовцев указывает, что «региональная институциональная среда имеет обычно неоднородный характер. В нее входят как институты, устанавливаемые центральными государственными органами (Конституция страны, федеральные законы, президентские указы и т.п.), так и те, которые определяются нормативными документами, принятыми на региональном (местном, муниципальном) уровне. Институты второй группы либо развивают и уточняют (детализируют) институты первой группы, либо регламентируют взаимодействие индивидов и организаций в тех сферах, которые не регламентируются институтами первой группы» [198, с. 107-108].

Нам импонирует подход В.Л. Тамбовцева относительно применения технологий институционального проектирования. Отметим, что в предлагаемом нами теоретическом контуре влияния реформ на экономические системы (см. Главу 1) мы рассматриваем институциональное проектирование как необходимый этап внедрения реформ.

В целях изучения особенностей экономических преобразований как предпосылки разработки национальных проектов развития России остановимся более подробно на теоретическом обосновании институционального проектирования реформ.

Под институциональным проектированием в экономической теории ученые А.В. Ипатова, А.Н. Ситухо понимают «процесс создания институтов, который может осуществляться несколькими способами: либо создание новых институтов эволюционным способом, либо новых, ориентированных на предшествующую траекторию развития» [70, с. 52].

Рассмотрение институционального проектирования целесообразно осуществлять с точки зрения возникновения социально-экономических институтов [88]. В то же время институциональное проектирование является и механизмом осуществления институциональных изменений, упорядочения взаимоотношений между экономическими агентами [153, с. 817]. Основной задачей

институционального проектирования является формирование институциональных условий и институциональной среды, которые обеспечивали бы эффективное функционирование экономической системы.

Принимая во внимание существование различных фаз эволюции институтов – период зарождения, период эффективности, период формализации, период дезорганизации [153], институциональное проектирование призвано нивелировать риски возникновения институциональных ловушек и дисфункциональность институтов.

Мы поддерживаем позицию Е.В. Попова, А.Ю. Веретенниковой, Е.А. Севастьяновой относительно того, что деятельность по проектированию институциональной среды общественных благ должна носить систематический характер, рассматриваться как целенаправленный процесс и быть ориентированной прежде всего на удовлетворение потребностей общества в условиях ограниченных ресурсов [153, с. 814-815].

Одним из направлений развития технологий институционального проектирования является институциональный дизайн. Автором данной концепции является Э. Остром [260]. Отметим, что позиция Э. Острома в области институционального дизайна заметно отличается от позиций российских ученых, занимающихся проблемами развития теории реформ на институциональной основе. Речь идет о работах В.М. Полтеровича, Я.И. Кузьмина, В.А. Мау, В.В. Радаева, Н.А. Шапиро, Е.Г. Ясина и других. Явным отличием в позициях является то, что Э. Остром под институциональным дизайном понимает, прежде всего, институциональное разнообразие, что в известной степени предполагает и наличие определенных препятствий для институциональных трансплантаций, в том числе тех, что не обязательны к преодолению [260].

В российской же экономической науке подчеркивается, что основной задачей институциональных преобразований, реализуемых посредством реформаторских воздействий на среду, является достижение неких целевых параметров институтов [42]. Как справедливо отмечает А.И. Волынский, «для русскоязычных работ свойственно следование парадигме дихотомии противопоставления

градуалистских реформ шоковым. Теории промежуточных институтов, выращивания институтов построены на признании негативного опыта истории транзита постсоветской России в сторону института рынка, осуществленного согласно принципам шоковой терапии и поиске теоретических оснований для моделирования стратегий реформ градуалистского типа» [42, с. 36].

М.С. Круглова в своей работе рассматривает институциональный дизайн как «процесс разработки и реализации правил, процедур и организационных структур, которые позволяют или ограничивают поведение и действия в соответствии с их значимостью для достижения целей или выполнения задач, целенаправленную попытку изменения набора правил, структурирующих взаимодействие внутри социальных сетей» [98, с. 53]. Ссылаясь на Д. Норта, исследователь М.С. Круглова акцентирует внимание на важности создания мезо-институциональных структур в процессе реализации политических и экономических реформ.

Отметим, что разработка стратегии реформ обуславливает необходимость разработчиков и инициаторов реформ всецело ориентироваться на возможности формирования нормативно-правовой базы. Механизм принятия институциональных решений должен рассматриваться как инструмент реализации стратегии экономических реформ.

Особенности институционального проектирования экономических систем мезоуровня определяются социально-экономическими характеристиками развития регионов. Как отмечается в работе И.Б. Илюхиной, С.А. Ильминской, «неравенство социально-экономического положения различных регионов является неотъемлемым свойством крупных территориальных систем» [66, с. 47]. Согласно положениям теории П. Кругмана «о новой экономической географии», основные причины развития пространственной неравномерности развития заключаются в действии факторов «первой» и «второй» природы. К первой группе факторов относятся географическое положение и уровень обеспеченности природными ресурсами, ко второй – качество человеческого капитала и инфраструктурное развитие территории [250].

Рассматривая мезоуровень как базовый уровень экономической системы в процессе внедрения реформ, подчеркнем, что, как свидетельствуют результаты внедрения положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года в ряде регионов, правила и нормы (формальные институты) не всегда могут быть имплементированы в микроинституциональную среду отдельных региональных, отраслевых и других экономических комплексов на директивно-командной основе. Разработанные и принятые на федеральном уровне нормативно-правовые акты должны быть в обязательном порядке соответствующим образом интерпретированы и адаптированы к территориально-пространственным и социально-экономическим условиям развития регионов. Более того, должна действовать эффективная система мониторинга и контроля не только за целевым использованием бюджетных средств, но и за достигнутыми конкретными показателями. Выявляемые в процессе реализации реформ отклонения в достигаемых показателях от планируемых должны критически анализироваться и осмысливаться. В противном случае, как уже было указано ранее, это приведет к усугублению возникновения институциональных ловушек по причине не выявления несоответствий в процессе реализации той или иной реформы.

В подтверждение нашей позиции целесообразно сделать ссылку на труд К. Менара, который указывал на то, что «провалы мезоэкономического конструирования оборачиваются возникновением эффекта разрыва между декларируемыми на политическом и законодательном уровнях нормами и объективно наблюдаемыми социальными, экономическими и политическим реалиями. Этот эффект является по существу следствием несовместимости институциональных механизмов, стимулов и ресурсов, которые были мобилизованы» [254]. Отметим, что именно К. Менар является ярким сторонником обеспечения институционального понимания мезоуровня и развития мезоэкономики через призму институтов поддержки.

Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

от 07.05.2018 г. №204 определены приоритетные направления развития России [204]:

- демография;
- здравоохранение;
- образование;
- жильё и городская среда;
- экология;
- безопасные и качественные автомобильные дороги;
- производительность труда и поддержка занятости;
- наука;
- цифровая экономика;
- культура;
- малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы;
- международная кооперация и экспорт.

В целях обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России на основе указанных приоритетных направлений разработаны и утверждены национальные проекты развития России. Главный ориентир работы Правительства России заключается именно в реализации двенадцати национальных проектов в обеспечении повышения уровня жизни граждан, достижении технологического прорыва. На сегодняшний день учеными приводятся разные оценки этапам реализации национальных проектов. Что касается инструментария оценки, то мнения расходятся. Как правило, в процессе реализации реформ могут быть использованы такие направления оценивания, как: аудит эффективности, оценка программ, оценка регулирующего воздействия; оценка реформ; бюджетирование, ориентированное на результат. Каждое из направлений имеет свою историю развития, цели и задачи, нормативно-правовое закрепление. Объединяет их общая идеология, а отчасти и применяемый инструментарий [58, с. 144].

Ученые С.В. Дорошенко и К.К. Нигметов отмечают, что одним из институтов, имеющих цель повышения качества государственного управления, является институт оценки политики. Институт оценивания политики в большинстве развитых стран является неотъемлемой составляющей политико-управленческой практики [58]. «Государственные структуры в России и странах СНГ пока только начинают осваивать этот инструмент, сталкиваясь с общими проблемами, в том числе с недостаточным пониманием роли оценивания и как управленческого инструмента, и как механизма формирования гражданского общества», – пишут Ю.В. Шамков, С.В. Дорошенко [221, с. 216].

Указ Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. №204 предусматривает вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира и увеличение ВВП приблизительно до 30% к 2024 г. по отношению к 2016 г., что эквивалентно среднегодовым темпам роста экономики на уровне 3,3 % в 2018-2024 гг. (на 50% в номинальных величинах); устанавливает цель – рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год [204]. Стратегическим императивом обеспечения устойчивого развития России является необходимость перехода от сложившейся модели экономического роста, основывающейся на сырьевом факторе, к модели, в которой источником роста является производство товаров с высокой добавленной стоимостью. Главной причиной сырьевой зависимости является технологическое отставание отраслей обрабатывающей промышленности. В Послании Президента России Федеральному собранию 1 марта 2018 года отмечено, что «...инвестиции должны пойти прежде всего на модернизацию и технологическое перевооружение производств, обновление промышленности. Нам нужно обеспечить здесь высочайшую динамику, выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения»².

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 12.09.2019 г.).

Задача обеспечения перехода 40-50% российских предприятий на технологические инновации была поставлена и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Однако, как отмечает Д.Е. Сорокин, «несмотря на все организационно-экономические усилия (создание специальных госкорпораций, экономических зон, применение стимулирующих правовых налоговых и таможенных институтов и т.п.) добиться значимых сдвигов не удалось [158, с. 37]. Если в 2007 году только 9,4% промышленных предприятий осуществляли технологические инновации, в том числе в обрабатывающих отраслях – 11,5%, то в 2010 году эти показатели составили соответственно 9,3% и 11,3%³.

В 2011 году была принята Стратегия инновационного развития России до 2020 года, согласно которой к концу периода следовало выйти на 40%-й уровень инновационной активности. Однако уже в 2013 году в Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» этот показатель был снижен до 25%. Тем не менее, по итогам 2017 года технологическая инновационная активность промышленных предприятий оставалась на прежнем уровне (9,2% в целом по промышленности и 13,7% – в обрабатывающей промышленности) [158].

В Прогнозе социально-экономического развития России на 2012 год и плановый период 2013-2014 годов Минэкономразвития России указано следующее: «развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологических производств. ...Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны»⁴.

Широкомасштабная реализация национальных проектов, безусловно, обуславливает трансформации в экономических системах мезоуровня. В таблице 2.1 представлены сферы общественного развития, в которых происходят прорывные экономических преобразования в условиях цифровых трансформаций.

³ <https://www.gks.ru/>

⁴ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013-2014 годов (разработан Минэкономразвития РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12190489/> (дата обращения: 14.05.2019 г.).

Таблица 2.1 – Особенности преобразований в сферах общественного развития в условиях цифровых трансформаций

№ п/п	Сфера общественного развития	Сущностные трансформации
1	Гуманитарная	Трансформация отношений: от человека «трудо» к человеку «социо». Развитие цифровой гуманитаристики на стыке междисциплинарных наук.
2	Технологическая	Переход от технологий, основанных на материальных средствах производства, к цифровым технологиям и искусственному интеллекту. Качественные трансформации в сфере технологий.
3	Трудовая	Переход от экономически необходимого труда – к развитию творческих форм занятости.
4	Экономические отношения	Переход от отношений, основанных на экономических соглашениях, к отношениям на основе smart-контрактов
5	Производственная среда	Главный источник развития производства – знание, а не материальный ресурс. Реиндустриализация на качественно новой технологической основе.
6	Потребление	Развитие приоритета потребления благ, создаваемых в цифровой экономике. Формирование и развитие культуры цифрового потребления.
7	Политика	Переориентация от власти собственников средств производства к власти интеллектуальной элиты. Цифровая трансформация системы государственного управления
8	Здравоохранение	Внедрение цифрового контура в здравоохранении позволит улучшить медицинскую инфраструктуру, повысить качество и доступность медицинской помощи, заботу граждан о собственном здоровье.
9	Образование	Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций.
10	Культура	Цифровое развитие межкультурного взаимодействия. Переход от модели культуры индустриальной цивилизации к модели цифровой культуры.

Источник: составлено автором на основе [26, 114]

Характеризуя особенности экономических преобразований в период с 2010-х гг., экспертное научное сообщество России отмечает несовершенство системы институтов как важнейшую причину технологического отставания страны. Классическая экономическая теория содержит базовую неоспоримую предпосылку относительно того, что рычагом технологического развития в рыночной экономике является предприниматель, осуществляющий свою деятельность в конкурентной среде. Это описывал еще К. Маркс, подчеркивая, что «капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства» [111, с. 329].

Реализация национальных проектов в России является важнейшей вехой развития нашей страны. Подчеркивая необходимость институционального проектирования совокупности институтов и формирования адаптационной институциональной среды, особенно важным является выработка институциональных траекторий реализации реформ на мезоуровне. Институциональные траектории позволяют увязать действующие институты с планируемыми (создаваемыми) в институциональном пространстве.

В данном контексте сделаем ссылку на работу В.М. Полтеровича, посвященную стратегиям институциональных реформ, где указаны требования к формированию институциональной перспективной траектории [151]:

- учет масштабности отклонений параметров исходной институциональной системы от целевой;
- согласованность с ресурсными и технологическими ограничениями;
- анализ особенностей гражданской культуры и уровня развития человеческого капитала;
- анализ статической и динамической комплементарности институтов;
- формирование институциональных ожиданий, стимулирующих движение вдоль траектории;

– обеспечение сочетания с государственной политикой стимулирования экономического роста и др.

Здесь особенно важно обратиться к словам Президента России В.В. Путина, который в своем интервью ТАСС выделил три составляющих успеха реализации национальных проектов⁵:

- постановка конкретной задачи;
- поиск ресурсов под задачу;
- назначение ответственных.

Обращаясь к предложенной нами в предыдущей главе схеме теоретического контура влияния реформ на экономические системы, подчеркнем особую важность введения нами такого элемента в теории реформ как «ответственность реформаторов и вовлеченных экономических агентов». Данный аспект в теории реформ мы рассматриваем как неотъемлемый фактор адаптации внедрения реформа на мезоуровне с последующей реализацией на микроуровне.

Рассмотрение особенностей экономических преобразований как предпосылки разработки национальных проектов развития России позволяет подвести промежуточные итоги по анализируемым аспектам. Отметим, что несмотря на наметившиеся в последнее время позитивные сдвиги и тенденции в области реализации экономических реформ в развитии России, недостаточно эффективными являются меры по созданию системы взаимодействия между институтами по внедрению прорывных технологий в регионах. Национальная экономика по-прежнему базируется на природных богатствах и основных фондах, созданных предшествующими поколениями, что не позволяет эффективно внедрять критические технологии. Считаем необходимым далее остановиться на рассмотрении факторов цифровой трансформации экономических систем.

⁵ Владимир Путин в интервью ТАСС ответил на вопросы о реализации нацпроектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/2020-02-25/381043-vladimir-putin-v-intervyu-tass-otvetil-na-voprosy-o-realizatsii-natsproektov> (дата обращения: 28.02.2020 г.).

2.2 Факторы цифровой трансформации экономической системы

Развитие экономической системы непосредственно связано с влиянием совокупности факторов. Данная позиция аргументируется основными положениями теории факторов, согласно которой общественное развитие объясняется воздействием ряда более или менее равноправных факторов: экономики, религии, морали, техники и т.п. [30]. В истории развития экономических отношений известно несколько попыток объяснения механизма развития общества какой-либо одной причиной. К их числу относится географическая, демографическая, психологическая, а в конце XIX в. – технологическая. Однако, как указывается коллективом белорусских ученых, «всякий раз такой подход приводил к ситуации, вызываемой тем, что явление, используемое в качестве фактора, прежде чем стать причиной, – было следствием» [30, с. 860].

Развитие цифровой экономики в России объявлено одним из приоритетных направлений государственной политики и рассматривается как обязательное условие конкурентоспособности на современном глобальном рынке и стратегическая составляющая экономического суверенитета государства. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», призванная обеспечить цифровой фундамент ускоренного социально-экономического развития страны до 2024 года. В Программе [157] цифровая экономика характеризуется как хозяйственная деятельность, «ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и

экономической сферы», а одним из ее уровней выбраны «рынки и отрасли экономики (сферы деятельности)» [157, с. 5].

Программа является по-настоящему комплексной, ориентированной на создание как нецифровых, так и цифровых основ цифровой трансформации и затрагивает правовые, технологические, организационные и финансовые аспекты этого процесса.

Первостепенное внимание уделено изменению нормативной правовой базы, рассмотрены ключевые аспекты формирования цифровых компетенций (навыков), развития образования и сферы исследований и разработок (НИОКР), предложены инвестиции в цифровую инфраструктуру и обеспечение информационной безопасности, сделан акцент на усиление требований к управлению проектами.

Также предложены конкретные инициативы в области цифрового правительства, умных городов и цифрового здравоохранения. Более того, предусмотрено, что по мере появления и развития новых высокотехнологичных направлений этот перечень может быть изменен. Вокруг сквозных цифровых технологий планируется выстраивать меры поддержки с привлечением институтов развития. Стимулировать создание проектов по разработке и внедрению отечественных продуктов, сервисов и решений, созданных на базе сквозных цифровых технологий, будут на основании специальных стратегических документов, разработанных экспертами и учеными, – дорожных карт.

На сегодняшний момент их девять:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорика;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Нацпроект включает шесть ключевых направлений (федеральных проектов) (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Ключевые направления Нацпроекта «Цифровая экономика Российской Федерации»

Направление	Содержание проекта	Задачи для систем мезоуровня
Нормативное регулирование цифровой среды	Проведение нормотворческой деятельности по снятию барьеров развития цифровой экономики и созданию благоприятного правового поля для реализации проектов цифровизации	Разработка и реализация законодательных инициатив по созданию условий внедрения новых цифровых технологий
Кадры для цифровой экономики	Проведение совершенствования системы образования с целью обеспечения цифровой экономики компетентными специалистами	Обеспечение подготовки региональными учебными заведениями высококвалифицированных кадров для цифровой экономики
Информационная инфраструктура	Разработка мероприятий по созданию цифровой инфраструктуры передачи данных на основе российских разработок	Создание устойчивой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры передачи объемов данных, доступной для организаций и домохозяйств региона
Информационная безопасность	Разработка мер по устойчивости и защите от киберугроз, повышению конкурентоспособности отечественных разработок и технологий информационной безопасности	Создание безопасной информационной системы обработки и хранения больших объемов данных, системы защиты личности, регионального бизнеса и власти
Цифровое государственное управление	Реализация цифровой трансформации государственных услуг и сервисов, создание национальной системы управления данными, инфраструктуры электронного правительства и внедрение сквозных платформенных решений	Внедрение цифровых технологий в процессы оказания государственных и муниципальных услуг местному населению и субъектам предпринимательства
Цифровые технологии	Фокус на развитие сквозных технологий – революционных цифровых, радикально меняющих ситуацию на существующих рынках или способствующих формированию новых технологий	Стимулирование и обеспечение внедрения цифровых технологий в отрасли региональной экономики и социальной сферы

Источник: составлено автором на основе [157]

Ни одна из передовых производственных технологий, взятая в отдельности, не способна предоставить долгосрочного конкурентного преимущества на рынке. Необходимы системы комплексных технологических решений, обеспечивающие в кратчайшие сроки проектирование и производство глобально конкурентоспособной продукции нового поколения.

Предусмотрено изменение перечня таких технологий по мере появления и развития новых технологий. Все это свидетельствует о начале глубокой реформы – построению цифровой экономики и цифрового развития.

Цифровая трансформация позволит России удовлетворять внутренний спрос и удерживать позиции на мировых рынках за счет ускоренного перехода к более эффективной, гибкой и устойчивой экономике, способной адекватно ответить на будущие вызовы и угрозы. Природа и воздействие цифровой трансформации постоянно меняются и требуют не только внедрение новых технологий, но и глубокое преобразование продуктов и услуг, структуры организации, стратегии развития.

Национальная программа «Цифровая экономика» в целом отвечает практике развитых стран, где также реализуются стратегии и программы цифровизации экономик. Страны-лидеры в сфере использования цифровых технологий в полной мере используют возможности цифровой экономики для обеспечения инклюзивного экономического роста, повышения производительности традиционных отраслей экономики, расширения и диверсификации торговли, создания новых рынков и услуг.

Принимая во внимание приоритеты развития цифровой экономики в России [157], выделим такие базовые факторы цифровой трансформации экономической системы:

- фактор человеческого капитала;
- фактор прорывных технологий;
- фактор устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших данных;

- фактор финансирования развития цифровой экономики;
- фактор институциональной поддержки использования отечественного программного обеспечения на макро-, мезо-, микроэкономических уровнях.

В многочисленных международных рейтингах, прямо и косвенно отражающих позиции цифрового развития стран, Россия занимает пока не лидерские позиции. В рейтинге Индекс развития ИКТ (ICT Development Index, IDI), ежегодно выпускаемом Международным союзом электросвязи, по итогам 2017 года Россия заняла 45-е место (7,07 балла). Индекс развития ИКТ в России последнее десятилетие демонстрирует рост – с 4,42 по итогам 2008 года (значение IDI для России в 2016 году составляло 6,95). Однако в других государствах он растет еще быстрее. Лидерами IDI по итогам 2017 года стали Исландия (8,98 балла), Южная Корея (8,85 балла), Швейцария (8,74 балла), Дания, набравшая 8,71 балла, и Великобритания (8,65 балла) [64].

По международному индексу цифровой экономики и общества (International Digital Economy and Society Index, I-DESI), который рассчитывается Генеральным директоратом коммуникационных сетей, контента и технологий Европейской комиссии для стран, не входящих в ЕС, в соответствии с методологией европейского Индекса цифровой экономики и общества 2018 года Россия среди 17 стран не членов ЕС, чьи показатели анализировались в исследовании, заняла 12-е место, опередив Китай, Турцию, Мексику, Бразилию и Чили. В общем мировом рейтинге I-DESI индекс России оказался выше минимального среднеевропейского показателя – на уровне Греции, Кипра и Болгарии [64].

В рейтинге самых инновационных стран мира Bloomberg Innovation Index, который регулярно составляет агентство Bloomberg, Россия находится в окончательном списке самых инновационных экономик мира (в прошлом рейтинге в него в общей сложности было включено 50 стран. В Bloomberg Innovation Index 2019 их 60), но занимает там строчки третьего десятка. В рейтинге 2019 года ей отведено 27-е место (минус две позиции по сравнению с предыдущим рейтингом Bloomberg). Первое место в Bloomberg Innovation Index 2019 у Южной Кореи

(многолетнего лидера этого рейтинга). За ней следуют Германия, Финляндия, Швейцария и Израиль [64].

В международном рейтинге цифровой конкурентоспособности IMD World Digital Competitiveness Ranking, который третий год подряд в дополнение к своему рейтингу глобальной конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Ranking) рассчитывает бизнес-школа IMD (Швейцария) по показателям 63 экономик мира, Россия хоть постепенно и улучшает свои позиции, но пока находится ближе к концу списка. В IMD World Digital Competitiveness Ranking 2017 наша страна была на 42-м месте, в 2018-м – на 40-м, а в опубликованном недавно рейтинге 2019 года переместилась на 38-е место. Пятерка самых конкурентоспособных стран в цифровой среде по версии IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019 выглядит так: США, Сингапур, Швеция, Дания и Швейцария [64].

Эти и другие рейтинги диагностируют и основные причины отставания России в развитии цифровой экономики. Среди них выделены: недостаточно благоприятная среда для ведения инноваций, в том числе и в области правового регулирования, невысокий процент инвестиций в технологии и науку, низкий уровень применения цифровых технологий бизнес-структурами.

Развитие навыков и образования – важная часть программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая нацелена на то, чтобы 40% населения имели цифровые навыки к 2024 году [157, с. 17]. Агентство стратегических инициатив назвало несколько препятствий для развития новой квалифицированной рабочей силы для цифровой экономики:

- российская система образования не учитывает потребностей организаций как будущих работодателей. Существующие стажировки и ученичество не воспитывают молодых специалистов, обладающих необходимыми навыками и опытом;

- система образования не отличается гибкостью и не позволяет быстро внедрять новые стандарты и методы. Стандартный цикл внедрения обычно занимает до семи лет;

– отсутствие сотрудничества между предприятиями и учебными заведениями приводит к ограниченному количеству совместных тренингов и образовательных программ;

– большинство колледжей и университетов не имеют новейших технологий и оборудования [262].

По мнению экспертов, существует несколько фундаментальных факторов, влияющих на цифровизацию и рост экономики (рисунок 2.1).

Рисунок 2.1 – Фундаментальные факторы, влияющие на цифровизацию и рост экономики

Источник: разработано автором на основе [92, с. 12]

Обучение на протяжении всей жизни, гибкость образовательных траекторий, модульность образовательных курсов, навыки межличностного общения и «междисциплинарное» решение проблем являются залогом успеха в цифровую эпоху.

1. Цифровые факторы включают в себя цифровую инфраструктуру, совместно используемые цифровые платформы и цифровые технологии. Укрепление цифровых основ экономики состоит в создании масштабируемой, умной и безопасной инфраструктуры, способной адекватно реагировать на ожидаемый взрывной рост цифровой экономики.

2. Развитие цифровых навыков необходимо для роста процветающей цифровой экономики и появления высококвалифицированной рабочей силы.

3. Нецифровые факторы включают в себя политику и стратегическое планирование, лидерство и институты, законодательство, человеческий капитал, инновации, деловую среду, доверие и безопасность, и обеспечивающих создание благоприятной среды, в которой может происходить цифровая трансформация.

4. Усиление взаимодействия, интеграции и гармонизации функционирования цифровой экосистемы подразумевает: по горизонтали – между отраслями и секторами экономики, и по вертикали – на всех уровнях государственного управления, поддержку инноваций и обеспечение возможности осуществления технологического прорыва.

5. Взаимозависимость между цифровым развитием включает внедрение культуры открытых инноваций, изменение традиционных структур управления и соответствующие перемены в обществе. Разрушая барьеры между отраслями, регионами, организациями и отдельными людьми, цифровизация бросает вызов традиционным централизованным иерархическим структурам управления и требует новой культуры внедрения инноваций. Ключевыми элементами такой культуры являются открытые коммуникации и обмен знаниями, сотрудничество между коллективами по горизонтали и совместное творчество, активная экспериментация и решение различного рода проблем.

Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что страны, разработавшие конкретные стратегии и определяющие, каким образом они будут внедрять и использовать новые цифровые технологии для решения задач и проблем в различных отраслях, имеют наилучшие возможности для достижения успеха. Лидерами являются Китай с его всеобъемлющей программой «Сделано в Китае 2025», Германия с ее стратегией «Индустрия 4.0» и США с их Консорциумом промышленного интернета (Industrial Internet Consortium). Анализ международного передового опыта в формулировании стратегических подходов к стимулированию применения цифровых технологий и одновременному смягчению последствий стремительного распространения новых технологий.

В дополнение к формированию и капитализации цифровых технологий, эти страны разработали способы решения проблем, связанных с конкурентоспособностью, производительностью, развитием на местах, а также передачей навыков и технологий. Различия в каждой программе демонстрируют диапазон вариантов, доступных правительствам, инвестирующим в цифровую промышленность, и важность разработки стратегий, подчеркивающих уникальные сравнительные и конкурентные преимущества (таблица 2.3).

Следует также обратить внимание на масштабы государственных инвестиций в Китае в программу трансформации промышленности по принципу «сверху вниз», по сравнению с США и Европой, поскольку это свидетельствует о совершенно ином подходе к роли правительства в продвижении внедрения цифровой промышленности. В то время как Китай решил сосредоточиться на укреплении своего положения на мировой арене в области высокотехнологичного производства и инвестировать в развитие компетенций и НИОКР, Германия предпочла обратить внимание на воздействие новых технологий на повышение производительности, эффективности и качества, а также снижение затрат. Соединенные Штаты Америки решили содействовать созданию коалиций между ведущими отраслями промышленности в целях снижения барьеров на пути цифровой трансформации промышленности.

Как следствие, отраслевая направленность Консорциума промышленного интернета очень широка, а в стратегии «Сделано в Китае 2025» содержатся точные, поддающиеся количественной оценке цели и задачи [92, с. 72].

В Китае трансформация осуществляется по принципу «сверху вниз», поскольку Государственный совет определяет стратегию на основе десятилетнего плана. Такая ясность цели позволяет китайскому правительству мобилизовать ресурсы в масштабах, превосходящих другие страны, что открывает возможности для приобретения целого ряда инструментов и технологий, а также иностранных конкурентов или компаний.

Таблица 2.3 – Стратегии развития цифровой промышленности стран-лидеров
внедрения цифровых технологий

Характеристики	Китай: Сделано в Китае 2025	Германия: Индустрия 4.0	США: Консорциум промышленного интернета
Задачи	Стать мировым и самодостаточным лидером в производстве высококачественной и высокотехнологичной продукции	Повысить качество, снизить затраты и повысить эффективность за счет использования новых технологий для цифровизации процессов	Создать открытую «песочницу» для внедрения интернета вещей, разработки эталонной архитектуры, установления глобальных стандартов разработки, обмена передовым опытом и укрепления доверия к новым подходам к обеспечению безопасности
Отраслевая направленность	10 приоритетных отраслей, на которые приходится почти 40% промышленного производства Китая, включая робототехнику, аэрокосмическую и авиационную промышленность, морское машиностроение, ИТ, энергетику и биомедицину	Межотраслевой акцент на трансформацию бизнес-моделей путем усиления интерконнективности и внедрения цифровых инноваций в цепочки поставок и бизнес-модели	Телекоммуникации, обработка данных, производство и другие отрасли, охваченные цифровыми технологиями
Институциональная структура	Возглавляется Государственным советом Китая, имеет определенные цели до 2025 года	Открытая инициатива, осуществляется посредством диалога заинтересованных сторон. Министерства координируют деятельность соответствующих игроков, помогают изыскать финансирование и приводят показатели в соответствии со стандартами.	Консорциум с открытым членством, включающий в себя транснациональные корпорации, сотрудничающие с научными организациями и правительством

Источник: [92, с. 73].

Германия использует комбинированный подход, сочетающий инициативы частного и государственного секторов, а в Соединенных Штатах подход чрезвычайно широкий, платформенный. Опыт стран, занимающих сегодня первые строчки международных рейтингов цифрового развития, подтверждает, что добиться технологического прорыва без участия государства невозможно, что именно государственная власть выступает основным драйвером цифровизации, реализуя системную политику в инновационной сфере, создавая институциональные условия и формируя инфраструктурные возможности для развития новых технологий, прямо или косвенно поощряя их коммерциализацию и стимулируя на них спрос. Так, китайское правительство играет активную роль сторонника, инвестора, разработчика и потребителя цифровых технологий, позволяя цифровым игрокам экспериментировать и до принятия официальной нормативной правовой базы. Результат – быстро растущая цифровая экономика в Китае.

Цифровая трансформация российской промышленности является одной из приоритетных национальных задач, особое внимание уделяется цифровой трансформации перерабатывающих отраслей как способу наращивания экспорта.

В российских условиях, по мнению К. Тимофеева, «основной особенностью текущего момента является заметно большая готовность наших компаний к цифровой трансформации, чем в среднем демонстрирует бизнес в мировом масштабе» [201, с. 61]. По данным глобального исследования «Индекс цифровой трансформации» (DT Index) за 2018 год 7% российских компаний – лидеры – уже активно внедряют процессы цифровой трансформации, отстающих фирм – 1%, остальные проводят трансформации и находятся в разной степени готовности (таблица 2.4).

Российский показатель в 7% компаний, активно внедряющих процессы цифровой трансформации, превышает среднемировой уровень, который, по данным исследования, составляет 5%. Россия находится в числе стран с наиболее высоким уровнем цифровой зрелости, находясь на одном уровне с Польшей и Испанией, которые также демонстрируют высокие показатели.

Таблица 2.4 – Параметры готовности компаний России к цифровой трансформации

Тип	Характеристика	Степень готовности, %
Лидеры	Цифровая трансформация «вживлена» в ДНК бизнеса	7
Внедряющие	Наличие зрелого плана цифровой трансформации, внедрение инноваций	19
Оценивающие	Постепенная реализация цифровой трансформации с планированием будущих активностей	36
Ведомые	Крайне мало инвестиций в проекты цифровой трансформации, планирование подобных инициатив в качестве эксперимента	37
Отстающие	Не имеют плана цифровой трансформации, ограниченное финансирование единичных инициатив	1

Источник: составлено автором на основе [201, с. 61]

Данные таблицы 2.4 свидетельствуют о высокой степени готовности российского бизнеса к внедрению современных решений – как на уровне концепций, так и на уровне непосредственной реализации: у 19% отечественных компаний уже есть готовые планы цифровой трансформации, определены источники финансирования для соответствующих изменений; у 36% – такие планы находятся на этапе обсуждения; 37% – совмещают НИОКР с внедрением решений трансформации в отдельные сегменты внутреннего пространства бизнес-процессов.

Реализация национального приоритета России по развитию цифровой экономики обуславливает необходимость проведения реформ и соответствующих трансформаций. Аналитики выделили наиболее важные направления цифровой трансформации (ключевых направлений стратегических преобразований):

– клиентоцентричность – цифровой клиентский сервис, омниканальность, цифровой маркетинг и коммуникации;

- коллаборации – бизнес как экосистема: создание и развитие платформы для взаимодействия с партнерами;
- данные – использование данных для адаптации продуктов и сервисов, аналитические инструменты, поведенческий маркетинг;
- инновации – инновационная культура внутри компании, построение системы непрерывных улучшений и развития;
- ценность – определение и построение системы управления ценностными предложениями;
- люди – новые подходы вовлечения и развития сотрудников на основе особой цифровой культуры и мышления [215, с. 8].

Российские компании предпринимают шаги для преодоления возникших на пути цифровой трансформации препятствий и пытаются найти приемлемые способы:

- 55% компаний применяют цифровые технологии для ускорения процессов создания новых продуктов и услуг;
- 68% компаний встраивают безопасность и конфиденциальность во все устройства, приложения и алгоритмы;
- 42% компаний стремятся обучить свой персонал необходимым навыкам, например, программированию, и передать им необходимые знания;
- 56% компаний осуществляют обмен знаниями между подразделениями, обучая руководителей ИТ-отделов навыкам ведения бизнеса, а руководителей бизнеса – навыкам работы с информационными технологиями [241].

Несмотря на то, что общий уровень внедрения цифровых технологий в российскую промышленность ниже, чем у мировых лидеров, российские промышленные производители – ПАО «Газпром», ПАО «КАМАЗ», ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» и другие – добились прогресса в области внедрения цифровых технологий, сосредоточив внимание на цифровой трансформации как на стратегическом приоритете. Их опыт должен широко распространяться в качестве национального передового опыта в области цифровой трансформации российской промышленности, чтобы позволить тем, кто поздно

включился в этот процесс, ускорить темпы цифрового развития. По мнению ученых, «скорость цифровых преобразований и темпы роста ВВП за счет цифровизации, которые характерны для страны в последние 3-5 лет, показывают реальные возможности решения поставленной государственной стратегической задачи» [159, с. 124].

Успешная реализация стратегии социально-экономического развития требует совершенствования инструментария управления региональными хозяйственными системами.

В последние годы цифровая трансформация экономики стала в России одним из главных приоритетов как на федеральном, так и региональном уровнях, где был реализован целый ряд цифровых инициатив. Новые цифровые инициативы появляются во многих регионах России, например, в Калуге и Ульяновске. В отдельных регионах существуют программы, где рассматриваются вопросы развития цифровых технологий (Башкортостан, Алтайский, Красноярский и Пермский края, Иркутская, Ульяновская, Липецкая, Новосибирская и другие области). Все они отмечают в качестве приоритетных сфер применения цифровых технологий – сферы образования, здравоохранения, развитие «умных» городов (ЖКХ, транспорт, инфраструктура), государственное управление [13, с. 54].

В современных условиях наблюдается усиление активной роли регионов в обеспечении общественного развития страны. В связи с этим возникает необходимость реформирования и формирования эффективной хозяйственной системы с учетом потенциала цифрового роста. При этом, несмотря на существование целого ряда институтов и стратегий, которые влияют на трансформацию промышленности, по-прежнему не хватает согласованности и взаимосвязи. Для того, чтобы Россия вошла в число лидеров в области цифровой промышленности и сохранила конкурентоспособность существующей промышленной базы, необходимо, чтобы все заинтересованные стороны (правительство, бизнес, академические круги и научно-исследовательские институты) работали в тесной координации друг с другом.

2.3 Оценка концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций

В ходе исследования экономических связей и процессов, раскрывающих влияние фактора реформ на состояние и развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций, перед нами возникла задача сформировать системное представление об оценке концепций экономических реформ на мезоуровне. Решение указанной задачи требует понимания сущности концепции реформ.

Под концепцией понимают «систему взглядов, выражающую определенный способ видения («точку зрения»), понимания или трактовки каких-либо явлений, процессов, что позволяет отразить ведущую идею и воплотить задуманный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике» [30, с. 389]. Концепция представляет собой базовый способ оформления и развертывания дисциплинарного знания на основе базовых концептов (понятий).

Согласно принципам формирования формальных институтов, воплощаемых в нормативно-правовых актах, а также принципам стратегического планирования, концепция, как документ, предшествует формированию стратегии развития определенного объекта. Концепция является некой рамочной организационной формой разработки последующей стратегии. Именно поэтому концепция реформ является базовым обществоведческим документом.

Типы реформ, рассмотренные нами в п. 1.3 диссертационной работы, опираются на концептуальные признаки дифференциации, что отличает реформы по типу их воздействия на тот или иной объект исследования. С нашей точки зрения, маловероятным и, более того, в некоторой степени несостоятельным, является разработка конкретного типа структуры концепций экономических реформ, поскольку каждая реформа нацелена на трансформацию конкретно выделенного объекта.

В то же время концепции экономических реформ, как правило, опираются на следующие базовые элементы:

- совокупность основополагающих принципов по развитию объекта экономической реформы;
- блок целеполагания развития объекта реформирования;
- направления формирования и функционирования объекта реформирования;
- ресурсное обеспечение формирования и функционирования объекта реформирования;
- институты реализации концепции реформ в части определения ответственных за внедрение направления концепции;
- сроки реализации концепции с последующей разработкой стратегии реформ.

Отметим, что приведенное нами типовое содержание элементов концепции реформ имеет четкую структуру, которая определяет функциональную деятельность системы в целом.

Концепции реформ цифровых трансформаций должны быть сориентированы не только на внедрение новых технологий, но и на глубокое преобразование продуктов и услуг, структуры организации, стратегии развития, в том числе на региональном уровне. Цифровая трансформация в России немислима без участия регионов, она является комплексной стратегией регионального развития [13, с. 53]. Именно на региональном уровне формируются детализированные стратегии социально-экономического развития, в рамках которых приводится подробная детализация в части ключевых направлений регионального развития, инструменты государственного регулирования, ожидаемые итоги развития на перспективу. В условиях макроэкономической нестабильности проблематика обеспечения эффективной трансформации социально-экономических региональных систем приобретает особую значимость.

На сегодняшний момент времени категория «регион» имеет достаточно большое количество толкований в научном сообществе и практике проведения

реформ. Одним из первых данную категорию в своих работах определил Н.Н. Некрасов, которым на территории государства было выделено несколько макрорегионов, которые, в свою очередь, формируются отдельными регионами. Ключевым критерием для выделения региона, по мнению ученого, должно являться однородность народнохозяйственных задач, которая формируется на базе применяемых или планируемых к использованию природных ресурсов, исторически сформированной структуры экономики [125].

Е.А. Лазичева отмечает, что на сегодняшний момент времени выделение структурной единицы «регион» принято рассматривать с точки зрения регионального разделения труда [103, с. 19].

В рамках настоящей работы под региональной экономической системой будем понимать определенную административными границами субъекта РФ территорию с собственными органами власти, уникальной структурой регионального хозяйственного комплекса, социальной, информационной, транспортно-логистической, культурной и политической подсистемами, изменяющимися во времени под действием факторов внешней и внутренней среды, на примере Южного федерального округа.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [164] установлено, что развитие юга России основано на использовании конкурентных преимуществ – наиболее благоприятных природно-климатических условий для сельского хозяйства, высокого рекреационного потенциала, транзитного приморского положения, а также значительных демографических ресурсов. Однако преобладание в структуре экономики большинства регионов юга секторов с низкой производительностью труда требует инновационного развития.

В приморских и горных регионах, обладающих высоким природно-рекреационным потенциалом (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край и Ставропольский край), необходимо сконцентрировать усилия на приоритетном развитии туристической отрасли рекреационных услуг с высоким уровнем

менеджмента и сервиса с учетом интенсивного развития рекреации на Черноморском побережье, в связи с проведением XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи. Растущий спрос даст импульс развитию современного гостиничного бизнеса, связанного с ним производства товаров и услуг, а также модернизации пищевой промышленности и сельского хозяйства, повышающей их конкурентоспособность на внутреннем и внешних рынках, легкой промышленности, развитию транспорта и строительства.

В регионах, обладающих потенциалом развития перерабатывающих отраслей промышленности (Астраханская, Волгоградская и Ростовская области), экономическое развитие направлено на внедрение в этих отраслях новой техники и технологий для производства продукции с высокой добавленной стоимостью. При этом научно-исследовательский и образовательный потенциал крупных городских агломераций юга Ростовской области и Краснодарского края создает основу для развития высокопроизводительных отраслей новой экономики - информационных и биотехнологий, оказания инжиниринговых, финансовых и деловых услуг, проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, призванных стать платформой инновационной экономики южных регионов.

В настоящее время Южный федеральный округ (ЮФО) объединяет восемь субъектов РФ: Республика Адыгея (Адыгея), Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, город федерального значения Севастополь (Республика Крым и город федерального значения Севастополь включены в состав округа в июле 2016 года [205]). Этот округ имеет определенные преимущества, основными среди которых можно выделить:

– выдающееся в масштабах Евразии транспортно-географическое положение, обусловленное наличием Волго-Каспийского пути из Северной и Центральной Европы в страны Средней, Юго-Западной и Южной Азии, а также наличием Транссибирско-Черноморского пути, связывающего страны Азиатско-Тихоокеанского региона со странами Средиземноморского бассейна. Уникальный

транспортно-транзитный потенциал Южного федерального округа должен стать важнейшим фактором развития данного макрорегиона;

– наиболее благоприятные для проживания, отдыха и для сельского хозяйства природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал;

– мощный промышленно-производственный потенциал, занимающий в некоторых отраслях агропромышленного комплекса, сельскохозяйственного машиностроения, металлургии, химии и нефтехимии, пищевой промышленности ведущие позиции в стране; и другие.

Для оценки концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровой трансформации экономики автором разработан научно-методический подход с учетом необходимости совершенствования институциональной инфраструктуры, решения информационных, организационных и управленческих проблем, создания условий цифровой трансформации как важнейших составляющих экономического роста. Методика оценки содержит классификатор факторов, влияющих на показатели оценки текущего состояния хозяйства и оценки активности по соответствующим показателям (рисунок 2.2). При разработке методики использовались критерии оценки активности (инвестиционной и инновационной) и принятые в настоящее время оценочные показатели экономики мезоуровня.

Применение авторской методики для оценки субъектов, входящих в состав Южного федерального округа, показало, что Юг России обладает определенными природными ресурсами, имеет стабильные показатели экономического роста и наращивает существенный инновационный потенциал.

Одним из ключевых факторов роста экономики является инвестиционная активность, которая описывается, в частности, через показатель объема инвестиций в региональном хозяйстве (Приложение А).

Анализ статистических данных позволяет судить о том, что снижение объемов инвестирования не обусловлено сокращением активности инвесторов в какой-то одной отрасли, а является следствием как снижения активности

девелоперов, так и всего остального бизнеса (и государства, если речь идет о государственных инвестициях в инфраструктурные объекты).

Рисунок 2.2 – Методический подход к оценке концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций

Источник: разработано автором

Тем не менее, в рассматриваемый период структура инвестиций все-таки претерпела определенные изменения. Так, удельный вес строительства жилых зданий увеличился на фоне снижения удельного веса помещений нежилых. В данном случае это обусловлено всего лишь более низкими темпами снижения объема инвестиций в данные объекты вложения.

Динамика развития социальной сферы во многом определяется динамикой развития сферы экономической, что не единожды было доказано целым рядом ученых. Целесообразным является проведение анализа основных показателей социального развития регионов Южного федерального округа, что обеспечит представление относительно сбалансированности и устойчивости регионального развития и обеспечит представление относительно работы институтов государственного управления. Ключевыми индикаторами уровня жизни регионального населения являются уровень оплаты труда, доходов населения и уровень безработицы в рамках региональной экономики (Приложение Б). На основе этих данных можно сделать вывод о ведущей роли Краснодарского края по величине среднемесячной начисленной заработной платы, по сравнению с другими регионами Южного федерального округа.

Качественным элементом механизма устойчивого экономического развития региона выступает инновационная деятельность, связанная с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности, осуществляемая в целях рационального использования имеющегося потенциала.

В России наблюдается высокая дифференциация инновационного потенциала регионов. Уровень инновационной активности регионов страны за 2017 год отражен на рисунке 2.3.

Инновационную деятельность на уровне субъекта федерации характеризуют такие показатели официальной статистики как: удельный вес организаций,

осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций; удельный вес организаций, осуществлявших нетехнологические инновации, в общем числе организаций; удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; удельный вес вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; число используемых изобретений по отношению к численности населения; объем поступлений от экспорта технологий по отношению к ВРП; число созданных передовых производственных технологий по отношению к численности экономически активного населения.

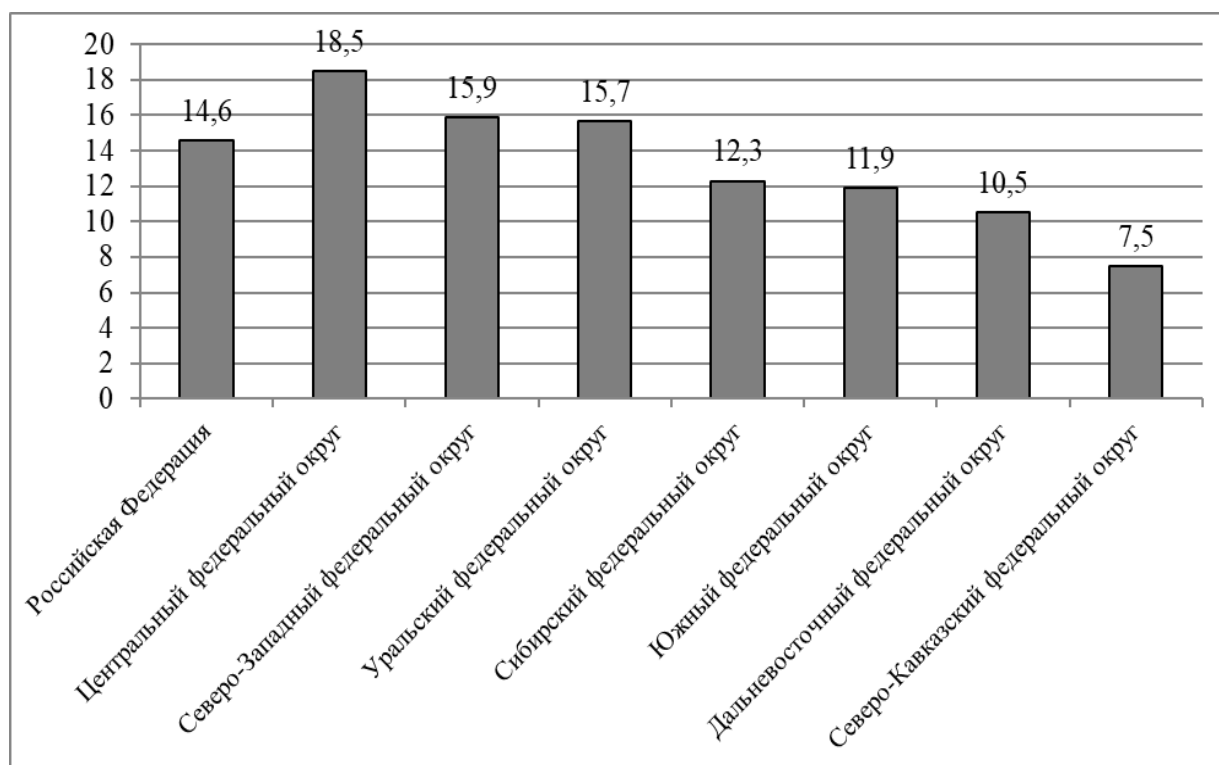

Рисунок 2.3 – Уровень инновационной активности по субъектам Российской Федерации за 2017 год, %

Источник: составлено автором на основе [54]

Уровень инновационной активности определяется через удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций. Исследование динамики изменений этого показателя за период 2014-2017 годы свидетельствует о недостаточном уровне (ниже среднероссийского значения) и необходимости стимулирования инновационной активности организаций Южного федерального округа (таблица 2.5).

Таблица 2.5 – Уровень инновационной активности по субъектам РФ, входящим в состав Южного федерального округа за 2014-2017 годы, %

Субъект РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	9,9	9,3	8,4	14,6
Южный федеральный округ	7,7	7,6	7,1	11,9
Республика Адыгея (Адыгея)	8,5	7,9	4,2	12,5
Республика Калмыкия	2,4	2,4	2,0	5,8
Республика Крым	11,5	5,1	2,8	8,7
Краснодарский край	6,2	6,5	9,1	12,6
Астраханская область	12,4	12,1	9,1	11,4
Волгоградская область	6,3	6,3	4,9	10,1
Ростовская область	9,6	9,9	8,4	14,6
г. Севастополь	4,8	-	3,3	10,6

Источник: составлено автором на основе [54]

Данные Росстата свидетельствуют о различиях в степени инновационного потенциала хозяйствующих субъектов, который можно охарактеризовать уровнем вовлеченности организаций в реализации инновационной практики, по регионам ЮФО (таблица 2.5). На конец 2017 года, удельный вес организаций, которые осуществляли инновационную активность по регионам ЮФО составил 11,9%, что чуть ниже среднего показателя по России (14,6%). Лидерами по степени инновационной активности были Ростовская область (14,6%), Краснодарский край (12,6%), и Республика Адыгея (12,5%), у остальных этот показатель ниже среднего по всему ЮФО. Наименьший показатель у Республики Калмыкия (5,8%). В

качестве положительного момента следует отметить, что как в целом по ЮФО, так и в ряде его субъектов в течение анализируемого периода прослеживается тенденция к повышению инновационной активности организаций.

В условиях необходимости реализации национальных проектов РФ наибольшую значимость приобретают вопросы формирования детерминант трансформации региональной социально-экономической системы в направлении обеспечения научно-технологического прорыва и повышения качества жизни населения.

Одной из стратегических задач национальной цели развития Российской Федерации до 2024 г. является ускорение технологического развития государства, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации до 50% от общего числа [204, с. 17].

По данным за 2017 год активность организаций в сфере технологических инноваций по Российской Федерации составил в среднем 8,5% (таблица 2.6).

Таблица 2.6 – Активность организаций в сфере технологических инноваций за 2017 г. по субъектам (по округам) РФ

Субъект РФ	Значение показателя, %
Российская Федерация	8,5
Центральный федеральный округ	9,9
Северо-Западный федеральный округ	8,6
Южный федеральный округ	8,4
Северо-Кавказский федеральный округ	3,2
Приволжский федеральный округ	9,1
Уральский федеральный округ	8,2
Сибирский федеральный округ	7,3
Дальневосточный федеральный округ	6,4

Источник: составлено автором на основе [54]

Технологические инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового либо

усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности. Технологическими инновациями могут быть как те продукты, процессы, услуги и методы, которые организация разрабатывает впервые, так и те, которые перенимаются ею у других организаций.

Статистические данные характеризуют неравномерность использования технологических инноваций субъектами РФ. Исходя из представленной информации, высокий уровень активности организаций по рассматриваемому критерию наблюдался в Центральном федеральном округе (9,9%), низкий – в Северо-Кавказском федеральном округе (3,2%), и почти на уровне среднероссийского значения в Южном федеральном округе (8,4%).

Доля инновационных товаров, работ и услуг организаций в их общем отгруженном и выполненном объеме показывает итоги инновационной деятельности региона. Так, в 2017 году значение этого показателя в среднем по регионам Южного федерального округа превышает средний уровень по Российской Федерации (9,0 против 7,2%) (таблица 2.7).

Таблица 2.7 – Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по субъектам РФ, входящим в состав Южного федерального округа за 2014-2017 годы, %

Субъект РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	8,7	8,4	8,5	7,2
Южный федеральный округ	4,7	5,9	8,4	9,0
Республика Адыгея	9,3	10,5	10,1	7,6
Республика Калмыкия	0,1	0,6	0,5	0,7
Республика Крым	0,7	1,2	1,1	1,4
Краснодарский край	1,4	1,0	7,7	14,1
Астраханская область	4,9	5,4	5,8	0,2
Волгоградская область	2,1	2,5	3,0	3,6
Ростовская область	10,9	14,3	14,5	10,6
г. Севастополь	0,5	-	12,8	5,0

Источник: составлено автором на основе [54]

Анализируя данные таблицы 2.7, можно сделать выводы, что доля инновационных товаров, работ и услуг в общем выполненном объеме приходится на Краснодарский край и Ростовскую область. Наименьшую долю составили Астраханская область (0,2%), Республика Калмыкия (0,7%) и Республика Крым (1,4%).

Если произвести деление по удельному весу организаций, осуществлявших инновации в разрезе по видам в общем числе организаций регионов ЮФО в 2017 г., то анализ покажет, что из восьми регионов Южного федерального округа выше среднего показателя (0,7%) экологических инноваций – в 4 регионах; технологических инноваций (2,5%) – в 2 регионах; организационных инноваций (1,7%) – в 2 регионах и маркетинговых инноваций (0,8%) – в 4 регионах.

Следовательно, Юг России обладает существенным инновационным потенциалом. Однако ряд сдерживающих факторов, таких как высокая степень износа основных фондов и недостаточное внедрение современных наукоемких технологий, не дает ЮФО войти в число лидеров инновационного процесса.

Перспективы экономического развития Южного федерального округа при реализации базового сценария, основанного на приоритетах и направлениях развития России, определяются следующими факторами:

- реализация конкурентных преимуществ в аграрном секторе ЮФО, формированием в округе мощного агропромышленного кластера, привлечение крупных производителей, развитие технологий, генетики и селекции, что позволит Южному федеральному округу стать основным в Российской Федерации поставщиком на отечественный и зарубежный рынок широкого перечня сельскохозяйственной продукции (растениеводства, животноводства, рыболовства и рыбоводства);

- поэтапное развитие туризма и рекреации: стимулирование наиболее известных брендов оздоровительных, горнолыжных и приморских курортов с последующим распространением инфраструктурных инвестиций государства на новые курортные центры; увеличение пропускной способности транспортных коммуникаций для обеспечения пассажиропотоков в зоны развития туризма;

формирование новых особых туристических зон в регионах Южного федерального округа;

– модернизация производства и технологический прорыв в машиностроении и металлургии ЮФО: развитие кластеров сельскохозяйственного, энергетического, транспортного машиностроения; реализация ряда инновационных проектов, в том числе создание интегрированного производства технологических компонентов для солнечной энергетики в Ростовской области и других регионах;

– диверсификация экономики округа за счет развития высокотехнологичных перерабатывающих производств в химическом комплексе, в том числе в нефтегазохимии, производстве строительных материалов, фармацевтике и биотехнологиях;

– реализация проектов развития нефте- и газодобычи на Каспийском шельфе; освоение ресурсов углеводородов Черного моря;

– создание эффективной региональной инновационной системы, включающей научно-инновационный комплекс, ряд инновационных зон и кластеров; превращение в базовый для России ареал технико-технологического прорыва в сфере агропромышленного комплекса, энергетики, рекреации, логистики;

– реализация транспортно-транзитных преимуществ Южного федерального округа путем формирования ряда транспортно-логистических комплексов международного и межрегионального значения;

– интенсивный рост сервисного сектора округа, базирующегося на развитии современных высокотехнологичных видов услуг, а также развитии финансовых и страховых услуг; создание условий для развития кластеров финансовых, деловых и образовательных услуг, научных разработок и прикладных исследований, высокотехнологичных производств, в том числе информационных технологий во взаимосвязанных агломерациях Ростова-на-Дону, Краснодара, Волгограда;

– реализация системы высокотехнологичных проектов по развитию транспортных магистралей и транспортных узлов (кластеров-мультимодальных центров) в Волгоградской, Астраханской и Ростовской областях; развитием

перегрузочных портовых комплексов, входящих в систему международных транспортных коридоров Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов;

– формирование на базе крупных агломераций Южного федерального округа (Ростовской, Волгоградской и Краснодарской) торговых, транспортно-логистических и финансовых центров общенационального и межрегионального значения.

Ученые сходятся во мнении о том, что «цифровая экономика становится повседневной реальностью современного общества, благодаря ее использованию повышается эффективность всех отраслей» [161, с. 8]. Однако, по мнению экспертов Института развития интернета, реализующего с 2018 года проект «Цифровой регион», препятствиями, с которыми сталкиваются регионы на пути к цифровизации, выступают [138]:

– отсутствие среди представителей органов власти четкого и однозначного понимания, что такое цифровизация, ее отличия от информатизации и автоматизации процессов управления, а также отсутствие понимания стоимости и различных подходов к финансированию проектов цифровизации;

– отсутствие механизмов внешнего анализа и оценки уровня готовности регионов к цифровизации, а также регламентирующей и процедурной мотивации сотрудников к повышению цифровых компетенций;

– отсутствие государственных региональных аналитических систем поддержки принятия управленческих решений на основе доступных данных, а также систем мониторинга состояния региона.

Выход экономических агентов в пространство открытого взаимодействия с другими агентами рассматривается в современных научных исследованиях и практике как ресурс обновления и инновационного развития экономических систем.

Глава 3 Развитие экономических систем мезоуровня на основе совершенствования стратегии реформ

3.1 Приоритизация развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций

Важность исследования экономических систем мезоуровня обусловлена особой значимостью реализации национальных проектов в регионах России. Региональные экономические системы отличаются не только природно-ресурсным потенциалом, но и культурными особенностями, структурой региональной экономики, демографическими аспектами, а, значит, и динамикой развития. Все эти отличия не позволяют применять унифицированные стратегии регионального развития и делают необходимым их дифференциацию в зависимости от условий цифрового развития.

Влияние цифровизации на процесс развития экономических систем заключается в изменении традиционных рынков, социальных отношений и экономических институтов в связи с проникновением в них цифровых технологий. Отметим, что реформы цифровых трансформаций относятся к структурным, поскольку затрагивают структуру экономики и определяют трансформацию традиционных и появление новых отраслей.

Выделим такие направления реализации реформ цифровизации:

- реформы управления и взаимодействия (цифровые платформы);
- реформы в обеспечении безопасности (киберугрозы);
- реформы инфраструктуры (формирование цифровой инфраструктуры);
- реформы образования;
- реформы производства (внедрение цифровых технологий);
- реформы обмена и потребления (цифровизация финансов, IoT);
- социальные реформы (цифровая занятость, медицина, налогообложение).

Реформы в области цифровизации носят комплексный характер. Начавшиеся трансформации, обусловленные цифровизацией и внедрением цифровых информационно-коммуникационных технологий, затрагивают все без исключения сферы деятельности. Корректировка стратегических планов развития территорий направлена на решение проблем в цифровизации регионов и повышение их вовлеченности в реализацию национального проекта «Цифровая экономика», обеспечение учета их реальных возможностей, конкурентоспособности и экономических интересов.

Рассмотрим направления реализации стратегического развития Краснодарского края (крупнейший регион) и Республики Крым (новый субъект) Южного федерального округа.

Краснодарский край – крупнейший по объему экономики субъект Южного федерального округа, превышающий по показателю ВРП 2016 года в 1,6 раза Ростовскую область и занимающий второе место (таблица 3.1).

Таблица 3.1 – Динамика ВВП РФ и ВРП по субъектам, входящим в состав Южного федерального округа, млрд. руб.

Субъект РФ	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Валовой региональный продукт в текущих основных ценах						
ВВП РФ	68163,9	73133,9	79199,7	83387,2	86010,2	92089,3
Южный федеральный округ	3185,4	3574,1	4146,2	4636,3	4896,3	5361,8
Республика Адыгея	65,3	70,8	75,6	84,3	91,4	99,4
Республика Калмыкия	35,9	41,2	46,7	51,9	56,0	66,5
Республика Крым	-	-	189,4	265,9	315,9	359,1
Краснодарский край	1459,5	1662,9	1784,8	1933,5	2015,0	2225,9
Астраханская область	209,6	273,9	296,3	322,3	338,6	420,9
Волгоградская область	571,5	607,5	715,4	740,5	743,3	771,4
Ростовская область	843,6	917,7	1007,7	1189,1	1270,9	1347,1
г. Севастополь	-	-	30,1	48,6	64,1	71,4
Индекс физического объема ВРП, в % к предыдущему году						
ВВП РФ	103,7	101,8	100,7	97,5	99,8	101,6
Южный федеральный округ	103,7	104,0	102,1	99,5	101,3	103,0

Продолжение таблицы 3.1

Республика Адыгея	105,9	102,7	103,8	100,8	101,9	103,1
Республика Калмыкия	100,0	102,6	104,7	95,9	98,1	101,7
Республика Крым	-	-	-	108,5	106,0	104,0
Краснодарский край	103,7	103,9	100,7	98,4	100,1	102,8
Астраханская область	111,3	116,2	100,5	99,1	102,8	112,3
Волгоградская область	102,8	101,4	104,7	93,8	98,6	99,9
Ростовская область	102,5	102,9	103,2	104,0	103,2	102,4
г. Севастополь	-	-	-	104,5	107,7	102,2

Источник: составлено автором на основе [166]

В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ, который ежегодно готовится агентством РИА Рейтинг, по итогам 2017 года Краснодарский занял 10-е место среди регионов РФ из 85 (Ростовская область 20-я), хотя еще по итогам 2016 года он занимал 13-е место, а по итогам 2015 г. – 16-е. Сама рейтинговая оценка учитывает 4 группы показателей, характеризующих масштаб и эффективность экономики, бюджетную сферу и социальную сферу. Подобная динамика движения региона в обозначенном рейтинге во многом говорит о более качественном с точки зрения составителей рейтинга управлении региональным развитием относительно прочих субъектов РФ.

Что касается структуры регионального хозяйства Краснодарского края, то она имеет ряд незначительных, но тем не менее особенностей в сравнении с экономиками прочих региональных систем. Регион характеризуется наибольшим среди субъектов ЮФО вкладом в ВРП оптовой и розничной торговли, а также транспорта и связи (не принимая в расчет Республику Калмыкия, где в данном случае действует эффект малой базы). Подобная структура регионального хозяйства связана с отраслевой специализацией региона, который в своем развитии опирается, главным образом, на АПК, туризм и логистику благодаря особенностям природно-климатического и географического характера, что и нашло свое отражение в первых версиях Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 г. В дальнейшем к числу приоритетов регионального развития были отнесены и промышленность с

сектором ИКТ, что также находит свое отражение в структуре региональной экономики.

В то же время, данные таблицы 3.1 позволяют судить о том, что, начиная с 2012 г. Краснодарский край уступает в развитии от средних по Южному федеральному округу показателей по индексу физического объема ВРП, но все еще опережает по данному показателю среднероссийские показатели. Фактически можно говорить о снижении темпов развития региональной экономики, хотя экономика Краснодарского края все еще остается крупнейшей в Южном федеральном округе и обеспечивает практически 41,2% всего ВРП федерального округа (рисунок 3.1).

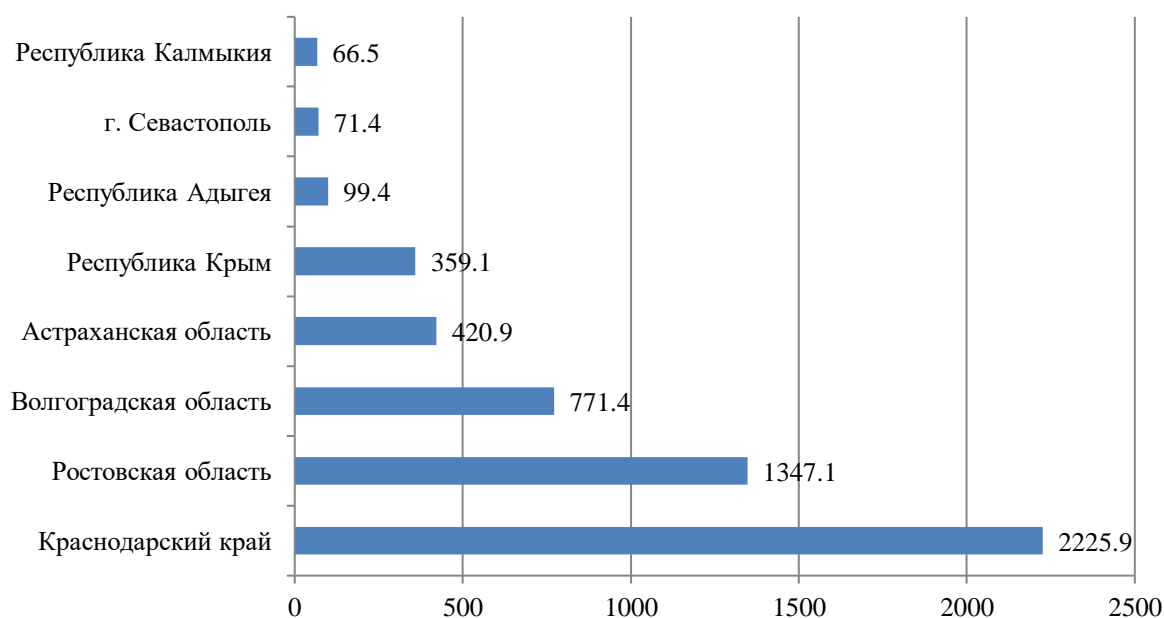

Рисунок 3.1 – Сравнение регионов Южного федерального округа по объемам ВРП 2017 г., млрд. руб.

Источник: составлено автором на основе [209]

Исследуя динамику показателя ВРП на душу населения (Приложение В), можно говорить о том, что Краснодарский край характеризуется наибольшей эффективностью регионального хозяйства в Южном федеральном округе, но сильно отстает от средней по российской экономике значений. Отчасти это и обуславливает более высокие темпы роста региональных экономик Южного федерального округа, по сравнению со среднероссийскими показателями: эмпирически доказано наличие

обратной зависимости между динамикой развития региональной системой и уровнем ее развития (развивающиеся экономики мира, как правило, растут быстрее развитых). По той же причине Краснодарский край с 2015-2016 гг. начинает отставать по рассматриваемому показателю от прочих регионов Южного федерального округа.

Что касается структуры регионального хозяйства Краснодарского края, то она имеет ряд незначительных, но тем не менее особенностей в сравнении с экономиками прочих региональных систем. Регион характеризуется наибольшим среди субъектов ЮФО вкладом в ВРП оптовой и розничной торговли, а также транспорта и связи (не принимая в расчет Республику Калмыкия, где в данном случае действует эффект малой базы). Подобная структура регионального хозяйства связана с отраслевой специализацией региона, который в своем развитии опирается, главным образом, на АПК, туризм и логистику (Приложение Г) благодаря особенностям природно-климатического и географического характера, что и нашло свое отражение в первых версиях Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года [61]. В дальнейшем к числу приоритетов регионального развития были отнесены и промышленность с сектором ИКТ, что также находит свое отражение в структуре региональной экономики.

Одним из ключевых факторов роста экономики является инвестиционная активность. Среди регионов ЮФО наибольшие спады в инвестиционной активности отмечаются именно в Краснодарском крае, но связано это не только с неблагоприятными конъюнктурными (в широком смысле) изменениями, но и с окончанием подготовки региона к проведению Олимпиады в Сочи. До 2014 года регион достаточно продолжительное время в своем развитии эксплуатировал мегапроектный тип развития, то есть те факторы успеха, которые обеспечивает реализация крупного инвестиционного проекта на территории конкретного региона. С окончанием работ по подготовке г. Сочи к Олимпиаде поток инвестиций существенно сократился во всем регионе, сам факт которого не стал неожиданностью ни для региональных органов власти, ни для научного сообщества. В то же время, данный спад усугубился именно неблагоприятными изменениями во внешней по отношению

к региону среде, на фоне чего как раз и был отмечен наибольший в ЮФО провал по уровню инвестиций.

Снижение объемов инвестирования не обусловлено сокращением активности инвесторов в какой-то одной отрасли, а является следствием как снижения активности девелоперов, так и всего остального бизнеса (и государства, если речь идет о государственных инвестициях в инфраструктурные объекты). Тем не менее, в рассматриваемый период структура инвестиций все-таки претерпела определенные изменения: так, удельный вес строительства жилых зданий увеличился на фоне снижения удельного веса помещений нежилых. В данном случае это обусловлено всего лишь более низкими темпами снижения объема инвестиций в данные объекты вложения. Примечательным и положительным с точки зрения регионального социально-экономического развития Краснодарского края является факт изменения динамики инвестирования в регионе и слома отрицательного тренда на положительный (Приложение Д). Во многом это связано и с реализацией комплекса мер по поддержке импортозамещающих производств на территории региона, что дает определенные преимущества, в частности, региональным производителям пищевой продукции.

Уровень инноватизации региональной экономики, определяющий ее эффективность, помимо динамики инвестиций и ряда других аспектов, определяется и научно-исследовательской и опытно-конструкторской активностью. При условии существования качественной системы трансфера результатов НИОКР в реальный сектор, активность научных центров может стать ключевым фактором развития региональных социально-экономических систем. Динамика показателей развития организаций, занимающиеся исследованиями и разработками в Краснодарском крае, отражена в таблице 3.2.

Данные таблицы 3.2 позволяют выделить два основных тренда развития организаций, которые занимаются исследованиями и разработками на территории Краснодарского края. Во-первых, на фоне роста числа подобного рода организаций снижается и средняя численность персонала, занимающегося исследованиями в расчете на одно предприятие, что связано с ростом активности подобного рода

предприятий малого бизнеса, которые имеют достаточно узкую специализацию. Во-вторых, тенденцией является непропорционально более высокий рост объема научно-технических работ, по сравнению с численностью вовлеченных в подобную деятельность сотрудников, что может являться свидетельством роста ее эффективности и качества.

Таблица 3.2 – Показатели развития организаций, занимающихся исследованиями и разработками в Краснодарском крае

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, единиц	52	56	66	106	105
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками на конец года, человек	6504	6872	7585	9265	7532
Объем научно-технических работ, млн. рублей	7694	10034	12462	11960	10508
из них выполнено собственными силами	6006	7944	9323	10907	8130
Затраты на исследования и разработки, млн. рублей	6508	5979	7093	7557	7395
в том числе:					
внешние затраты	1690	1310	1497	765	1529
внутренние затраты	4818	4669	5596	6792	5866

Источник: составлено автором на основе [132]

Инновационная активность каждого региона отражает активность участников региональной инновационной системы в применении действующих инструментов поддержки инновационной деятельности. Сегодня существуют десятки специальных рейтингов и систем оценки инновационной деятельности, ориентированные на долгосрочные национальные интересы. Рассмотрим составленный рейтинг НИУ ВШЭ, который подробно раскрывает профили регионов с использованием обширной официальной статистической информации,

а также включает экспертный блок по оценке качества инновационной политики, в том числе на основе анализа нормативно-правовой базы. Регионы ранжируются последующим параметрам: социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, инновационная деятельность, качество инновационной политики, и составляется сводный российский региональный инновационный индекс (РРИИ), позволяющего оценивать позиции региона по отдельным направлениям и тематическим группам показателей. По рейтинговой позиции Красноярский край относится к группе «Средних инноваторов», занимая 49 место, все оценочные показатели немного ниже среднего по стране (таблица 3.3).

Из всех представленных показателей (см. таблицу 3.3) наиболее высокий ранг (или позиция) – 41 место среди регионов по группе инновационной деятельности, которую характеризуют инновационная активность организаций, наличие малого инновационного бизнеса, уровень затраты на технологические инновации и результативность инновационной деятельности.

Таблица 3.3 – Краснодарский край в показателях российского регионального инновационного индекса за 2017 год

Группа показателей	Ранг по РРИИ	Значение РРИИ	Процент от среднего
Рейтинг субъектов Российской Федерации по значению РРИИ	49	0,36	93,7
Подрейтинги			
1. Научные исследования и разработки	47	0,42	98,5
2. Инновационная деятельность	41	0,37	97,8
3. Социально-экономические условия инновационной деятельности	63	0,36	83,3
4. Инновационная активность региона	46	0,24	84,5

Источник: [167, с. 59]

Императивом формирования качества экономического роста является инновационная ориентированность стратегий и программ социально-экономического развития регионов. Это подтверждает необходимость учета в построении перспектив развития таких немаловажных составляющих инновационного развития как интенсивность применения региональными властями федеральных инструментов поддержки инновационной деятельности, активность в организации инновационных мероприятий и создании объектов инновационной инфраструктуры, а также обязательность мониторинга изменений и конкретные рекомендации по выработке мер региональной политики, направленных на совершенствование региональных инновационных систем.

А.А. Козлов особо отмечает тот факт, что стратегия регионального развития должна быть основана методологически на подробном анализе системы признаков региональной системы, а также существенно изменяющихся с ходом времени общественно-экономических явлений разного рода [91]. В своей статье автор говорит об историческом характере явлений в рамках региональной системы, которая не является статичной сама по себе, и важности коррекции стратегии регионального развития при изменении данных явлений, указывает на необходимость формирования концепций развития региона, поскольку региональные социально-экономические системы слишком подвижны и непостоянны для формирования детализированных планов развития на долгосрочную перспективу. Решением проблемы видится формирование концептуальных планов долгосрочного развития, на основании которых формируются планы средне- и краткосрочных периодов, изменение которых под влиянием внешних факторов возможно с вовлечением конкретных ресурсов.

Немаловажным элементом регионального стратегического управления являются обратные и прямые взаимосвязи, формирующие информационную систему региона. Сама по себе информационная система представляет собой набор технических средств и логических приёмов, направленных на преобразование исходной информации в систему информации, которая обеспечивает коммуникацию между участниками инвестиционных и иных экономических

процессов, а также принятие отдельных решений субъектами хозяйствования. По мнению исследователей «на сегодняшний день российские регионы существенно различаются по уровню развития информационно-коммуникационной инфраструктуры» [108, с. 53].

При формировании «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» [61] ее составители исходили из принципов соответствия стратегических целей и направлений развития региона целям и приоритетам развития РФ, которые фактически очерчивается в рамках посланий Президента РФ, программ социально-экономического развития РФ, отраслевых программ развития федерального уровня.

Успешность решения проблем регионального социально-экономического развития определяется эффективностью решения двух ключевых задач:

1. Формализация стратегической цели регионального развития, а также ключевых направлений регионального социально-экономического развития;
2. Разработка конкретных планов действия региональных органов исполнительной власти, направленных на реализацию поставленных целей.

Сама по себе стратегия регионального социально-экономического развития Краснодарского края представляет собой систему, которая включает три уровня:

- стратегическая цель регионального социально-экономического развития;
- стратегические направления регионального социально-экономического развития, которые представляют собой необходимые результаты работы органов региональной исполнительной власти, формализованные в виде целевых ориентиров и нацеленных на выполнение стратегической цели;
- стратегические действия, которые представляют собой комплексы мероприятий, нацеленные на решение задач по достижению стратегической цели в рамках стратегических направлений регионального развития.

Стратегической целью регионального развития до 2020 года установлена реализация социально-экономических, политических и геостратегических приоритетов РФ, а также обеспечение кардинального приращения качества жизни

регионального населения края на базе формирования и последующего развития потенциала опережающего развития.

Очевидным недостатком данной стратегической цели является отсутствие четких цифровых ориентиров-маркеров, по которым возможно будет оценить успешность реализации стратегии. Данное обстоятельство само по себе снижает потенциал формирования качественной системы мониторинга эффективности регионального социально-экономического развития.

Ключевым инструментом реализации выделенных стратегических направлений развития Краснодарского края можно назвать государственные программы Краснодарского края, которые характеризуются высокой степенью адресности и обращены на какие-либо узкие направления развития региональной социально-экономической системы. Динамика структуры объемов финансирования данных программ представлена в Приложении Е.

Следует отметить, что даже за период с 2015 по 2017 гг. произошло не только изменение структуры финансирования программ развития региона, но и полный отказ от пролонгации одних в пользу запуска других. Происходило это как по причине достижения целей реализации программ (программа, связанная с реализацией Олимпийских игр), так и по причине изменения инструментария государственного регулирования тех или иных аспектов развития региона.

Уменьшение не только доли (0,73 в 2015 году до 0,14 в 2017 году), но и финансовых объемов Государственной программы Краснодарского края «Информационное общество Кубани» с 362,2 млн. руб. до 287,8 млн. руб. соответственно снижает эффективность реализации системы государственного управления и обеспечения взаимодействия граждан и организаций с исполнительными органами государственной власти Краснодарского края на основе информационных и телекоммуникационных технологий.

Оценивая показатели инновационного развития Краснодарского края в период реализации Стратегии (2008-2017 годы), можно отметить, рост до 181 организации, осуществлявших инновационную деятельность. Более чем в 10 раз в рассматриваемом периоде увеличился общий объем вложений в действующие

инновационные компании [119, с. 31]. Информатизация активно внедрялась в сфере государственного и муниципального управления, в образовании, здравоохранении, социально-культурной сфере, в бизнес-сферах как на уровне автоматизации процессов управления, так и на уровне непосредственного применения информационно-коммуникационных технологий для достижения практических результатов [154].

Таким образом, уровень инноватизации экономики региона, характеризующий ее эффективность и перспективный потенциал, определяется и научно-исследовательской и опытно-конструкторской активностью. При условии существования качественной системы трансфера результатов НИОКР в реальный сектор, активность научных центров может стать ключевым фактором развития региональных экономических систем.

В продолжении успешного перехода на инновационный путь развития в регионе принят Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года», начато осуществление «Живой» системы управления будущим AV Galaxy. В новой Стратегии среди семи направлений конкуренции регионов/предприятий выделены «Инновации и информация (конкуренция за инновации/технологии и за доступ к информации)» [62, с. 14]. Здесь закреплено увеличение значения инноваций и модернизации как базовых инструментов экономического развития; дальнейшее закрепление пятого технологического уклада (лидерство информационных технологий) с переходом на развитие шестого (лидерство нано- и биотехнологий), а в последствии и седьмого технологического уклада (лидерство когнитивных технологий); активное развитие прорывных технологий (искусственный интеллект, нанотехнологии, биотехнологии, информационные и социогуманитарные, а также аддитивные технологии).

Отмечается, что Краснодарский край готов быть пилотным регионом развития умной экономики: кластерной активации в приоритетных направлениях и стимулировании развития высокотехнологических бизнесов, создании модели

государственного управления третьего поколения на базе региональной информационной платформы [62, с. 63].

Стимулирование предпринимательства в цифровых секторах и секторах, использующих цифровые технологии, имеет важнейшее значение для создания стоимости на местном уровне. Соответствующая политика может предусматривать создание стимулов, побуждающих различные кластеры предприятий, существующие в регионе, к формированию баз взаимодополняющих и фундаментальных технических знаний. Для этого обеспечивающего сектора должны быть заданы опережающие темпы развития (рисунок 3.2).

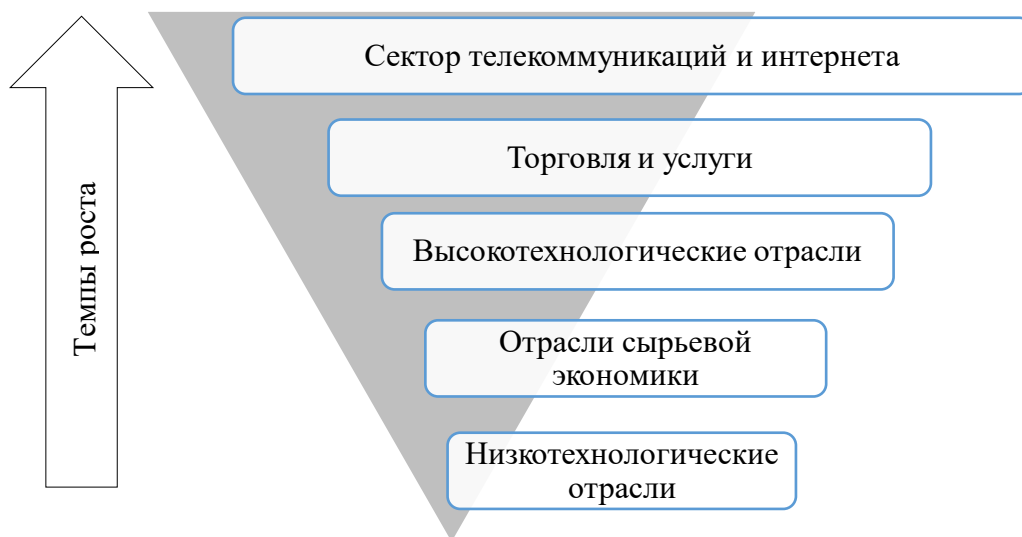

Рисунок 3.2 – Схема приоритетности темпов развития по секторам экономики в условиях цифровизации

Источник: составлено автором

Таким образом, начавшиеся трансформации, обусловленные цифровизацией и внедрением цифровых информационно-коммуникационных технологий, затрагивают все без исключения сферы деятельности. Корректировка стратегических планов развития территорий направлена на решение проблем в цифровизации регионов и повышение их вовлеченности в реализацию национального проекта «Цифровая экономика», обеспечение учета их реальных

возможностей, конкурентоспособности и экономических интересов. Важным является разработка экономических и институциональных механизмов трансфера накопленных в научно-исследовательской и научно-производственной среде регионов знаний в обеспечении технологического лидерства Российской державы в мире.

3.2 Структурно-цифровая трансформация экономических систем мезоуровня

Реформа цифровой трансформации экономической системы государства интегрированно охватывает систему производства и управления практически во всех отраслях экономики нашей страны, и построение цифрового государства невозможно без активного участия субъектов РФ [163]. В научных публикациях нередко пишут о цифровой трансформации как о внедрении цифровых технологий с целью трансформации некой модели бизнеса. При этом речь идет о создании новых эффективных моделей управления на основе прорывных технологий, таких как искусственный интеллект, продвинутая аналитика, Интернет вещей и др.

По мнению американского ученого Митио Каку, «цифровая трансформация поможет устранить противоречия современного капитализма, справиться с его неэффективностью, избавиться от надоедливого присутствия в экономике посредников, не вносящих в бизнес-процессы и цепочку между производителем и потребителем никакой реальной ценности. Главное изменение будет связано с переходом от привычного капитализма к совершенному...» [117].

Во многих современных публикациях подчеркивается, что цифровые трансформации приводят к переориентации от иерархических организационных структур управления к горизонтальным организационным структурам, что связано с развитием цифровых платформ, или так называемой «платформенной экономикой».

В работе Н.В. Смородинской и Д.Д. Катукова указывается, что «в мире цифровых коммуникаций и распределенного производства экономическая власть переходит от жестких иерархичных структур к участникам гибких горизонтальных сетей, способных быстро перестраивать конфигурацию связей под новые проекты и совместное создание очередных инновационных продуктов» [184, с. 85].

Сетевой характер взаимодействия экономических агентов описывал еще М. Кастельс: «в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [75, с. 494].

В то же время так называемая «сетизация» экономических отношений, кардинально меняя экономический ландшафт, не может полностью вытеснить иерархизацию в управлении системами. Меняются принципы рыночного взаимодействия между экономическими агентами, трансформируются способы координации в направлении достижения ряда согласованностей как основы контрактных отношений.

Таким образом, структурно-цифровая трансформация экономических систем сопровождается ориентацией на доминирование элементов горизонтальной структуры экономических отношений сетевого типа.

Развитие сетевых структур в экономической системе тесно связано с формированием сетевых эффектов. Рассматривая мезоуровень не только как институциональное пространство развития регионов, отраслей, но и как пространство развития крупных кросс-отраслевых корпораций, важно понимать, что формирование благ мезоуровнем дает сетевые эффекты. В основном, это осуществляется за счет развития цифровых платформ. Изменение принципов рыночного взаимодействия в цифровой экономике приводит к тому, что чем больше сетевых эффектов обеспечивает та или иная цифровая платформа, тем больше вероятность возникновения ситуации на рынке, когда рост количества

потребителей будет самопроизвольным без дополнительных стимулов к потреблению благ. В.И. Маевский, С.Г. Кирдина-Чэндлер, М.А. Дерябина вводят в этой связи понятия «критической массы покупателей», а также «критической массы инновационных инвестиций» [113, с. 180]. Речь идет о «способности инноватора мобилизовать в ограниченное время такой объем инвестиций, который позволит действовать на опережение в формировании критической массы покупателей и, как следствие, захватить лидирующие позиции на соответствующем рынке» [113, с. 180].

Важность концентрации внимания на исследовании экономических систем мезоуровня обусловлена их природно-ресурсным потенциалом и социально-культурными особенностями, структурой региональной экономики, демографическими аспектами, а, значит, и динамикой развития. Все эти отличия не позволяют применять унифицированные стратегии регионального развития и делают необходимым их дифференциацию в зависимости от условий развития.

По мнению Л.Г. Батраковой, «цифровая трансформация в России немислима без участия регионов, она является комплексной стратегией регионального развития» [13, с. 53]. В.А. Киселева описывает цель функционирования региональной системы как «обеспечение экономического роста на основе оптимального и эффективного использования ресурсов, которыми располагает в каждый данный момент общество, поскольку любая экономическая система (в том числе и региональная) является открытой, функционирование которой определяется ее начальным состоянием, изменения характеристик ее элементов и структуры» [85, с. 98]. По мнению ученых, «цифровая трансформация региона в настоящее время является важной составляющей обеспечения эффективности его развития» [213, с. 125].

А. Козлов в своей научной работе особо отмечает тот факт, что экономическая система регионального уровня не является статичной и требует коррекции стратегии регионального развития при изменении явлений и условий ее реализации [91].

Принимая во внимание разработанный и принятый Правительством Российской Федерации комплекс документов стратегического планирования на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, приоритетными являются вопросы прогнозирования развития субъектов и реализации установленных стратегических целей и задач. В качестве дальнейших пунктов исследований проводится оценка концепций трансформации региональных экономических систем в условиях цифровизации экономики.

Новый субъект Российской Федерации – Республика Крым – демонстрирует наиболее высокие темпы роста и трансформацию экономической структуры.

Постановлением правительства Российской Федерации в августе 2015 года утверждены Правила разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации для обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития страны [155]. Стратегия разрабатывается и корректируется по основным направлениям и цели социально-экономической политики и регионального развития Российской Федерации.

Геополитические перемены для Крыма предопределили появление новых факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие Республики Крым, а также целесообразность выявления современных приоритетов развития республики в новых условиях хозяйствования.

После подписания и ратификации в марте 2014 года Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым, о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Республика Крым и город федерального значения Севастополь), в соответствии с Федеральным Законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на уровне субъекта Российской Федерации начата разработка Стратегии социально-экономического развития Республики Крым. Для обсуждения вопросов состояния и перспектив развития в разрезе отраслей экономики и на уровне муниципальных образований были созданы рабочие группы

при исполнительных органах государственной власти республики и органах местного самоуправления.

Постановлением Совета министров Республики Крым в сентябре 2015 года утвержден Порядок разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Республики Крым и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Республики, где определены участниками процесса стратегического планирования: исполнительные органы государственной власти Республики Крым, структурные подразделения Совета министров Республики Крым, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти по Республике Крым, органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Крым, а также уполномоченный орган по координации и организации этого процесса - Министерство экономического развития Республики Крым [156].

В подготовленной Концепции разработки Стратегии социально-экономического развития Республики Крым (Стратегии) на долгосрочный период наряду с общими положениями (раздел 1) и основными задачами Концепции Стратегии социально-экономического развития Республики Крым (раздел 2) выделены проблемы, ограничения и конкурентные преимущества развития Республики Крым (раздел 3), определены приоритетные направления развития Республики Крым в соответствии с приоритетами Российской Федерации (раздел 4), установлены основные задачи разработки и обязательные элементы структуры (содержания) Стратегии РК (раздел 5) [94].

Основными конкурентными преимуществами Республики Крым при определении приоритетных направлений развития выделены:

- уникальное географическое и геополитическое положение;
- наличие природно-климатических условий, культурно-исторического наследия и самобытности, благоприятных для рекреации, туризма и оздоровления;
- минерально-ресурсный, промышленный (пищевая, химическая, добывающая, машино- и судостроение, судоремонт), агропромышленный

(сельхозпроизводство и переработка, развитие аква- и марикультуры) и рекреационный потенциал;

– наличие развернутой системы общего, профессионального среднего и высшего образования, собственного трудового потенциала образовательной сферы с достаточно высоким уровнем квалификации;

– транспортно-транзитный потенциал региона;

– благоприятные условия для развития инвестиционной деятельности, обусловленные преференциями СЭЗ и создаваемой в рамках ФЦП инфраструктурой туристско-рекреационных кластеров и индустриальных парков [63, с. 6-7].

Основными приоритетными направлениями развития республики установлены:

1) формирование транспортной и инженерной (энергетической и водохозяйственной) инфраструктуры;

2) диверсификация экономики региона (экономический рост на основе инновационного развития отраслей и сфер жизнедеятельности);

3) развитие человеческого потенциала и повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы.

Отраслями специализации экономики Республики Крым являются санаторно-курортный и туристский комплекс, сельское хозяйство, производство пищевых продуктов, виноделие, рыболовство, производство товаров неорганической химии, судостроение (таблица 3.4).

Разработанная в 2014 году Концепция развития Республики Крым отражала план интеграции экономики региона в экономическое пространство Российской Федерации и предусматривала необходимость обеспечения мер, направленных на достижения уровня жизни населения и развитие экономики до среднероссийского уровня, обеспечение транспортной доступности и снятие инфраструктурных ограничений в целях обеспечения устойчивого экономического развития [165].

Таблица 3.4 – Динамика объема и индекса физического объема ВРП Республики Крым в разрезе видов экономической деятельности

Группы отраслей	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Валовой региональный продукт, млн. руб.				
Всего, в том числе:	189439,2	265970,6	315918,5	346100,4
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	43957,7	42346,9	41740,3	37894,0
производство пищевых продуктов, включая напитки и табачные изделия	25795,7	26331,9	29985,5	31964,5
производство химических веществ и химических продуктов	10512,5	15221,1	16341,3	18171,5
Индексы физического объема валового регионального продукта по видам экономической деятельности, %				
Всего, в том числе:	-	108,5	106,0	105,1
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-	75,0	94,5	122,9
рыболовство, рыбоводство	-	122,6	85,1	
добыча полезных ископаемых	-	59,5	90,8	93,6
обрабатывающие производства	-	84,4	112,9	78,5
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-	126,4	96,1	118,1
строительство	-	63,9	134,1	264,2
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и предметов личного пользования	-	123,1	103,8	95,0
гостиницы и рестораны	-	111,1	138,6	106,3
транспорт и связь	-	178,6	99,4	88,1
финансовая деятельность	-	62,5	150,1	32,9
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	-	198,9	121,5	85,6
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	-	145,8	121,9	101,9
образование	-	126,1	104,4	99,8
здравоохранение и предоставление социальных услуг	-	119,4	99,8	96,1
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	-	150,6	97,2	136,4

Источник: составлено автором на основе [170, с. 59-70; 171, с. 72,81]

В отдельных субъектах уже существуют программы, где рассматриваются вопросы развития цифровых технологий (Башкортостан, Алтайский, Красноярский и Пермский края, Иркутская, Ульяновская, Липецкая, Новосибирская и другие области), и формируются региональные стратегии цифровой трансформации экономики. Все они отмечают в качестве приоритетных сфер применения цифровых технологий – сферы образования, здравоохранения, развитие «умных» городов (ЖКХ, транспорт, инфраструктура), государственное управление [13, с. 54].

Стратегией социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года, утвержденной в 2017 году, регион был объявлен территорией инноваций, ориентированной на развитие «умной» экономики, нацеленной на опережающее развитие науки и динамичной реализации ее достижений [63, с. 11]. Республика Крым ориентирована на развитие «умной» (инновационной) экономики, в соответствии с чем в регионе активно создается инновационная инфраструктура. Рейтинговая ситуация регионов страны и динамика показателей об инновационной деятельности организации Республики Крым свидетельствует о крайней необходимости стимулирования инновационной активности предприятий и активного внедрения инноваций в перспективном развитии региона (рисунок 3.3).

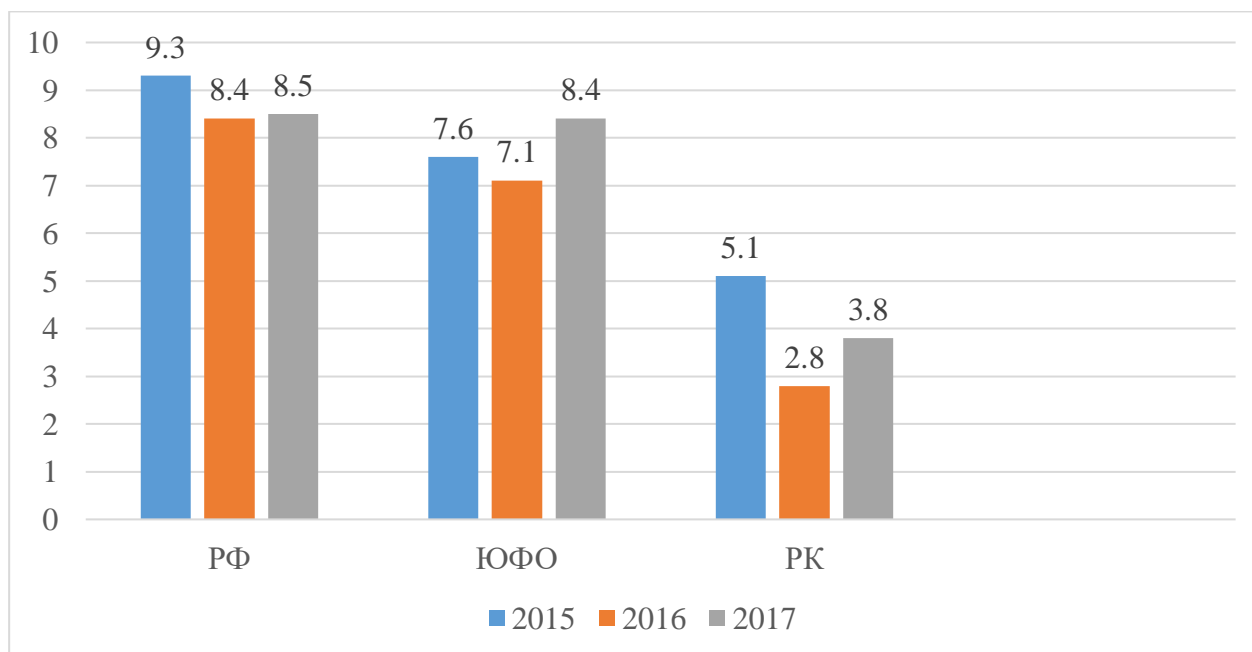

Рисунок 3.3 – Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, в общем числе обследованных организаций РФ, ЮФО и РК за 2015-2017 гг., %

Источник: составлено автором на основе [177]

Рассматривая результаты инновационного развития субъектов РФ, можно отметить что по результатам Рейтинга инновационных регионов за 2016 год, если Краснодарский край занимает 37 ранг с показателем 101,1% от среднероссийского уровня и входит в группу «средних инноваторов», то Республика Крым – 71 ранг и, соответственно относится к «средне-слабым инноваторам», с показателем 70,8% от среднего уровня по стране [168, с. 7-8]. В 2017 году Краснодарский край по рейтингу занимает 49 ранг с показателем 93,7% от среднего по стране, а Республика Крым занимает 65 ранг, и не меняя группу «средне-слабых инноваторов», демонстрирует уже 77,1% от среднего показателя по стране [169, с. 8].

Приоритетными отраслями развития Крыма названы: туризм и рекреационный комплекс, сельское хозяйство, транспортный комплекс и промышленность.

Республика Крым обладает благоприятным природно-климатическим потенциалом для круглогодичного функционирования сферы туризма и оздоровления. Туризм и рекреационный комплекс, помимо значимого собственного экономического и социального эффекта, оказывают существенное влияние на экономику региона посредством мультипликативного воздействия на различные смежные отрасли и предприятия.

Залогом успешного экономического развития крымского региона является прогресс агропромышленного комплекса, стабильное функционирование сельского хозяйства на основе освоения достижений науки и техники. Эффективное развитие отраслей сельского хозяйства в современных условиях требует постоянного появления и внедрения новых технологий, совершенствования экономических отношений между производителями и потребителями научной продукции, формирования инновационной политики развития АПК.

Транспортный комплекс при функционировании обеспечивают взаимодействие различных подсистем народного хозяйства как в сфере материального, так и нематериального производства. Экономический рост требует

качественных и эффективных транспортных связей, а повышение качества этих связей увеличивает спрос на них и благотворно влияет на развитие экономики.

Развитие Крыма, как части РФ, невозможно без развития промышленного комплекса, а в связи с его экологической ценностью промышленный комплекс не может по возможности быть никаким иным, как комплексом «чистых производств», которые базируются на наукоемких технологиях. Задача состоит в выборе инновационно значимых, прорывных, опережающих способов развития промышленного комплекса региона, на основе передовых наукоемких технологий.

Разработанная Стратегия не включает задания по развитию отраслей экономики (их содержат государственные программы Республики Крым), она устанавливает целевые показатели и формирует сценарии развития:

- 1) консервативный – постепенное инерционное развитие,
- 2) модернизационный – для решения наиболее критичных проблем,
- 3) инновационный – широкое внедрение инноваций, переход на развитие «умной» экономики.

Экономический рост республики ориентирован на инновационное развитие, динамично развиваются традиционные отрасли, отрасли и технологии пятого технологического уклада (технологии информационно-коммуникационной сферы, медицинские технологии, биотехнологии, альтернативная энергетика, электроника). В этих целях в регионе активно создается инновационная инфраструктура, осуществляется переход системы образования на инновационные методы обучения, позволяющие получать уникальный набор компетенций, дающие возможность реализовать полученные знания и навыки в высокотехнологичных отраслях экономики.

Инновационный сценарий развития экономики Республики Крым предусматривает: диверсификацию экономики; развитие высокотехнологичных производств; рост производства инновационной продукции и услуг; формирование инновационных кластеров, активное развитие малого инновационного предпринимательства; др.

Стимулирование инноваций и НИОКР является ключевой задачей, которая требует целенаправленных усилий для обеспечения роста цифровой экономики. Несмотря на то, что в стране построена достаточно развитая инновационная инфраструктура, отсутствует инновационный менталитет и институциональная приверженность инновациям. Это проявляется в низкой общей доле расходов на НИОКР по стране, низком уровне расходов предприятий на НИОКР, низкой доле расходов на НИОКР в ИКТ-секторе, слабом взаимодействии между предприятиями и университетами, недостаточном объеме исследований в области цифровой экономики и низкой доступности венчурного капитала, что приводит к незначительному числу новых предприятий. Для преодоления барьеров, препятствующих эффективному развитию сферы НИОКР, предпринимательства и инноваций, необходимы совместные усилия правительства, лидеров бизнеса и научно-образовательного сообщества. Поэтому в структуре крымской экономики проводятся трансформации по приоритетным направлениям: создание высокопроизводительных рабочих мест в сервисных отраслях, модернизация агропромышленного комплекса, создание высокодоходного туристического сектора, активный рост малого и среднего предпринимательства в высокопроизводительных секторах; переход промышленности на пятый технологический уклад (таблица 3.5).

Таблица 3.5 – Значения ключевых целевых показателей при реализации инновационного сценария долгосрочного развития Республики Крым

Показатель	2015 г.	2020 г.	2026 г.	2030 г.
Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб. (сопоставимых ценах)	147,2	246	455	685
Рост производительности труда относительно 2015 года, %	-	83	276	509
Удельный вес высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников, %	29,7	34	41	45
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте, %	20,3	24	27	30

Источник: составлено автором на основе [63]

Утвержденную Стратегию считают Стратегией «Трёх побед»: победы в борьбе за человеческий капитал, победы в борьбе за инновации и победы в борьбе за инвестора, основные целевые показатели по которым отражены в таблице 3.6.

Таблица 3.6 – Значения целевых показателей социально-экономического развития Республики Крым

Показатель	2014 и 2015 годы	2030 год	Изменение (раз)
Победа в борьбе за человеческий капитал			
Численность населения Республики Крым, тыс. человек	1907,1 (2015 г.)	2327,8	Рост в 1,2
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,52 (2015 г.)	75,13	Рост в 1,07
Доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет, %	82,3 (2015 г.)	100	Рост в 1,2
Удельный вес высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников, %	29,7 (2015 г.)	45,0	Рост в 1,5
Победа в борьбе за инновации			
Рост производительности труда относительно 2015 года, %	-	319,2	Рост
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %	20,3 (2014 г.)	29,0	Рост в 1,4
Удельный вес организаций, осуществляющих инновации, в общем количестве обследованных организаций, %	11,5 (2014 г.)	32,0	Рост в 2,8
Количество кластеров, ед. (нарастающим итогом)	0 (2015 г.)	11	Рост
Победа в борьбе за инвестора			
ВРП на душу населения, тыс. руб. (в сопоставимых ценах относительно 2015 года)	147,2 (прогноз 2015г.)	617,0	Рост в 4,2
Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), млрд. руб. (в сопоставимых ценах относительно 2015 года)	23,6 (2015 г.)	344,8	Рост в 14,6
Оборот продукции, производимой малыми предприятиями, тыс. руб. на душу населения (в сопоставимых ценах относительно 2015 года)	32,5 (2015 г.)	123,9	Рост в 3,8
Объем экспорта, млн. долл. США (при среднегодовом курсе доллара 2015 г.; сопоставимых ценах относительно 2015 года)	79,3 (2015 г.)	1200	Рост в 15,1

Источник: составлено автором по данным [63, с. 58-59].

Экономический рост республики ориентирован на инновационное развитие, динамично развиваются традиционные отрасли, отрасли и технологии пятого технологического уклада (технологии информационно-коммуникационной сферы, медицинские технологии, биотехнологии, альтернативная энергетика, электроника).

В соответствии с действующим законодательством Стратегия реализуется в рамках плана мероприятий. Результаты мониторинга реализации Стратегии отражаются в ежегодном отчете о результатах деятельности Совета министров Республики Крым. В таблице 3.7 приведены сравнения прогнозных и достигнутых значений целевых показателей по одному из стратегических направлений «Туризм и санаторно-курортное лечение», которые свидетельствуют о большой вероятности выполнения показателей реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Крым.

Таблица 3.7 – Прогнозные и достигнутые значения целевых показателей по стратегическому направлению «Туризм и санаторно-курортное лечение»

Наименование целевого показателя	2015 г. (факт)	2018г. (факт)	2020 г. (прогноз)	отклонения 2020-2018
Туристский поток, млн. чел.	4,6	6,8	7,7	+0,9
Среднегодовой коэффициент заповняемости санаторно-курортных и гостиничных учреждений, %	33,9	37,2	40,0	+2,8
Количество койко-мест в круглогодичных средствах размещения, тыс. ед.	63,4	66,8	78,0	+11,2
Рост доли благоустроенных пляжей, в % относительно 2016 г.	-	на 185 ед.	20	

Источник: составлено автором по данным [63, с. 80]

Следует отметить, что темпы роста отраслей экономики должны быть согласованы в совместной концепции перспективного развития. При этом важны не только потенциалов, а их согласованные и взаимоподдерживающие связи.

Рассматривая Стратегию социально-экономического развития Республики Крым, следует отметить заданные стратегические цели – достижение высокого уровня развития человеческого капитала, создание инновационной и инвестиционно-привлекательной экономики [63, с. 1]. Выбранные приоритетные отрасли развития Крыма – туризм и рекреационный комплекс, сельское хозяйство, транспортный комплекс и промышленность – имеют не только отдельные программы развития [51], но и включены в общую концепцию развития региона. Так, например, туризм и рекреационный комплекс, помимо значимого собственного экономического и социального эффекта, оказывают существенное влияние на экономику региона посредством мультипликативного воздействия на различные смежные отрасли и предприятия. При этом развитие такого комплекса зависит от темпов развития обеспечивающих его отраслей – пищевая промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговля и другие, – которые не должны сдерживать запланированный рост комплекса. Согласованность экономических показателей развития обеспечит приращение интегрального роста посредством мультипликации и интерференции положительных эффектов.

В современных условиях хозяйствования развитие экономики Республики Крым требует проведения существенных изменений и реализации ряда мероприятий, направленных на создание благоприятных условий для внедрения инноваций, разработку механизмов эффективного управления, планирование будущего и обеспечение институциональной гибкости.

Особенности осуществления структурно-цифровой трансформации экономических систем мезоуровня на примере экономической системы Республики Крым свидетельствуют о том, что в мезоэкономическом анализе классические рынки как объект анализа подвергаются критическому переосмыслению с позиций получения сетевых эффектов. Развитие цифровых платформ приводит к усилению горизонтально-технологической кооперации

экономических агентов, что требует согласованности индикаторов и показателей реализации уже утвержденных концепций и стратегий реформ на уровне регионов.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует обозначить значимость разработки теоретического подхода к обеспечению интегративности концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций.

3.3 Обеспечение интегративности концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций

Цифровые трансформации нацелены на непрерывное развитие и повышение экономической продуктивности в регионах. Снижение ценовой конкурентоспособности на товары и услуги иностранного производства формируют достаточно благоприятные условия для развития импортозамещающего бизнеса и выхода на новые сегменты рынка отечественными производителями. О. Махалина и В. Махалин рассматривают цифровую экономику как «активное применение в системе регионального управления достижений цифровых и информационных технологий», необходимую «для изменения взаимоотношений с населением, совершенствования внутренних процессов и конкурентных предложений региона на внешнем и внутреннем рынке» [112, с. 123]. На этом фоне можно утверждать, что у современного государственного управления выдвигается целый ряд требований к системам планирования устойчивого развития региональных экономических систем, направленных на максимально эффективное приращение конкурентоспособности экономических систем и генерации экономических, социальных, экологических и институциональных эффектов.

Под категорией устойчивого развития экономической системы регионального уровня будем понимать сохранение долгосрочного положительного тренда ключевых индикаторов, характеризующих развитие экономических,

социальных, экологических, институциональных и инфраструктурных аспектов развития региональной экономической системы, предопределяющих рост уровня и качества жизни местного населения. Следовательно, можно говорить о том, что потребность в новом методическом подходе к проектированию систем и механизмов стратегического планирования, которые были бы ориентированы на гармоничное развитие территории по ряду рассмотренных далее направлений.

Формирование региональной стратегии устойчивого экономического развития должно предполагать учет интересов ключевых групп заинтересованных сторон, к числу которых можно отнести население, бизнес, органы власти, а также потребителей готового регионального продукта (товаров, работ и услуг). Учет интересов всех этих групп обеспечит гармонизацию взаимодействий и снижение вероятности негативного влияния возникающих последствий трансформаций.

Формирование конкретных мер и программно-целевых мероприятий в рамках стратегии развития экономической системы должно осуществляться в соответствии с направлениями повышения ее конкурентоспособности. Подобного рода фрагментация обеспечивает возможность выделения нескольких направлений приращения конкурентоспособности региона, или направлений устойчивого развития региональных систем, среди которых конкурентоспособность региона на рынке капитала, конкурентоспособности на рынках конечной продукции, конкурентоспособность региона как места проживания, конкурентоспособность региона на рынке инноваций и бизнес-процессов. Возникновение взаимодействия направлений приращения устойчивости развития обеспечит формирование интегральной конкурентоспособности региональной экономической системы.

Разработка самой стратегии и отдельных мер стратегии развития экономической системы должны проводиться при публичном обсуждении и ряда стратегических сессий с привлечением экспертного сообщества и представителей ключевых групп заинтересованных сторон.

Формализация экономических интересов экономических агентов для последующего их согласования при формировании стратегий регионального развития представлена в таблице 3.8. Отметим, что институт экономической

мотивации является важнейшим институтом регулирования процессов получения эффектов цифровизации на мезоуровне. Речь идет об активном привлечении представителей бизнес-сообществ к разработке и внедрению сетевых цифровых платформ. Здесь следует подчеркнуть, что ожидаемые эффекты цифровизации в значительной мере зависят от институтов поддержки государственного уровня. Только при обеспечении интегративности усилий органов государственной, региональной и муниципальной власти возможен реальный прирост валовой добавленной стоимости эффектов цифровизации.

Таблица 3.8 – Основные экономические интересы экономических агентов мезоуровня

Группы заинтересованных сторон	Интересы в развитии экономической системы
Региональное население	<ul style="list-style-type: none"> - минимальные временные издержки на поиск работы; - получение максимального вознаграждения за собственный труд в регионе с высокой доступностью социальных и иных благ; - соответствие экологических (и климатических) условий в регионе зарплатным ожиданиям и доступности социальных благ.
Собственники капитала	<ul style="list-style-type: none"> - приращение собственных доходов за счет максимизации эффекта от размещения капитала в разных объектах вложения; - опережение роста положительных эффектов от использования инвестированного капитала, по сравнению с ростом затрат на его использование ;
Органы власти	<ul style="list-style-type: none"> - максимизация доходов бюджетной системы; - снижение социальной напряженности, получение «имиджевых» и «политических» эффектов; - снижение уровня безработицы; - повышение доступности социальных благ и инфраструктурное развитие региона для мультипликации эффектов регионального развития; - приращение конкурентоспособности региональной экономики.
Потребители регионального продукта	<ul style="list-style-type: none"> - соответствие ценовых и ценностных ожиданий от потребления товаров, работ и услуг; - повышение доступности потребления отдельных благ и снижение рисков их потребления.

Источник: предложено автором

К числу обязательных элементов стратегий регионального экономического развития, по нашему мнению, относятся: цели устойчивого развития первого уровня и цели второго уровня (по направлениям регулирования); программы развития отдельных направлений государственного регулирования; система мониторинга эффективности государственного воздействия и его коррекции; ресурсное обеспечение.

Следовательно, эффективность управления устойчивым развитием экономических систем во многом определяется степенью соблюдения интересов ключевых групп заинтересованных сторон в развитии данной системы и перенесения точек соприкосновения их интересов на реализуемые стратегии и планы регионального развития. Такие стратегии воздействия на устойчивость развития экономических систем будут ориентированы на обеспечение баланса интересов различных групп заинтересованных сторон и обеспечат достижение мотивационных эффектов реализации. На рисунке 3.4 представлена фрагментация интегральной устойчивости развития экономической системы мезоуровня.

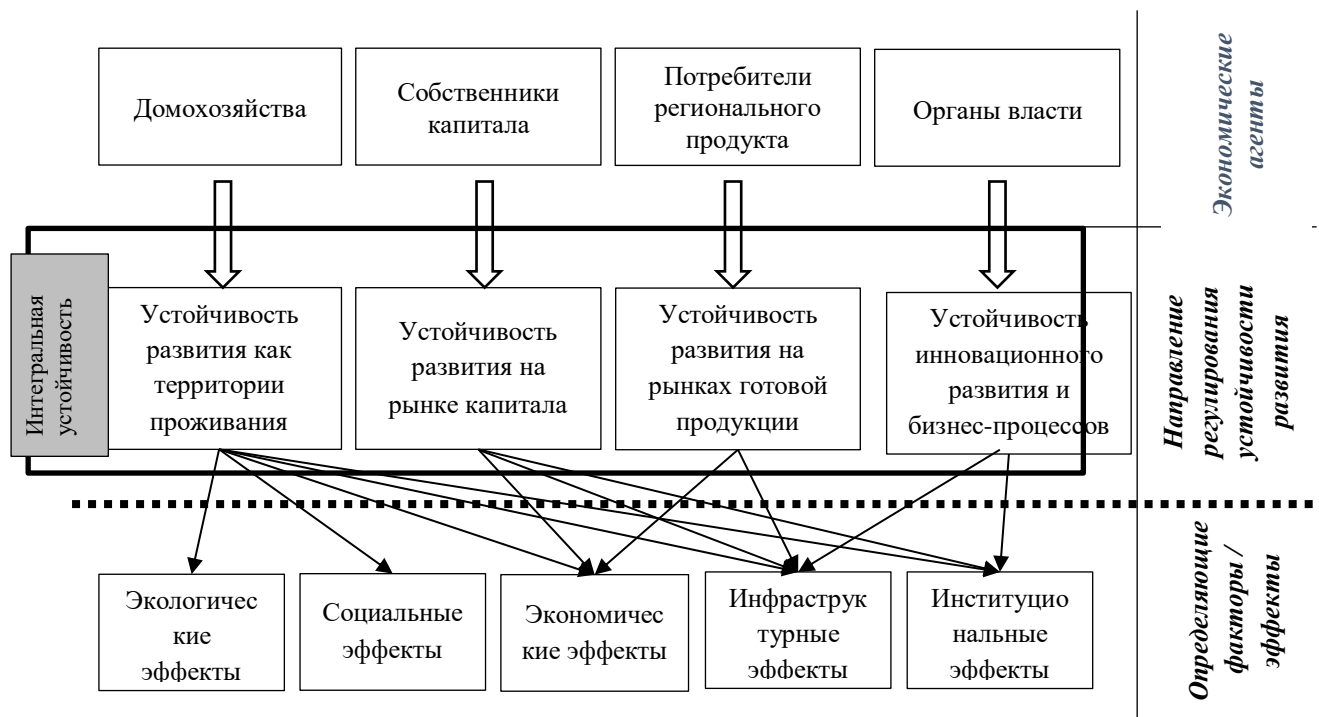

Рисунок 3.4 – Фрагментация интегральной устойчивости развития экономической системы мезоуровня

Источник: составлено автором

В докладе ООН отмечается, что «в технологиях нет детерминистического начала. ... В этой связи задача правительств заключается в том, чтобы в тесном сотрудничестве с другими заинтересованными сторонами сформировать цифровую экономику, установив «правила игры». Для решения этой колоссальной задачи необходимо будет пересмотреть существующие и/или принять новые стратегии ...» [57, с. 10]. Эволюция цифровой экономики требует нестандартного экономического мышления и анализа политики. При разработке соответствующих стратегий необходимо учитывать процесс размывания границ между секторами в связи с повсеместным повышением роли услуг, а также серьезные трудности при применении национальных законов и регулирующих положений в отношении трансграничной торговли цифровыми услугами и продуктами. Они должны также способствовать появлению новых возможностей для создания стоимости и получения выгод на местном уровне, а также для осуществления дальнейших структурных преобразований посредством цифровизации.

Проводимые в нашей стране экономические реформы, вызванные развитием цифровой экономики, использованием современных цифровых технологий, касаются всех без исключения сфер деятельности и требуют корректировки стратегических программ и планов развития [163].

В настоящее время в Краснодарском крае реализуются государственные программы, принятые в 2015 и 2017 годах (таблица 3.9). Точная количественная оценка социальных и экономических эффектов, вызванных цифровой трансформацией, затруднена по причине невозможности их наблюдения в краткосрочном периоде (по крайней мере, в большинстве случаев). Не меньшую сложность представляет выделение эффектов, вызванных именно цифровизацией экономики, а не другими процессами, сопутствующими развитию экономической системы. В силу этих обстоятельств наиболее релевантным способом оценки является применение ряда количественных метрик, отражающих состояние цифрового сектора.

Таблица 3.9 – Перечень реализуемых государственных программ Краснодарского края

Дата и номер постановления	Наименование госпрограммы	Дата и номер постановления	Наименование госпрограммы
05.10.2015 №938	Социальная поддержка граждан	12.10.2015 №967	Развитие жилищно-коммунального хозяйства
05.10.2015 №939	Развитие образования	12.10.2015 №968	Формирование условий для духовно-нравственного развития граждан
05.10.2015 №940	Управление государственными финансами Краснодарского края	12.10.2015 №969	Доступная среда
05.10.2015 №941	Противодействие незаконному обороту наркотиков	19.10.2015 №975	Региональная политика и развитие гражданского общества
05.10.2015 №943	Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края	22.10.2015 №986	Развитие культуры
05.10.2015 №944	Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	05.11.2015 №1007	Развитие санаторно-курортного и туристского комплекса
12.10.2015 №959	Медиасреда Кубани	16.11.2015 №1036	Содействие занятости населения
12.10.2015 №960	Информационное общество Кубани	16.11.2015 №1037	Казачество Кубани
12.10.2015 №961	Развитие топливно-энергетического комплекса	16.11.2015 №1038	Комплексное и устойчивое развитие Краснодарского края в сфере строительства и архитектуры
12.10.2015 №962	Развитие физической культуры и спорта	16.11.2015 №1039	Обеспечение безопасности населения
12.10.15 №964	Дети Кубани	20.11.2015 №1057	Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства
12.10.2015 №965	Развитие сети автомобильных дорог Краснодарского края	30.11.2015 №1138	Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности
12.10.2015 №966	Развитие здравоохранения	31.08.2017 №655	Формирование современной городской среды

Источник: составлено автором на основе [50]

Основной развития цифровизации является сектор телекоммуникаций и интернета, посредством которых формируются современная информационная инфраструктура, информационная сеть Интернет, качественно новая электронная система коммуникаций, информационно-сетевые связи и отношения.

По мнению специалистов, уровень зрелости цифрового сектора характеризует его вклад в экономику страны и конкурентоспособность [124]. Уровень зрелости цифрового сектора экономики оценивается набором экономических показателей, таких как: вклад ИКТ-сектора в валовый внутренний продукт и общую занятость, а также уровень производительности труда в отраслях цифрового сектора экономики.

В таблице 3.10 определены такие показатели по статистическим данным отрасли «Информация и связь» Краснодарского края за период 2014-2017 годы, которые свидетельствуют о низких значениях оценочных показателей, слабых темпах роста и необходимости цифровых трансформаций.

Таблица 3.10 – Основные показатели зрелости цифрового сектора РФ и Краснодарского края за 2014-2017 гг.

Показатели	РФ				Краснодарский край			
	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.
Доля ИКТ-сектора в ВВП (ВРП), %	2,188	2,258	2,246	2,256	2,655	2,532	2,400	2,600
Темпы роста	-	1,032	0,995	1,177	-	0,954	0,948	1,083
Доля ИКТ-сектора в общей занятости, %	1,241	1,225	1,249	2,013	1,085	1,057	1,108	1,562
Темпы роста	-	0,987	1,019	1,612	-	0,974	1,048	1,409
Производительность труда в отрасли «Информация и связь», млн. руб.	2,056	2,114	2,146	1,421	1,881	1,832	1,836	1,425
Темпы роста	-	1,028	1,015	0,662	-	0,974	1,002	0,776

Источник: рассчитано автором

В ходе реализации в 2017 году государственной программы «Информационное общество Кубани» из 20 мероприятий по запланированным

показателям достигнуты результаты в полном объеме – по 19 мероприятиям (степень реализации мероприятий – 1,0 (0,95)), в рамках которых осуществлялось:

- модернизация, сопровождение, техническое обслуживание и приобретение услуг связи для региональной мультисервисной сети исполнительных органов государственной власти Краснодарского края;

- сопровождение, модернизация и администрирование государственных информационных систем «Государственный реестр информационных систем Краснодарского края», «Информационная система планирования и мониторинга социально-экономического развития Краснодарского края», «Информационная система автоматизированного электронного документооборота «СИНКОПА-ДОКУМЕНТ», «Единый центр услуг», «Региональный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)»;

- обеспечено предоставление в электронном виде через Региональный портал государственных и муниципальных услуг Краснодарского края 11,1 тыс. единиц государственных и муниципальных услуг;

- обеспечение исполнительных органов государственной власти Краснодарского края услугами доступа к сети «Интернет», связью, справочными правовыми (информационными) системами;

- перевод в электронный вид описей архивных документов, содержащих 326,2 тыс. заголовков дел, др. [50].

Следует отметить, что расторжение государственных контрактов и ненадлежащее исполнение отдельных государственных контрактов в этот период свидетельствует о низком качестве планирования и отсутствия взаимосвязи между запланированными непосредственными результатами реализации программных мероприятий и фактической их реализацией.

Для обеспечения условий цифровой экономики необходимы не только меры по укреплению цифрового сектора, но и более широкие усилия, с тем чтобы предприятия во всех секторах могли пользоваться преимуществами цифровых технологий.

По мнению И.В. Василенко, «экономическая реформа – это сложный и многоэтапный процесс, направленный на эффективное преобразование экономических систем и форм» [35, с. 7]. Основными принципами проведения экономических реформ являются: целенаправленность, эффективность, оптимальность, многовариантность, системность, комплексность, своевременность, готовность, непрерывность, регулируемость, сопровождаемость, надежность, а также защищенность от негативного воздействия.

Соглашаясь с утверждением Л. Г. Батраковой, о том, что «цифровая трансформация в России, немыслима без участия регионов» [13, с. 53], выделим и обоснуем необходимость обеспечения интегративности концепций регионального развития. Будем рассматривать региональное хозяйство как сформированную на основе принципов достижения конечных целей внутренне организованную систему, обладающую свойствами целостности, обеспеченности ресурсами. Такая экономическая система сможет получать максимальный результат при организации взаимодействия элементов и налаженной интегративности.

Основные интегративные свойства экономической системы отражены на рисунке 3.5. Интегративность региональных экономических систем предполагает наличие функциональных (социально-экономических) характеристик и ее компонентов (отраслей/видов экономической деятельности), обязательность целеустремленности и взаимодействие, позволяющее получить дополнительный эффект.

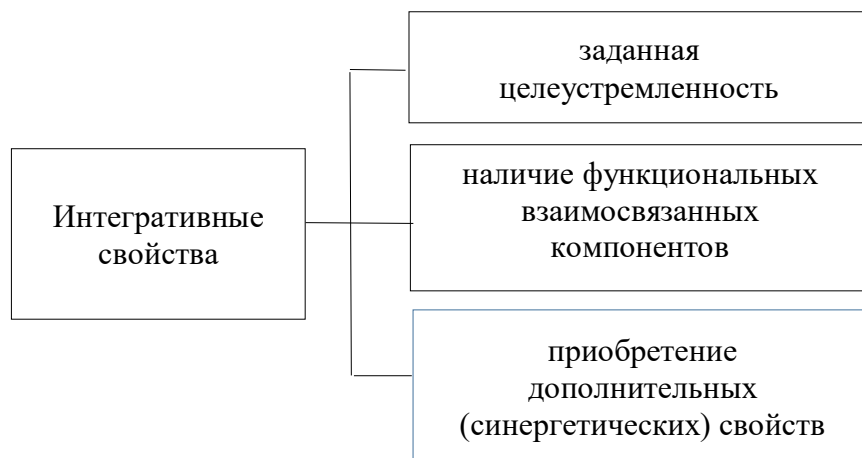

Рисунок 3.5 – Основные интегративные свойства экономической системы
Источник: составлено автором

По мнению В.Я. Цветкова, «интегративность можно рассматривать и как свойство частей системы» [214, с. 676]. Таким образом, экономическая система включает интеграцию ее компонентов в совокупность отраслей/сфер деятельности и при этом может приобретать дополнительные, а именно синергетические, свойства. Интегративность можно рассматривать также как отношение частей экономической системы, которые образуют интегративную совокупность (хозяйственный комплекс), где каждая часть обеспечивает выполнение цели. Это означает, что позиций интегративности важными являются не только все связи, но те, которые создают взаимодействие, интегративные свойства системы и ее подсистем.

Основные тренды цифровой трансформации демонстрируют взаимодействие различных отраслей экономики, актуализируют необходимость создания новых моделей взаимодействия, производственной и межотраслевой интеграции на уровне региональной системы.

Цифровые технологии способствуют интеграции, позволяя компаниям, включая малые и средние предприятия, расширять торговлю. Они повышают эффективность, помогая компаниям более выгодно использовать капитал и рабочую силу. Новые технологии усиливают инновации и конкуренцию, обеспечивая масштабируемость услуг на базе онлайн-платформ и развитие сервисов, вытесняющих традиционные бизнес-модели [93, с. 31].

Таким образом, наличие интегративности частей экономической системы позволяет получать дополнительные (интегративные) свойства, что важно в реализации современных реформ цифровизации экономики. Внедрение реформ при отсутствии обеспечения интегративности частей региональной экономики снижает вероятность выполнения перспективных планов и получения синергетического эффекта.

При этом актуальность на современном этапе синергетики определяется особым состоянием достаточно сложных систем в условиях нестабильности, в области неустойчивого положения, равновесия, а соответственно, и динамику их развития.

Парадигма синергизма исходит из признания того факта, что в процессе развития выгодные результаты, получаемые целостностью, отвечают за благополучие ее частей. В сущности, учение о синергизме представляет собой «экономическую» теорию сложности. Функциональная структура эффективной системы обуславливает такое взаимодействие ее членов и разнокачественных потенциалов, которое максимально реализует положительные комбинированные (синергические) эффекты и исключает отрицательные эффекты взаимодействия.

Для любой экономической системы существует такой набор ресурсов, при котором ее потенциал всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов входящих в нее ресурсов, либо существенно меньше. По мнению Д.А. Иванова, «синергия – это сотрудничество хозяйствующих субъектов как единого целого, единой системы» [65, с. 2593].

Другими словами, синергию можно определить, как своего рода кооперацию, взаимосвязанные и координированные действия, которые способны проявляться в форме стратегического партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и кооперативного взаимодействия [1, с. 581]. Разнообразие различных отраслевых производств на единой территории позволяет использовать эффекты кооперации и синергии.

Стратегией социально-экономического развития Краснодарского края учитывается интегральный методический подход и развитие предусмотрено по экономическим комплексам, сформированным по ключевым направлениям территориального развития. Темпы роста экономических комплексов согласованы совместной концепцией перспективного развития (таблица 3.11).

В процессе реализации концепций цифровых трансформаций важны потенциалы комплексов, их согласованные и взаимоподдерживающие связи. Согласованность экономических показателей развития мезоуровня обеспечит приращение интегрального роста посредством мультипликации и интерференции положительных эффектов.

Таблица 3.11 – Темпы роста валовой добавленной стоимости по экономическим комплексам Краснодарского края

Экономические комплексы мезоуровня	2018 г.	2021 г.	2014 г.	2027 г.	2030 г.
Торгово-транспортно-логистический комплекс	103,1	104,6	109,1	105,4	104,5
Агропромышленный комплекс	103,2	102,9	105,2	103,4	102,8
Санаторно-курортный и туристский комплекс	105,0	104,8	107,0	104,7	104,1
Комплекс отраслей промышленности	110,9	103,8	110,2	106,6	104,3
Топливо-энергетический комплекс	107,7	109,6	108,3	102,6	102,1
Комплекс строительства и жилищно-коммунального хозяйства	105,6	105,4	108,1	105,6	105,1
Комплекс социальных и инновационных услуг	104,3	106,6	107,9	105,4	104,8

Источник: составлено автором по данным [62]

Проведенные исследования позволяют обоснованно утверждать, что наиболее важным посылом обеспечения интегративности концепций реформ является формирование благоприятной институциональной среды. В диссертационной работе в ходе теоретического исследования содержания понятия экономической системы мезоуровня (п. 1.1) нами обосновывалась целесообразность применения теории институциональных матриц к адаптации макрореформ к трансформационным процессам микроуровня. Теория институциональных матриц, как теория мезоуровня, позволяет определить направления обеспечения интегративности концепций внедрения экономических реформ на основе действия совокупности экономических, политических и идеологических институтов мезоуровня.

На основе проведенных исследований нами разработан теоретический подход к институциональному обеспечению интегративности концепций внедрения экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций (рисунок 3.6). Данный подход базируется на теоретических представлениях о приоритетах и принципах развития экономических систем в условиях цифровых трансформаций, которые определяют разработку концепций и моделей прорывных реформ. На основе концепций реформ разрабатываются стратегии реформ в системе экономических отношений, внедрение которых в значительной степени определяется институциональной средой обеспечения интегративности внедрения реформ на мезоуровне.

Рассматривая экономику как комплекс альтернативных X-, Y-институтов, или редистрибутивных и рыночных экономических институтов [113, с. 84], представленная логическая модель институциональной матрицы мезоуровня содержит совокупность взаимосвязанных экономических, идеологических и политических институтов, которые при взаимодействии обеспечивают эффекты цифровизации на основе интегративности.

К идеологическим институтам мезоуровня, регулирующих интегративность концепций реформ, нами отнесены такие: институт ответственности за внедрение реформ; институт экономического патриотизма; институты цифровой грамотности; институт непрерывной модернизации; институт антикоррупционной региональной политики.

Политические институты, имеющие важнейшее воздействие на развитие экономических систем мезоуровня, включают: институт власти; институты регулирования цифровой среды; институты регулирования информационной инфраструктуры; институты экономической и информационной безопасности; институты цифрового регионального управления.

Функционирование институциональной среды поддержки реализации реформ на мезоуровне, безусловно, опирается и на совокупность экономических институтов.

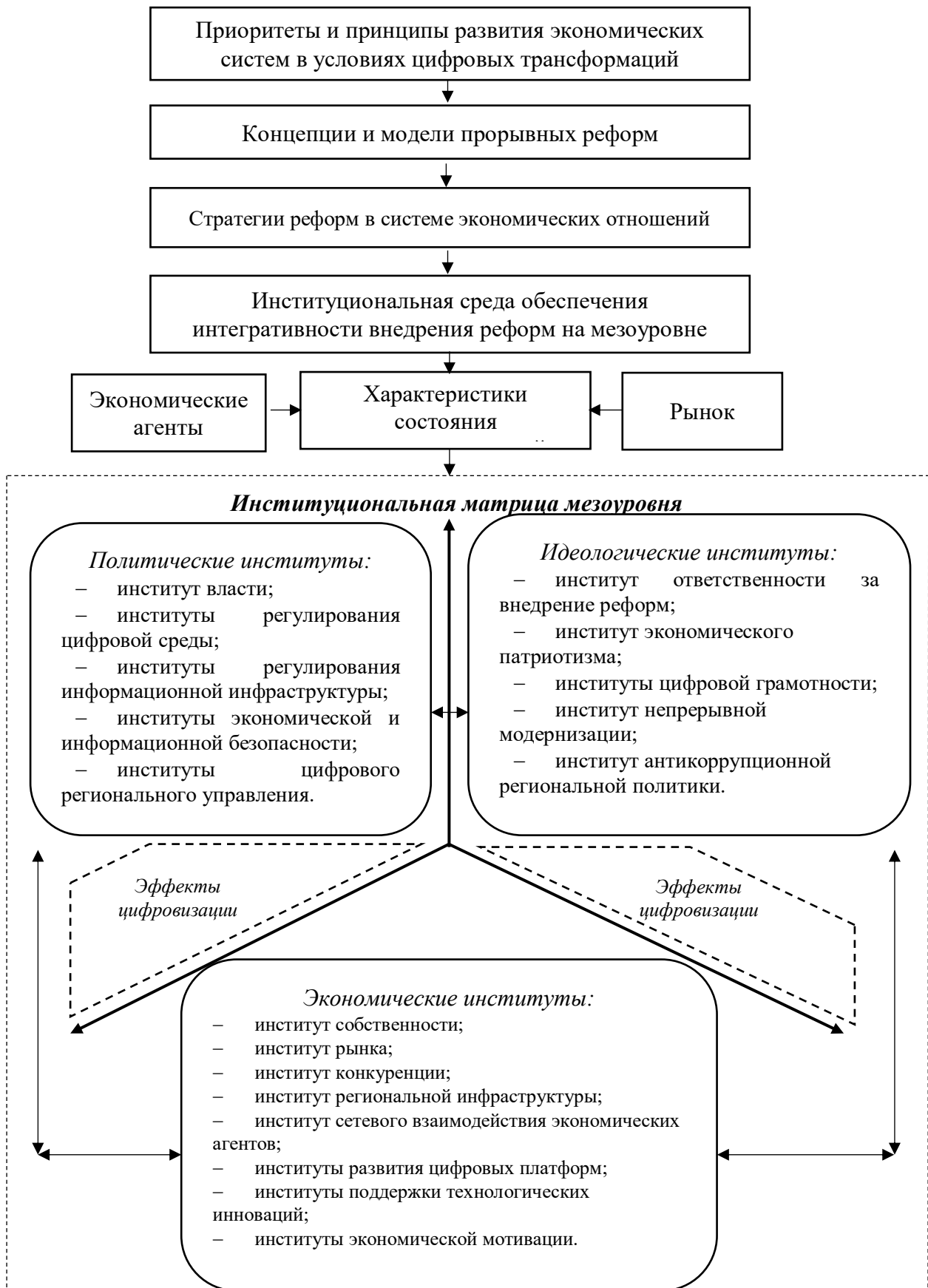

Рисунок 3.6 – Теоретический подход к институциональному обеспечению интегративности концепций реформ на мезоуровне в условиях цифровизации

Источник: разработано автором

К экономическим институтам нами отнесены следующие: институт собственности; институт рынка; институт конкуренции; институт региональной инфраструктуры; институт сетевого взаимодействия экономических агентов; институты развития цифровых платформ; институты поддержки технологических инноваций; институты экономической мотивации.

Представленная институциональная матрица рассматривается нами как базовый регулятор развития экономической системы мезоуровня в условиях цифровых трансформаций.

Таким образом, подводя итоги по настоящей главе, отметим, что проведенные исследования позволили разработать теоретический подход к институциональному обеспечению интегративности концепций реформ на мезоуровне в условиях цифровых трансформаций. Данный подход целесообразно применять при создании моделей взаимодействия, производственной и межотраслевой интеграции на уровне экономической системы и получать дополнительный (интегративный) эффект проводимых трансформаций. Согласованность экономических показателей развития мезоуровня обеспечит приращение интегрального роста посредством мультипликации и интерференции положительных эффектов.

Заключение

В диссертационной работе на основе выявления экономических связей и процессов, раскрывающих влияние фактора реформ на состояние и развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций, сформулированы следующие выводы:

1. Исследование экономических систем мезоуровня в современных условиях изменений экономических отношений целесообразно осуществлять на основе институционального анализа фактора реформ. Интегративность применения положений концепции мезоинститутов с теорией институциональных матриц предопределяет формирование концептуального контура исследования влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня на основе выявления закономерностей и взаимообусловленности указанных аспектов. Получили дальнейшее развитие положения теории экономических систем в части выделения составляющих развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций. Экономическая система мезоуровня определена как совокупность мезоинститутов, определяющих форму и содержание экономических отношений, регулирующих адаптацию макростратегий реформ к процессам производства, распределения, обмена и потребления экономического продукта экономическими агентами на микроуровне.

2. Предложена типология реформ, в зависимости от проявления сущностных характеристик влияния реформ на экономические системы. В рамках предложенной типологии выделены типы реформ, определяющие структуру эффектов воздействия на развитие экономических систем: экономический, социальный, институциональный, структурный, рыночный, конституционный. Представленная типология позволяет как упорядочить научные знания об исследуемой реформе, так и обосновать существенные признаки реформы в условиях цифровых трансформаций. Разработан и представлен теоретический контур влияния реформ на экономические системы с учетом базовых элементов

теории реформ. Разработанная нами схема влияния реформ на экономические системы наглядно показывает подходы к внедрению реформ с учетом ряда ограничений – культурных, ресурсных, технологических, политических. Оценка концепций реформ является необходимым условием для реализации стратегий реформ в целях обеспечения эффективного развития экономических систем. Эффективность развития экономических систем определяет и эффективность общественного выбора. Успешность проводимых реформ в значительной степени определяется наличием определенной стратегии реформ.

3. Разработан научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне в условиях цифровой трансформации экономики с обоснованием необходимости совершенствования институциональной инфраструктуры, проведения информационных, организационных и управленческих изменений, создания условий развития цифровизации. Предложенный научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне позволяет определить текущее состояние хозяйства по отраслям специализации, оценить активность развития экономики мезоуровня, выявить сдерживающие факторы цифровой трансформации и сформировать корректирующие меры. Применение авторской методики для оценки субъектов, входящих в состав Южного федерального округа, показало, что Юг России обладает определенными природными ресурсами, имеет стабильные показатели экономического роста и наращивает существенный инновационный потенциал, основными сдерживающими развитие факторами являются высокая степень износа основных фондов и недостаточное внедрение современных наукоемких технологий. Корректировка стратегических планов развития направлена на решение проблем цифровизации регионального уровня, обеспечение учета реальных возможностей трансформаций и экономических интересов участников.

4. Разработан теоретический подход к обеспечению интегративности концепций реформ развития экономических систем на мезоуровне, позволяющий создавать модели приоритизации, взаимодействия, производственной и

межотраслевой интеграции на уровне экономической системы и получать дополнительный (интегративный) эффект проводимых трансформаций. На основе применения теории институциональных матриц к адаптации макрореформ к трансформационным процессам микроуровня определены взаимосогласованные направления функционирования политических, идеологических и экономических институтов в обеспечении развития экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций. Обоснована необходимость в развитии мезоинститута ответственности реформаторов и вовлеченных экономических агентов. Данный аспект в теории реформ мы рассматриваем как неотъемлемый фактор адаптации внедрения реформа на мезоуровне с последующей реализацией на микроуровне. Научная значимость реализации стратегии реформ обусловлена необходимостью обеспечения интеграции результатов уже разработанных стратегий развития субъектов регионального уровня с реализующимися программами национальных проектов. Достижение указанной интеграции позволит обеспечить эффективное исполнение ожидаемых результатов реализации национальных проектов развития России.

Список литературы

1. Абдокова Л.З. Синергетический эффект как результат эффективного управления [Текст] / Л.З. Абдокова // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 10-3. – С. 581-584.
2. Аверьянова, О. В., Благих, И. А. Влияние цифровой экономики на формирование социальных изменений в обществе [Текст] / О. В. Аверьянова, И. А. Благих // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 2 (70). – С. 44-48.
3. Аганбегян, А. Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? [Текст] / А.Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 3 (53). – С. 11-20.
4. Акофф, Р. Л. Планирование в больших экономических системах [Текст] / Р.Л. Акофф – М.: Сов. Радио, 1972. – 300 с.
5. Алчиан, А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория [Текст] / А. Алчиан // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол. : Я.И. Кузьминов (гл.ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. – М.: Изд.дом ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 33-53.
6. Алчиан, А. Стоимость [Текст] / А. Алчиан // Вехи экономической мысли. Т.3. Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В. М. Гальперина — СПб.: Экономическая школа, 2000. – с.401-434.
7. Аракчеев, В. А. Динамика и типология реформ в России XVI-XVII веков [Текст] / В. А. Аракчеев // Российская история. – 2014. – № 2. – С. 43-60.
8. Артёмова, О. Н. Эволюция институциональных условий устойчивости предпринимательства [Текст] / О. Н. Артемова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2011. – № 2 (11). – С. 7-17.
9. Багдасарьян, И. С., Миронова, Е. С. Импорт институтов в российской экономике [Электронный ресурс] / И.С. Багдасарьян, Е.С. Миронова // Постулат. –

2017. – Режим доступа: <http://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/387> (дата обращения: 08.11.2019 г.).

10. Балацкий, Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции [Текст] / Е. В. Балацкий // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 6-22.

11. Балацкий, Е. В. Институциональная дилемма в период первоначального накопления капитала [Текст] / Е. В. Балацкий // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 58–69.

12. Балацкий, Е. В. Институциональные и технологические ловушки: анализ идей [Текст] / Е. В. Балацкий // Журнал экономической теории. – 2012. – № 2. – С. 48–63.

13. Батракова Л.Г. Развитие цифровой экономики в регионах России [Текст] / Л.Г. Батракова // Социально-политические исследования. – 2019. – №1. – С. 51-64.

14. Беликова, Н. В. Проблемы определения сущности экономических реформ [Текст] / Н. В. Беликова // Бизнес-информ. – 2014. – № 10. – С. 8-13.

15. Белых, А. А., Мау, В. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX – начала XX в. [Текст] / А. А. Белых, В. А., Мау // Вопросы экономики. – 2020. – №1. – С. 18-46.

16. Бельчук, А. И. Общие итоги системных реформ [Электронный ресурс] / А.И. Бельчук // Политический класс. – 2007. – № 32. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36267> (дата обращения: 07.07.2019 г.).

17. Берсенёв, В. Л. Институциональные ловушки современной экономической реформы в России и проблема определения горизонтов планирования [Текст] / В. Л. Берсенёв // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2014. – № 3. – С. 22-32.

18. Благих, И. А. Модель социального государства: теория и практика для современной России [Текст] / И. А. Благих // Устойчивое развитие: общество и экономика : материалы VI Международной научно-практической конференции. –

Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. – С. 75-78.

19. Благих, И. А. Стратегия экономической политики современной России: проблемы самоидентификации [Текст] / И. А. Благих // В книге «Социум и христианство»: Материалы III международной научно-практической конференции. – Минск: Издательство Минской духовной академии, 2019. – С. 10-11.

20. Благих, И. А. Феномен налоговых реформ при переходе к рыночной экономике: что показывает исторический опыт? [Текст] / И. А. Благих // Петербургский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 104-112.

21. Благих, И. А. Экономические реформы 1929-1933 годов и возможности использования их опыта в современности [Текст] / И. А. Благих // В сборнике: Экономический базис развития науки и технологий в России Сборник трудов Международной научной конференции. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 103-104.

22. Благих, И. А., Аверьянова, О. В. Россия в поиске модели социального государства: вопросы теории и практики [Текст] / И. А. Благих, О. В. Аверьянова // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 1 (69). – С. 162-165.

23. Благих, И. А., Суверина, Е. В. Налоговые реформы в переходной экономике: из отечественного экономического опыта. Реформы М.Х. Рейтерна [Текст] / И. А. Благих, Е. В. Суверина // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1 (45). – С. 255-258.

24. Благих, И. Н., Молчанова, Н. П. Развитие региональной экономики и концепция пространственного развития: ретроспективный анализ [Текст] / И. Н. Молчанов, Н. П. Молчанова // Вопросы управления. – 2019. – № 2 (38). – С. 92-105.

25. Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г. Становление и сущность системного подхода [Текст] / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 274 с.

26. Бодрунов, С. Д. Ноономика [Текст] / С. Д. Бодрунов. – Москва-Санкт-Петербург-Лондон: Издательство: Культурная революция (Москва), 2018. – 432 с.

27. Бодрунов, С. Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития [Текст] / С. Д. Бодрунов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 5-12.
28. Бокарев, Ю. П. Теория модернизации и экономическое развитие [Текст] / Ю. П. Бокарев // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4 (57). – С. 25-35.
29. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. [Текст] / председатель науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. – М.: БРЭ, 2012. Т. 20. – 768 с.
30. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия [Текст] / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн: МФЦП, 2002. – 1008 с.
31. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь [Текст] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
32. Бренделева, Е. А. Институциональные реформы в рамках концепции 2020 / [Текст] / Е. А. Бренделева // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3 (18). – С. 28-31.
33. Будович, Ю. И., Будович, М. С. Развитие исследований из области теории институциональных ловушек и классификация ловушек [Текст] / Ю. И. Будович, М. С. Будович // Вестник Финансового университета. – 2013 – №5 (77). – С. 17-25.
34. Бузгалин, А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» [Текст] / А. В. Бузгалин, А.И. Колганов // Проблемы теории и практики управления – 2014. – № 8. – С. 8-19.
35. Василенко И.В. Инновационные проблемы развития экономических реформ в России [Текст] / И.В. Василенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 10, Инновационная деятельность. – 2013. – № 2 (9). – С. 7-15.
36. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
37. Великие экономисты и великие реформы. К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г. Том 2. Сборник научных трудов [Текст] / под ред. Д. Е. Сорокина, Р. М. Нуреева, Н. В. Цхададзе. – Москва: Русайнс, 2020. – 280 с.

38. Веретенникова, А.Ю., Омонов, Ж.К. Концепция институционального механизма в экономической теории [Текст] / А.Ю. Веретенникова, Ж.К. Омонов // Журнал экономической теории. – 2017. – № 2. – С. 156-162.

39. Волошин, А. В., Демченко, С. К., Сусллова, Ю. Ю. Генезис категорий «эволюция» и «развитие» экономических систем в экономической науке [Текст] / А. В. Волошин, С. К. Демченко, Ю. Ю. Сусллова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 12-2. – С. 51-60.

40. Волошин, А. В., Демченко, С. К., Сусллова, Ю. Ю. Теоретические подходы к сущности и классификации социально-экономических систем в современной экономической теории [Текст] / А. В. Волошин, С. К. Демченко, Ю. Ю. Сусллова // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 7 (108). – С. 153-161.

41. Волошин, А. В., Демченко, С. К., Сусллова, Ю. Ю., Калюжнова, Н. Я., Каячев, Г. Ф. Обзор моделей эволюционного развития социально-экономических систем [Текст] / А. В. Волошин, С. К. Демченко, Ю. Ю. Сусллова, Н. Я. Калюжнова, Г. Ф. Каячев // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 7 (108). – С. 202-205.

42. Волынский, А. И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе [Текст] / А. И. Волынский // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16. – №4. – С. 29-40.

43. Волынский, А. И. Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России [Текст] / А. И. Волынский // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 36–49.

44. Волынский, А. И. Мезоэкономика роста: изучая опыт китайских реформ [Текст] / А. И. Волынский // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – № 1 (4). – С. 84-99.

45. Волынский, А.И., Круглова, М.С., Рожков, П.В., Рубинштейн, А.А. Механизм принятия законодательных решений в РФ как метод экономического регулирования: на основе анализа количественных данных базы Lawstream.ru [Электронный ресурс] / А. И. Волынский, М. С. Круглова, П. В. Рожков, А. А. Рубинштейн // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 4

(52). – С. 1493-1506. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41565012> (дата обращения: 03.12.2019 г.).

46. Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки [Текст] / В. В. Вольчик, Е. В. Маслюкова // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – №2. – С. 146-162.

47. Гареев, Т. Р. Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне [Текст] / Т. Р. Гареев // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 45–58.

48. Гельм, Н. А., Мясникова, Е. Б. Теория большого толчка П.Розенштейн-Родана [Текст] / Н.А. Гельм, Е.Б. Мясникова // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2018. – № 1. – С. 59-62.

49. Глухарёва, Л. И. Типология реформ в правозащитной сфере [Текст] / Л. И. Глухарёва // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 3 (42). – С. 42-48.

50. Государственные программы Краснодарского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.krasnodar.ru/gos-prog-kk/perech-gp/> (дата обращения: 04.09.2019 г.).

51. Государственные программы Республики Крым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/677> (дата обращения: 20.12.2019 г.).

52. Гринберг, Р. С., Горшков, М. К. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) [Текст] / Р. С. Гринберг, М. К. Горшков // Мир перемен. – 2012. – № 1. – С. 8-31.

53. Данилин, И. В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал [Текст] / И. В. Данилин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 555-367.

54. Данные годовой формы федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 20.12.2019 г.).

55. Де Сото, Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире [Текст] / Пер. с англ. Б. Пинскер, науч. ред. Р. Левита. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004 – 272 с.

56. Динамика и структура инвестиций в основной капитал. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Выпуск №42. Октябрь 2018. – Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 20 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/19043.pdf> (дата обращения: 17.12.2019 г.).

57. Доклад о цифровой экономике 2019 // Конференция организации объединенных наций по торговле и развитию. Обзор ЮНКТАД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 28.12.2019 г.).

58. Дорошенко, С. В., Нигметов, К. К. Институт оценки политики в контексте теории реформ [Электронный ресурс] / С. В. Дорошенко, К. К. Нигметов // Журнал экономической теории. – 2014. – № 2. – С. 142-145. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21595224_83836038.pdf (дата обращения: 14.12.2019 г.).

59. Дынкин, А. А. Кризис миропорядка: поиски выхода [Текст] / А. А. Дынкин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 196. – №7. – С. 63-73.

60. Жаркова, Н. Н., Федосеенков, А. В. Причины возникновения реформ и революции в обществе [Текст] / Н.Н. Жаркова, А.В. Федосеенков // Мировая наука. – 2018. – № 12 (21). – С. 222-224.

61. Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года» от 29.04.2008 №1465-КЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/461601815> (дата обращения: 14.11.2019 г.).

62. Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» от 21.12.2018 №3930-КЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Strategiia_2030.pdf (дата обращения: 16.12.2019 г.).

63. Закон Республики Крым «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ww.rk.gov.ru/rus/docs_republic.htm (дата обращения: 21.10.2019 г.).

64. Земляникина М. Россия и тренды цифровизации [Электронный ресурс] / М. Земляникина // Журнал Босс. – 2019. – 11 октября. – Режим доступа: <http://www.bossmag.ru/archiv/2019/boss-sentyabr-oktyabr-2019-g/rossiya-i-trendy-tsifrovizatsii.html> (дата обращения: 16.01.2020 г.).

65. Иванов Д. А. Понятие «синергия» и «синергический эффект»: семантический и эволюционный аспекты [Текст] / Д.А. Иванов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – №20. – С. 2583-2594.

66. Илюхина, И. Б., Ильминская, С. А. Институциональный механизм преодоления диспропорций пространственного развития: зарубежный опыт [Текст] / И. Б. Илюхина, С.А. Ильминская // Вестник ОрелГИЭТ. – 2019. – № 3 (49). – С. 46-51.

67. Институциональные ограничения экономической динамики [Текст] / Науч. ред. В.Л. Тамбовцев. – М.: ТЕИС, 2009. – 524 с.

68. Информационная экономика: развитие, управление, модели: монография [Текст] / Н.В. Апатова, С.В. Герасимова, С. П. Кирильчук и др.; под научной редакцией Н.В. Апатовой. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. – 420 с.

69. Иншаков, О. В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации [Текст] / О. В. Иншаков // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 42-51.

70. Ипатова, А. В., Ситухо, А. Н. О содержании институционального проектирования государственной экономической политики (на примере малых форм хозяйствования ростовской области): теоретико-эмпирический анализ

[Текст] / А. В. Ипатова, А. Н. Ситухо // Modern Economy Success. – 2019. – № 4. – С. 50-57.

71. Исправникова, Н. Р. Эффективная траектория развития реформ: институциональные возможности и коррупционные ограничения [Текст] / Н. Р. Исправникова // Национальная безопасность / NOTA BENE. – 2011. – №2 (13). – С. 10-21.

72. Калабеков, И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Текст] / И. Г. Калабеков. – Издание 2-ое, переработанное и дополненное – М.: РУСАКИ, 2010. – 498 с.

73. Капогузов, Е. А., Левин, С. Н., Саблин, К. С. Что понимается под импортом институтов / Е. А. Капогузов, С. Н. Левин, К. С. Саблин [Электронный ресурс] // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 480-487. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41217127> (дата обращения: 03.01.2020 г.).

74. Кара-Мурза, С. Г. Чрезвычайная функция государства: оздоровление общности российских предпринимателей [Текст] / С. Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 3. – С. 33-52.

75. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур [Текст] / М.Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; Под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. – С.494-505.

76. Кирдина, С. Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ [Текст] / С. Г. Кирдина. – М.: Наука, 2004. – 256 с.

77. Кирдина, С. Г. Об институциональных матрицах: тезисы теории [Электронный ресурс] / С. Г. Кирдина. – Режим доступа: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=238 (дата обращения: 13.08.2019 г.).

78. Кирдина-Чэндлер, С. Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве [Текст] / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Вопросы теоретической экономики. – 2018. – №1. – С. 73-88.

79. Кирдина-Чэндлер, С. Г. К самоопределению российского общества: в поисках системы координат [Электронный ресурс] / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Мир России. – Т. 28. – № 2. – С. 6–24. – Режим доступа: <https://mirros.hse.ru/article/view/9776> (дата обращения: 06.09.2019 г.).

80. Кирдина-Чэндлер, С. Г. Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии [Текст] / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Journal of Institutional Studies. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 6-17.

81. Кирдина-Чэндлер, С. Г., Маевский, В. И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике [Текст] / С. Г. Кирдина-Чэндлер, В. И. Маевский // Journal of Institutional Studies. – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 7-23.

82. Кирильчук, С. П., Наливайченко, Е. В. Методологические аспекты анализа цифровой экономики [Текст] / С. П. Кирильчук, Е.В. Наливайченко // В сборнике: Экономический базис развития науки и технологий в России Сборник трудов Международной научной конференции. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – С. 38-42.

83. Кирильчук, С. П., Романенко, А. Ю. Детерминанты трансформации региональной социально-экономической системы [Текст] / С. П. Кирильчук, А.Ю. Романенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 49-53.

84. Кирильчук, С.П., Шевченко, Е.В. Проектирование функционирования компаний информационно-телекоммуникационной сферы в цифровой экономике [Текст] / С. П. Кирильчук, Е. В. Шевченко // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2018. – № 2 (43). – С. 98-103.

85. Киселева В.А. Моделирование системы мониторинга и управления социально-экономическим развитием региона [Текст] / В.А. Киселева // Новые технологии. – 2010. - №4. – С. 95-98.

86. Киямов, И. К. Опыт стимулирования институциональных реформ на мезоуровне: теоретический аспект [Текст] / И. К. Киямов // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2012. – № 50. – С. 27-29.

87. Клейнер, Г. Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики [Текст] / Г. Б. Клейнер // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 11–18.

88. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем [Текст] / Г. Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

89. Клейнер, Г.Б. Системный подход к экономической политике [Текст] / Г.Б. Клейнер // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – №5. – С. 30–42.

90. Ключевский, В. О. [Текст] : в 9 т. Т. VIII / [под ред. В. Л. Янина]. – Москва : Мысль, 1990. – С. 347–364.

91. Козлов А. А. Исторический подход в исследованиях закономерностей развития региональной социально-экономической системы [Текст] / А. А. Козлов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. – 2012. – №1. – С. 430-433.

92. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации. Доклад о развитии цифровой экономики в России, сентябрь 2018 года. – Всемирный банк, Вашингтон, 2018. – 176 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/competing-in-digital-age> (дата обращения: 17.12.2019 г.).

93. Константиныди, Х. А. Параметры механизма формирования государственной политики в экономической и социальной сферах на основе систематизации стратегического целеполагания [Текст] / Х. А. Константиныди // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 2 (31). – С. 128-133.

94. Концепция разработки Стратегии социально-экономического развития Республики Крым на долгосрочный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minek.rk.gov.ru/file/File/2015/docs/strateg/strateg_konc/strateg_konc.pdf (дата обращения: 14.12.2019 г.).

95. Корнаи, Я. Системная парадигма [Текст] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4–22.

96. Коуз, Р. Институциональная структура производства [Текст] / Р. Коуз // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков* / Редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V. В 2 кн. Всемирное признание: Лекции Нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. – М.: Мысль, 2004. – С. 676–688.
97. Краснодарский край в цифрах. 2017: Стат. сб. / Краснодарстат. – Краснодар, 2018. – 306 с.
98. Круглова, М. С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне [Текст] / М. С. Круглова // *Journal of Institutional Studies*. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 49-57.
99. Круглова, М. С. Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе [Текст] / М. С. Круглова // *Journal of institutional studies* (Журнал институциональных исследований). – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 24–35.
100. Круглова, М.С. Теория институционального дизайна: от поиска идеальных институтов к работам Блумингтонской школы [Текст] / М. С. Круглова // *Terra Economicus*. – 2018. – Т. 16. – № 4. – С. 17-28.
101. Кузьминов, Я. И., Радаев, В. В., Яковлев, А. А., Ясин, Е. Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) [Текст] / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин // *Вопросы экономики*. – 2005. – № 5. – С. 5-27.
102. Курбатова, М. В. Проблемы формирования институциональной среды постиндустриальной экономики в современной России [Текст] / М. В. Курбатова // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 54-66.
103. Лазичева Е. А. Региональная система как объект и субъект управления региональным развитием [Текст] / Е. А. Лазичева // *Известия ТПУ*. – 2008. – №6. – С. 19-23.
104. Левин, С. Н., Кислицын Д. В., Сурцева, А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике [Текст] / С. Н. Левин, Д. В. Кислицын, А. А. Сурцева // *Journal of Institutional Studies*. – 2019. – Т. 11. – №4. – С. 61-76.

105. Лейбенстайн, Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса [Текст] / Х. Лейбенстайн // Теории потребительского поведения и спроса. – СПб. : Экономическая школа, 1993. – С. 304–326.

106. Литвак, Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива [Текст] / Б. Г. Литвак. – М.: Политиздат, 1991. – 302 с.

107. Максимов, С. Н. Экономическое развитие и хозяйственные реформы (к проблеме теории хозяйственных реформ) [Текст] / С. Н. Максимов // Известия АН СССР. Серия экономическая. – 1989. – № 6. – С. 105–110.

108. Максимова, Т. Г., Попова И. Н. Статистическое оценивание цифровой трансформации экономики российских регионов [Текст] / Т. Г. Максимова, И. Н. Попова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2019. – №1. – С. 52-60.

109. Мамбеткулов, А. Ш. Виды административных реформ. особенности процедурных административных реформ. сравнительно-правовой анализ [Текст] / А. Ш. Мамбеткулов // Наука и новые технологии. – 2012. – №8. – С. 162-165.

110. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии [Текст] / К. Маркс. – Т.1. – Кн. 1. –Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1978. – С. 178.

111. Маркс, К. Капитал. Т. 1. [Текст] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23.

112. Махалина, О. М., Махалин, В. Н. Развитие цифровой экономики в глобальной экономической системе [Текст] / О. М. Махалина, В. Н. Махалин // Экономика и управление в XXI веке. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – С.123-129.

113. Мезоэкономика: состояние и перспективы: монография [Текст] / Под. ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 314 с.

114. Мельник, Л. Г. Методология развития [Текст] / Л. Г. Мельник. – Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. – 602 с.

115. Мильнер, Б. З. Системный подход к организации управления [Текст] / Б. З. Мильнер, Л. И. Евенко, В. С. Рапопорт. – М.: Экономика, 1983. – 224 с.

116. Милуков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого [Текст] / П. Н. Милуков. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 702 с.

117. Митио, Каку. Бесплезные посреднические профессии отомрут [Электронный ресурс] // РБК. 20 октября 2017 г. – Режим доступа: www.rbc.ru/own_business/19/10/2017/59e733299a7947545d948ae2 (дата обращения: 24.12.2019 г.).

118. Молчанов, И. Н. Цифровизация в России: социально-экономические аспекты [Электронный ресурс] / И. Н. Молчанов // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. Цифровая экономика: человек, технологии, институты: сборник тезисов выступлений. – Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова Москва, 2018. – С. 97–99. – Режим доступа: https://www.econ.msu.ru/science/Article.20180227172119_1571/ (дата обращения: 16.10.2019 г.).

119. Мониторинг Стратегии СЭР Краснодарского края до 2020 года за период 2008-2017 годов. – Краснодар: Министерство экономики Краснодарского края, 2018. – 63 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/the-strategy-of-development-of-krasnodar-region/files/rezult_2008-17.pdf (дата обращения: 23.12.2019 г.).

120. Москалева, Д. А. О сущности экономической системы современного российского общества [Текст] / Д. А. Москалева // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 20–22.

121. Мусаелян, Л. А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия [Текст] / Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – №39. – С. 36-52.

122. Мясникович, М. В., Бодак, А. Н., Панькова, С. В. О некоторых новых подходах к модернизации экономики [Текст] / М. В. Мясникович, А. Н. Бодак, С. В. Панькова // Проблемы управления. – 2016. – №5 (62). – С. 5-8.

123. Найшуль, В. А. Высшая и последняя стадия социализма [Текст] / В.А. Найшуль // Погружение в трясину. – М.: Прогресс, 1991. – С. 31-62.

124. Национальный индекс развития цифровой экономики: Пилотная реализация. – М.: Госкорпорация «Росатом», 2018. – 92 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/331470670_Nacionalnyj_indeks_razvitia_cifrovoj_ekonomiki_Pilotnaa_realizacia (дата обращения: 19.01.2020 г.).

125. Некрасов Н. Н. Региональная экономика [Текст] / Н. Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1975. – 317с.

126. Нечкин, А. В. Непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации [Текст] / А. В. Нечкин // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. – 2019. – №4. – С. 18-22.

127. Нижегородцев, Р. М. Критерии эффективности принятия решений и институциональные ловушки [Электронный ресурс] / Р. М. Нижегородцев // Управленческие науки в современном мире. – 2017. – Т. 1. – С. 575-579. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_30734944_32281319.pdf (дата обращения: 06.01.2020 г.).

128. Нижегородцев, Р. М. Логика системной парадигмы в экономике (О книге Г. Б. Клейнера и М. А. Рыбачука «Системная сбалансированность экономики») [Текст] / Р. М. Нижегородцев // Вопросы экономики. – 2018. – № 8. – С. 128-135.

129. Норт, Д. Институты, идеология и эффективность экономики. От плана к рынку. Будущее посткоммунистических республик [Текст] / Под ред. Л.И. Пияшева, Дж.А. Дорн. – М.: Catallaху, 1993. – С. 307–319.

130. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997 – 180 с.

131. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

132. Основные макроэкономические показатели. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике

Адыгея. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения: 08.12.2019 г.).

133. Основные показатели социально-экономического развития Республики Крым и Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rk.gov.ru/ru/structure/1209> (дата обращения: 05.12.2019 г.).

134. Отчёт Главы Республики Крым о результатах деятельности Совета министров Республики Крым в 2018 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rk.gov.ru/ru/structure/1718> (дата обращения: 29.12.2019 г.).

135. Паспорт национального проекта «Наука». Утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 года №16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/> (дата обращения: 15.10.2019 г.).

136. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах – членах Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / И. В. Пилипенко, В. Я. Пищик, Г. А. Бунич и др.; под ред. И. В. Пилипенко. – Санкт-Петербург: Издательство «Наукоемкие технологии», 2019. – 976 с. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_41304666_35155618.pdf (дата обращения: 12.12.2019 г.).

137. Петросян, Х. Х. Институциональное проектирование системной модернизации социально-экономического развития российских регионов [Текст] / Х. Х. Петросян // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 2-3. – С. 61-64.

138. Подварко О. Цифровая трансформация регионов: что необходимо для успешной реализации [Электронный ресурс] / О. Подварко. – Режим доступа: <http://www.comnews.ru/content/119639/2019-05-20/cifrovaya-transformaciya-regionov-oksana-podvarko-rukovoditel-proektnogo-ofisa-iri#ixzz68MFTA0Si> (дата обращения: 08.12.2019 г.).

139. Покидченко, М. Г. Социальная теория распределения М.И. Туган-Барановского и ее восприятие в экономической науке [Текст] / М. Г. Покидченко // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – №1 (4). – С. 75-83.

140. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи; пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева; под общ. редакцией С.Е. Федорова. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2002. – 320 с.

141. Поломошнов, А. Ф. Реформы и экономический потенциал России: социально-политический анализ [Текст] / А. Ф. Поломошнов // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2015. – № 1. – С. 4-11.

142. Поломошнов, А. Ф. Российские реформы на рубеже тысячелетий [Текст] / А. Ф. Поломошнов, Н. В. Сапрыкина, Л. А. Чернобродова, В. Г. Корнев, Л. И. Захарова. – п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2009. – 246 с.

143. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов [Текст] / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – №3. – С. 24-50.

144. Полтерович, В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) [Текст] / В. М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5 (47). – С. 34-56.

145. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы [Текст] / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – № 35 (2). – С. 3–20.

146. Полтерович, В. М. На пути к новой теории реформ [Текст] / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. –1999. – №3. – С. 32-48.

147. Полтерович, В. М. Общество перманентного перераспределения : роль реформ [Текст] / В. М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2005. – №. 5. – С. 5-16.

148. Полтерович, В. М. Общий институциональный анализ и проектирование реформ [Текст] / В. М. Полтерович // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1(17). – С. 180–188.

149. Полтерович, В. М. Современное состояние теории экономических реформ [Текст] / В. М. Полтерович // *Пространственная экономика*. – 2008. – №2. – С. 6-45.

150. Полтерович, В. М. Современное состояние теории экономических реформ [Текст] / В. М. Полтерович // *Экономическая наука современной России*. 2008. №1 (40). С. 7-34.

151. Полтерович, В. М. Стратегии институциональных реформ. перспективные траектории [Текст] / В. М. Полтерович // *Экономика и математические методы*. – 2006. – Т. 42. – № 1. – С. 1-19.

152. Полтерович, В. М. Элементы теории реформ [Текст] / В. М. Полтерович. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.

153. Попов, Е. В., Веретенникова, А. Ю., Севастьянова, Е.А. Принципы проектирования институциональной среды локальных общественных благ [Электронный ресурс] // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 812-829. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27689280> (дата обращения: 03.04.2019 г.).

154. Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края «Об утверждении государственной программы Краснодарского края "Информационное общество Кубани" (с изменениями на 30 августа 2019 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/430643126> (дата обращения: 22.12.2019 г.).

155. Постановление правительства Российской Федерации от 08.08.2015 г. №823 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102377349> (дата обращения: 18.10.2019 г.).

156. Постановление Совета министров Республики Крым от 23.09.2015 года № 571 «О Порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Республики

Крым и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Республики Крым». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_261073.pdf (дата обращения: 18.10.2019 г.).

157. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/614> (дата обращения: 24.11.2019 г.).

158. Производство, наука и образование России: технологические революции и социально-экономические трансформации [Текст]: Сборник материалов V Международного конгресса (ПНО-V0 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – 480 с.

159. Прусова В. И., Безновская В. В., Аносова А. В. Цифровая трансформация российской экономики: проблемы и перспективы [Текст] / В. И. Прусова, В. В. Безновская, А. В. Аносова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. - № 4-3. – С. 124-129.

160. Радыгин, А. Д, Энтов, Р. М. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX – XXI вв.) [Текст] / А. Д. Радыгин, Р. М. Энтов // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 4-25.

161. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография [Текст] / Г. Н. Андреева, С. В. Бадалянц, Т. Г. Богатырева и др. – Нижний Новгород: Издательство «Профессиональная наука», 2018. – 131 с.

162. Раквиашвили, А. А. Компенсационные контракты и устойчивость экономических реформ [Текст] / А. А. Раквиашвили // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – №1. – С. 89-102.

163. Романенко, А. Ю. Теоретические представления о типологии реформ в развитии экономическим систем [Текст] / А. Ю. Романенко // Kant. – 2020. – №1. – С. 90-93.

164. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020

года» от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.09.2019 г.).

165. Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2014 г. № 1442-р «Об утверждении концепции федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc> (дата обращения: 11.08.2019 г.).

166. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1402 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B18_14p/Main.htm (дата обращения: 14.11.2019 г.).

167. Рейтинг инновационных регионов России 2017 / Ассоциация инновационных регионов России, 2018. – 65 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.i-regions.org/images/files/airr17.pdf> (дата обращения: 24.12.2019 г.).

168. Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf (дата обращения: 19.12.2019 г.).

169. Рейтинг инновационных регионов России: версия 2017 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.i-regions.org/images/files/airr17.pdf> (дата обращения: 19.12.2019 г.).

170. Республика Крым в цифрах. 2016: Крат.стат.сб./Крымстат. – Симферополь, 2017. – 143 с.

171. Республика Крым в цифрах. 2017: Крат.стат.сб./Крымстат. – Симферополь, 2018. – 176 с.

172. Розмаинский, И. Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход [Текст] / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 48–59.

173. Романова, О. А., Чененова, Р. И., Коновалова, Н. В., Вагин, Г. Т., Ченчевич, С. Г. Теоретико-методологические проблемы формирования институциональной матрицы научно-технологического развития региона [Текст] / О. А. Романова, Р.И. Чененова, Н.В. Коновалова, Г.Т. Вагин, С.Г. Ченчевич // Экономика региона. – 2005. – № 1 (1). – С. 100-113.

174. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: монография [Текст] / Р. С. Гринберг, М. А. Абрамова, И. Н. Молчанов и др., под ред. Гринберга Р.С. и Савченко П.В. – М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. – 598 с.

175. Рубинштейн, А. Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии [Текст] / А. Я. Рубинштейн // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 13–34.

176. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ [Текст] / В.Н. Садовский. – М., 1974. – 280 с.

177. Сайт Управления Федеральной службы государственной статистики. Данные годовой формы федерального статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/14477> (дата обращения: 19.12.2019 г.).

178. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Краснодарского края за 2017 год. – Краснодар: Министерство экономики Краснодарского края, 2018. – 229 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://economy.krasnodar.ru/gos-prog-kk/itogi/files/Doklad_GP2017.pdf (дата обращения: 18.01.2020 г.).

179. Симонян, Р. Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества [Текст] / Р. Х. Симонян // СОЦИС. – 2012. – № 1.

180. Симченко, Н. А., Цёхла С. Ю. Исследование природы циклической динамики развития экономики России через призму экономических экспериментов

[Текст] / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 2 (58). – С. 241-244.

181. Симченко, Н. А., Цёхла, С. Ю., Нижегородцев, Р. М., Горидько, Н. П. Институты формирования нового качества экономического роста [Текст] / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла, Р. М. Нижегородцев, Н. П. Горидько, 2018. – Симферополь: ООО «Антиква». – 172 с.

182. Системные исследования. Ежегодник 1977 г. [Текст] / Под ред. И.В. Блауберга. – М.: Издательство «Наука», 1997. – 236 с.

183. Слепаков, С. С. Влияние экономических реформ на интеллектуально-эмоциональное состояние российского общества [Текст] / С. С. Слепаков // Современная наука и инновации. – 2014. – №1 (5). – С. 43-57.

184. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. Цифровая экономика. Ключевые черты и последствия индустриальной революции 4.0 [Электронный ресурс] / Н. В. Смородинская, Д. Д. Катуков // Инновации. – 2017. – № 10 (228). – С. 81-90. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/2017/Smorodinskaya_Katukov_Innovation_2017_10.pdf (дата обращения: 29.10.2019 г.).

185. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков как результат цифровой трансформации экономической системы общества [Электронный ресурс] / С. Ю. Солодовников // Материалы международной научно-практической конференции «Управление инновациями – 2019»; под ред. Р.М. Нижегородцева. – Новочеркасск: Издательство: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2019. – С. 63-66. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41315345&> (дата обращения: 17.04.2019 г.).

186. Сонина, Е. О. Особенности реформы как вида государственных изменений: опыт реализации административной реформы в современной России [Электронный ресурс] / Е. О. Сонина // Вопросы управления. – 2017. – №6 (49). – С. 17-22. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/06/02/> (дата обращения: 02.12.2019 г.).

187. Стельмах, В. С. Мезоуровень системы антикризисного управления [Текст] / В. С. Стельмах // В сборнике: Актуальные аспекты развития

инновационной мезоэкономики. Сборник статей по материалам международной научно-практической заочной конференции. Хабаровский государственный университет экономики и права, 2016. – С. 37–42.

188. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка [Электронный ресурс] / Ю. В. Симачев, Н. В. Акиндинова, А. А. Яковлев и др.; под ред. Е. Г. Ясина // Доклад к XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 10-13 апреля 2018 г. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2018/04/09/1164471884/Структурная_политика_в_России.pdf (дата обращения: 12.01.2020 г.).

189. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: аналитический доклад [Электронный ресурс] / под науч. руководством Е. Г. Ясина. – М.: Издательство: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. – 252 с. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2018/04/13/1150725828/Аналитический%20доклад%20по%20структурной%20политике.pdf> (дата обращения: 02.11.2019 г.).

190. Сульдина Г.А. Институциональное проектирование общественного сектора экономики региона [Электронный ресурс] // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 3 (19). С. 232-234. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15219565> (дата обращения: 19.10.2018 г.).

191. Сулова, Ю. Ю., Демченко, О. С. Экономическая структура и структурная политика как факторы макроэкономической динамики в условиях кризиса [Текст] / Ю. Ю. Сулова, О. С. Демченко // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 3-2. – С. 423-427.

192. Сухарев О.С. Новая программа исследований в экономике: традиция «старого» институционализма и современность [Текст] / О. С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 23-36.

193. Сухарев, О. С. Институциональная теория экономического роста: основные императивы [Текст] / О. С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2015. – № 3. – С. 185-202.

194. Сухарев, О. С. Экономическая теория институционального моделирования: принципы и возможности [Текст] / О. С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2017. – № 1. – С. 102-116.

195. Сэмюэлс У. Торстейн Веблен как экономист-теоретик [Текст] / У. Сэмюэлс // Вопросы экономики. – 2007. – № 7. – С. 99-117.

196. Тамбовцев, В. Л. Теоретические вопросы институционального проектирования [Текст] / В. Л. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 82–94.

197. Тамбовцев, В. Л. Институты-как-равновесия vs институты-как-правила [Текст] / В. Л. Тамбовцев // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 111-122.

198. Тамбовцев, В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа [Текст] / В. Л. Тамбовцев // Journal of Institutional Studies. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 104-118.

199. Тамбовцев, В. Л., Рождественская, И. А. Институциональная теория планирования как общая теория планирования: состояние и возможное развитие [Текст] / В. Л. Тамбовцев, И. А. Рождественская // Terra Economicus. 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 27-45.

200. Теория управления социалистическим производством: учеб. для студентов экономических специальностей вузов [Текст] / под ред. О. В. Козловой. – М.: Экономика, 1979. – 368 с.

201. Тимофеев К. Цифровая трансформация в российских условиях // Control engineering. Россия. – 2019. – №3(81). – С. 61-63 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://controleng.ru/wp-content/uploads/8161.pdf> (дата обращения: 16.01.2020 г.).

202. Тишков, С. В. Управление формированием и развитием инновационных подсистем на мезоуровне [Текст] / С. В. Тишков // Вопросы управления. – 2015. – № 3 (15). – С. 158–165.

203. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация [Текст] / О. И. Уильямсон. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.

204. Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» №204 от 07 мая 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 14.10.2019 г.).

205. Указ Президента Российской Федерации «О Южном федеральном округе» от 28.07.2016 № 375. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52608> (дата обращения: 16.12.2019 г.).

206. Уколова, Т. Н. Интерес и его значение в гражданско-правовом регулировании [Текст] /Т. Н. Уколова // В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. – 2017. – С. 145-151.

207. Украинцев, П. С. Самоуправление системы и причинности [Текст] / П.С. Украинцев – М.: Наука, 1972. – 254 с.

208. Усмов, А. И. Системный подход и общая теория систем [Текст] / А.И. Усмов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

209. Федеральная служба государственной статистики. Южный федеральный округ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gks.ru/folder/507> (дата обращения: 16.11.2019 г.).

210. Фирова, И. П. Концептуальные основы институциональной реформы процесса управления рисками в России в рамках обеспечения национальной безопасности [Текст] / И. П. Фирова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – №2 (62). – С. 185-189.

211. Хаиткулов, Р. Г., Шестаков, Д. Е. Российские экономические реформы: история эволюции концепций [Текст] / Р. Г. Хаиткулов, Д. Е. Шестаков // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – Т. 21. – № 1. – С. 54-78.

212. Хайкин, М. М., Лапинскас, А. А. Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории [Текст] / М.М. Хайкин, А.А. Лапинскас // Проблемы современной экономик. – 2018. – № 1 (65). – С. 23-27.

213. Хугаева К.А., Комов В.Э. Цифровая трансформация региона [Текст] / К.А. Хугаева, В.Э. Комов // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2019. – №1-2. – С. 295-296.

214. Цветков В.Я. Ресурсность и интегративность сложной организационно-технической системы [Текст] / В.Я. Цветков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 5 (часть 4) – С. 676.

215. Цифровая трансформация в России 2018: аналитический отчет на основе результатов опроса российских компаний. – М.: КМДА, 2019. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/TSifrovaya-transformatsiya-Rossii.pdf> (дата обращения: 16.01.2020 г.).

216. Чеберко, Е.Ф. Роль экономической теории в проведении российских реформ [Текст] / Е.В. Чеберко // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. – 2012. – Т. 3. – № 1 (5). – С. 20-27.

217. Чжан, М. Развитие и эволюция теории реформ государственной финансовой системы [Текст] / М. Чжан // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2017. – № 13. – С. 53-58.

218. Чирков, А. А. Теория модернизации в российской исторической науке [Электронный ресурс] / А. А. Чирков // Философия и культура. – 2018. – № 3. – С. 17-33. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24609 (дата обращения: 04.11.2019 г.).

219. Шагиева, А. Х. Принципы формирования эффективной институциональной матрицы антикризисного управления в процессе экономического цикла [Текст] / А. Х. Шагиева А.Х. // Перспективы науки. – 2012. – № 9 (36). – С. 120-126.

220. Шакирова, Р. К. Институциональная среда региональной отраслевой кластеризации [Электронный ресурс] / Р. К. Шакирова // Финансы и управление. – 2016. – № 3. – С. 163–175. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19973 (дата обращения: 11.11.2018 г.).

221. Шамков, Ю. В., Дорошенко, С. В. Институт оценки политики в пространстве ШОС [Текст] / Ю. В. Шамков, С. В. Дорошенко // Экономика региона. – 2012. – № 4. – С. 212-217.

222. Шаститко, А.Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? [Электронный ресурс] / А. Е. Шаститко // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 5-25. – Режим доступа: <https://instituciones.com/theories/3344-mezoinstituty.html> (дата обращения: 04.11.2019 г.).

223. Шестаков, Д. Е., Хаиткулов, Р. Г., Самулкин, А. С. Эволюция концепции российских экономических реформ 1980-1990-х гг. [Текст] / Д. Е. Шестаков, Р. Г. Хаиткулов, А. С. Самулкин. Серия WP11. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории, – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 47 с.

224. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] / сост. И.Т. Касавин. – М., 2009. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/922/tipologiya.htm> (дата обращения: 17.10.2019 г.).

225. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности [Текст] / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

226. Явлинский, Г.А. О логике экономических реформ. Препринт WP11/2006/02. — М.: ГУ. ВШЭ, 2006. – 28 с.

227. Ясин, Е. Г. Судьба экономической реформы в России [Текст] / Е. Г. Ясин // Вопросы экономики. – 1993. – №2. – С. 124-133.

228. Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions / С. Menard, А. Jimenez, Н. Tropp // Water International. – 2018. – №43(1). – pp. 13–33.

229. Akerlof, G. A., & Snower, D. J. Bread and bullets [Text] / G. A. Akerlof, D. J. Snower // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2016. – No. 126. – pp. 58–71.
230. Arthur, W. B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events [Text] / W. B. Arthur // The Economic Journal. – 1989. – No. 9(394). – pp. 116–131.
231. Arthur, W. B. Complexity and the Economy [Text] / W. B. Arthur // Science. – 1999. – No. 284(5411). – pp. 107–109.
232. Arthur, W. B. Self-Reinforcing Mechanisms in Economics [Text] / P.W. Anderson, K. Arrow, D. Pines (eds.) // The Economy as an Evolving Complex System. – Santa Fe: Addison-Wesley Publishing Company. – 1988. – pp. 9-28.
233. Beer, D. Metric Power. London: Palgrave Macmillan UK. – 2016.
234. Behn, R. D. PerformanceStat / In: Bovens, M., Goodin, R. E., & Schillemans, T. (Eds.) The Oxford Handbook of Public Accountability. Oxford University Press. – 2014.
235. Besley, T., Coate, S. Sources of Inefficiency in a Representative Democracy: A Dynamic Analysis [Text] / T. Besley, S. Coate // American Economic Review. – 1998. Vol. 88. – no. 1. – pp. 139-156.
236. Campbell, D. T. Assessing the impact of planned social change [Text] / D. T. Campbell // Evaluation and Program Planning. – 1979. – No. 2(1). – pp. 67–90.
237. Coate, S., Morris, S. On the form of transfers to special interests [Text] / S. Coate, S. Morris // Journal of Political Economy. – 1995. – no. 103(6). – pp. 1210–1235.
238. Collins, H. Tacit and Explicit Knowledge [Text]. University of Chicago Press. – 2010.
239. David, P. A. Clio and the Economics of QWERTY. The American Economic Review. American Economic Association. – 1985.
240. David, P., Foray, D. Economic foundations of the knowledge society [Text] / P. David, D. Foray // Terra Economicus. – 2003. – No. 1(1).
241. Dell Technologies «Индекс цифровой трансформации» (DT Index) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.dell.com/learn/ru/ru/rucorp1/corporate_press-releases_dellpressrelease/2018-10-10-digital-transformation-index (дата обращения: 11.08.2019 г.).

242. Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. Micro-meso-macro [Text] / K. Dopfer, J. Foster, J. Potts // *Journal of Evolutionary Economics*. Springer. – 2004. – Vol. 22. – pp. 133–160.

243. Draskovic, V., Draskovic, M., & Bilan, S. Motivation, Methodology, and Phenomenology of Institutional Nihilism in the SEE Countries [Electronic resource] // *Montenegrin Journal of Economics*. – 2019. – No. 15(2). – pp. 7–14. – Available at: <https://doi.org.10.14254/1800-5845/2019.15-2.1> (date of access: 15.10.2019).

244. Erkkilä, T., Piironen, O. Autonomisation and Individualisation: Ideational Shifts in European Higher Education [Electronic resource] / In: Evans, L., & Nixon, J. (Eds.) *Academic Identities in Higher Education*. Bloomsbury Publishing Plc. – 2015. – Available at: <https://doi.org/10.5040/9781474220040.ch-002> (date of access: 19.10.2019).

245. Feldman, Z., & Sandoval, M. Metric Power and the Academic Self: Neoliberalism, Knowledge and Resistance in the British University. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique* [Electronic resource] // *Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. – 2018. – No. 16(1). – pp. 214–233. – Available at: <https://doi.org/10.31269/triplec.v16i1.899> (date of access: 07.09.2019).

246. Godin, B. The Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? [Electronic resource] // *The Journal of Technology Transfer*. – 2006. – No. 31(1). – pp. 17–30. – Available at: <https://doi.org/10.1007/s10961005-5010-x> (date of access: 27.09.2019).

247. Hayek, F. A. *The Fatal Conceit: the Errors of Socialism*. University of Chicago Press, 2012.

248. Hodgson, G. M. What Are Institutions? [Electronic resource] // *Journal of Economic Issues*. – 2006. – 40 (1). – pp. 1–25. – Available at: <https://doi.org/10.1080/00213624.2006.11506879> (date of access: 17.08.2019).

249. Hodgson, G. M. Prospects for institutional research [Electronic resource] // RAUSP Management Journal. – 2019. – No. 54(1). – pp. 112–120. – Available at: <https://doi.org/10.1108/RAUSP-11-2018-0112> (date of access: 11.07.2019).
250. Krugman, P. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location [Text] / P. Krugman // Journal of Regional Science. –1993. – Vol. 33:2. – pp. 129–144.
251. Maslov, A., Volchik, V. Institutions and Lagging Development: The Case of the Don Army Region [Electronic resource] / A. Maslov, V. Volchik // Journal of Economic Issues. – 2014. – Vol. 48(3). – pp. 727–742. – Available at: <https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624480307> (date of access: 14.07.2019).
252. Hayek, F. Competition as a discovery procedure [Electronic resource] // The Quarterly Journal of Austrian Economics. – 2002. – No. 5(3). – pp. 9–23. – Available at: <https://doi.org/10.1007/s12113-002-1029-0> (date of access: 03.08.2019).
253. Menard C. Meso-institutions: The variety of regulatory arrangements in the water sector. Utilities Policy, 2017. – Vol. 49. – pp. 6-19.
254. Menard, C. Embedding organizational arrangements: towards a general model // Journal of Institutional Economics. – 2014. – № 10 (4). – pp. 567–589.
255. Menard, C. Research Frontiers in New Institutional Economics. Revista de Administração // Management Journal, Elsevier. – 2018. – № 53 (1). – pp. 3–10.
256. Mizruchi, M. Social Network Analysis: Recent Achievements and Current Controversies [Text] / M. Mizruchi // Acta Sociologica. – 1994. –Vol. 37. – pp. 332-342.
257. Nelson D. Ideology and Legislator Shirking [Text] / D. Nelson, E. Silberberg. -Economic Inquiry, 1987. – pp. 15-25
258. Ng, Yew-Kwang. Meso-economics: A Micro-Macro Analysis. – London: Wheatsheaf, 1986.
259. North, D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambridge University Press. – 1997.
260. Ostrom, E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.
261. Rostow W.W. The stages of economic growth. A non-communist manifesto. 3rd edition. Cambridge University Press, 1991. – 272 p.

262. Russia will have a system of personal certificates for the education. [Electronic resource]. – Available at: <https://asi.ru/eng//news/95129/> (date of access: 29.07.2019 г.)
263. Scott, J. Social Network Analysis [Text]: A Handbook / J. Scott. - SAGE publications, 2000. – 208 p.
264. Social movements and network analysis: A case of nineteenth-century women's reform in New York state [Text] / N. Rosenthal, M. Fingrutd, M. Ethier [et al.] // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 90. – pp. 1022-1054.
265. Spencer L.M. Competence at Work: Models for Superior Performance / L.M. Spencer, S.M. Spencer. – New York: John Wiley & Sons, Ins. – 1993.
266. Stewart, F. Can Adjustment Programmes Incorporate the Interests of Women? // In Afshar and Dennis, 1992. – pp. 13–45.
267. Szelenyi, I., Szelenyi, Sz. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of East Europe: Introduction, Theory and Society [Text] /1. Szelenyi, Sz. Szelenyi. –1995. – Vol. 24. – No. 5. – pp. 615-638.
268. Veblen T. Christian Morals and the Competitive System // International Journal of Ethics. – 1910 (Vol. 38). – № 2. – pp. 168-185.
269. Veblen T. The Limitations of Marginal Utility // Journal of Political Economy. – 1909. – Vol. 17. – № 9. – pp. 620-636.
270. Veblen T. Why is Economics not an Evolutionary Science? // Journal of Economics. – 1898. – Vol. 12. – No. 4. – pp. 373-397.
271. Walker D.A. Thorstein Veblen's Economic System // Economic Inquiry. – 1977. – Vol. 15. – No. 2. – pp. 213-237.
272. Wasserman, S. Social Network Analysis: Methods and Applications, [Text] / S. Wasserman, K. Faust. - Cambridge University Press, 1994. – 825 p.
273. Wellman, B. Structural Analysis: from Method to Metaphor to the Theory and Substance [Text] / B. Wellman, S.D. Berkowitz (eds.) // Social Structures: A Network Approach. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1988. – pp. 19-61.
274. Williamson, O. Mechanisms of governance [Text] New York: Oxford University Press, 1996.

Приложение А

Динамика инвестиций в основной капитал регионов – субъектов Южного федерального округа

Таблица А.1 – Динамика инвестиций в основной капитал регионов – субъектов РФ, входящих в состав Южного федерального округа, млн. руб.

Субъект РФ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
РФ	11035652	12586090	13450238	13902645	13897188	14748847	15966804
Цепной темп роста, %	-	114,0	106,9	103,4	100,0	106,1	108,3
ЮФО	1079284	1254958	1506034	1383658	1296200	1152832	1397320
Цепной темп роста, %	-	116,3	120,0	91,9	93,7	88,9	121,2
Республика Адыгея	18703	16904	18622	17155	15756	19134	22858
Республика Калмыкия	9779	13825	15283	22609	16605	9139	10448
Республика Крым	-	-	-	26447	47582	74795	195377
Краснодарский край	711720	798476	955208	750236	586903	435095	484105
Астраханская область	69024	81665	122618	116856	113169	117999	144093
Волгоградская область	104080	136154	140680	182798	200191	183642	190770
Ростовская область	165978	207935	253623	264173	309436	294481	319287
г. Севастополь	-	-	-	3385	6558	18547	30382

Источник: составлено автором на основе [56]

Приложение Б

Динамика показателей социального развития регионов – субъектов Южного федерального округа

Таблица Б.1. – Динамика показателей социального развития регионов – субъектов РФ, входящих в состав Южного федерального округа, млн. руб.

Субъект РФ	2011г.	2012г.	2013г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39167
Южный федеральный округ	17237	19823	22497	24311	25471	26964	28712
Республика Адыгея	14345	16715	19276	20945	22087	23109	24490
Республика Калмыкия	12559	15041	17471	19341	20109	21318	22919
Республика Крым	-	-	-	-	22440	24140	26165
Краснодарский край	18416	21409	24063	25777	26767	28734	30343
Астраханская область	17023	19522	22736	24576	25499	27493	29599
Волгоградская область	16192	18584	21046	22828	24361	26554	27962
Ростовская область	16950	19189	21867	23818	25008	26689	28500
г. Севастополь	-	-	-	-	21848	24259	27687
Динамика реальной среднемесячной начисленной заработной платы, %							
Российская Федерация	102,8	108,4	104,8	101,2	91,0	100,8	102,9
Южный федеральный округ	101,9	109,4	106,3	99,8	90,8	100,0	102,6
Республика Адыгея	102,6	111,2	107,8	100,8	91,8	97,7	101,7
Республика Калмыкия	97,5	112,8	107,1	104,0	90,2	99,5	103,2
Республика Крым	-	-	-	-	-	96,2	103,6
Краснодарский край	103,4	110,5	105,1	98,1	89,9	100,3	101,5
Астраханская область	102,6	109,5	109,6	100,7	89,9	101,4	104,5
Волгоградская область	100,3	109,7	106,6	101,1	91,8	101,9	101,6
Ростовская область	102,5	107,4	106,5	100,6	91,3	100,1	103,4
г. Севастополь	-	-	-	-	-	101,1	108,1

Источник: составлено автором на основе [133]

Приложение В

Динамика ВРП на душу населения Краснодарского края

Таблица В.1 – Динамика ВРП на душу населения Краснодарского края в сравнении с другими регионами РФ и ЮФО, руб.

Субъект РФ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВРП на душу населения по РФ	317515	348642	377006	405148	449098	472162
Цепной темп роста, %	-	109,8	108,1	107,5	110,8	105,1
Южный федеральный округ	200307	229215	256445	255076	283856	298586
Цепной темп роста, %	-	114,4	111,9	99,5	111,3	105,2
Республика Адыгея	128749	147263	159096	168880	187211	201918
Цепной темп роста, %	-	114,4	108,0	106,1	110,9	107,9
Республика Калмыкия	101873	125774	145421	165950	185799	201407
Цепной темп роста, %	-	123,5	115,6	114,1	112,0	108,4
Республика Крым	-	-	-	100526	139873	165434
Цепной темп роста, %	-	-	-	-	139,1	118,3
Краснодарский край	236751	274996	309838	328771	352601	363731
Цепной темп роста, %	-	116,2	112,7	106,1	107,2	103,2
Астраханская область	170505	206677	269822	290822	315997	332447
Цепной темп роста, %	-	121,2	130,6	107,8	108,7	105,2
Волгоградская область	195464	220755	235814	279101	290186	292566
Цепной темп роста, %	-	112,9	106,8	118,4	104,0	100,8
Ростовская область	179470	198129	215923	237466	280522	300186
Цепной темп роста, %	-	110,4	109,0	110,0	118,1	107,0
г. Севастополь	-	-	-	78009	119385	151863
Цепной темп роста, %	-	-	-	-	153,0	127,2

Составлено автором на основе [209]

Приложение Г
Структура ВРП Краснодарского края

Таблица Г.1 – Структура ВРП Краснодарского края в сравнении с другими регионами ЮФО и РФ в 2016 году

Отрасль	РФ	ЮФО	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Крым	Краснодарский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область	г. Севастополь
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,1	13,6	15,9	32,0	13,3	13,4	7,2	14,4	14,2	3,4
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,4	0,0	0,1	0,4
Добыча полезных ископаемых	10,9	3,5	1,0	1,1	2,2	0,7	28,2	4,8	0,9	0,7
Обрабатывающие производства	17,3	15,6	18,2	1,1	9,1	11,4	4,2	24,8	20,3	9,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,9	3,4	1,7	1,3	6,6	3,0	3,3	2,2	5,0	5,3
Строительство	6,3	7,1	7,0	4,5	3,0	6,5	9,5	7,7	7,2	1,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16,9	16,2	14,9	7,6	15,3	17,6	11,1	12,6	18,4	15,9
Гостиницы и рестораны	1,1	1,9	1,3	0,3	3,0	2,9	1,4	0,7	1,3	6,9
Транспорт и связь	9,5	12,8	4,5	22,6	8,8	17,9	10,3	7,9	8,3	7,9
Финансовая деятельность	0,5	0,2	0,0	0,1	0,4	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	14,6	10,6	13,8	5,0	11,5	11,4	8,2	9,7	10,3	15,3

Продолжение таблицы Г.1

Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	4,9	5,2	9,2	12,3	10,9	4,5	7,4	5,8	4,9	19,1
Образование	3,0	3,3	5,1	5,6	4,5	3,2	3,0	3,6	3,1	3,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,0	4,6	5,7	5,4	8,8	4,7	4,4	4,2	4,5	6,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,7	1,9	1,7	1,0	2,5	2,6	1,2	1,5	1,3	4,1

Источник: составлено автором на основе [209]

Приложение Д
Динамика и структура инвестиций в основной капитал
Краснодарского края

Таблица Д.1 – Динамика и структура инвестиций в основной капитал Краснодарского края, млн. руб.

Объекты инвестиций	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Инвестиции в основной всего	955208	750236	586903	435095	484105
цепной темп роста, %	-	78,5	78,2	74,1	111,3
жилые здания и помещения	141075	94723	90437	84701	87024
цепной темп роста, %	-	67,1	95,5	93,7	102,7
здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	547479	415424	323815	208246	250468
цепной темп роста, %	-	75,9	77,9	64,3	120,3
машины и оборудование, включая, хозяйственный инвентарь и другие объекты	244599	209887	151079	122174	129608
цепной темп роста, %	-	85,8	72,0	80,9	106,1
объекты интеллектуальной собственности	-	-	-	-	6364
цепной темп роста, %	-	-	-	-	-
прочие	22055	30202	21572	19974	10640
цепной темп роста, %	-	136,9	71,4	92,6	53,3
Структура инвестиций в основной капитал, %					
Инвестиции в основной	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
жилые здания и помещения	14,8	12,6	15,4	19,5	18,0
здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	57,3	55,4	55,2	47,9	51,7

Продолжение таблицы Д.1

машины и оборудование, включая, хозяйственный инвентарь и другие объекты	25,6	28,0	25,7	28,1	26,8
прочие	2,3	4,0	3,7	4,6	2,2

Источник: составлено автором на основе [132]

Приложение Е

Динамика структуры объемов финансирования государственных программ Краснодарского края

Таблица Е.1 – Динамика структуры объемов финансирования государственных программ Краснодарского края

№	Наименование программы	Структура финансирования, %		
		2015 г.	2016 г.	2017 г.
1.	Развитие здравоохранения	22,21	21,98	21,09
2.	Развитие образования	24,13	23,83	22,73
3.	Социальная поддержка граждан	18,83	19,96	18,83
4.	Доступная среда	0,18	0,06	0,03
5.	Дети Кубани	1,20	0,89	0,82
6.	Комплексное и устойчивое развитие в сфере строительства и архитектуры	10,31	0,61	1,37
7.	Содействие занятости населения	0,83	0,74	0,63
8.	Обеспечение безопасности населения	1,33	1,22	1,14
9.	Развитие культуры	2,11	1,87	1,98
10.	Охрана окружающей среды, воспроизводство природных ресурсов, развитие лесного хозяйства	0,89	0,61	0,59
11.	Развитие физической культуры и спорта	2,09	2,04	3,11
12.	Развитие жилищно-коммунального хозяйства	1,17	1,01	1,27
13.	Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края	0,74	1,61	2,51
14.	Региональная политика и развитие гражданского общества	0,11	0,10	0,11
15.	Казачество Кубани	0,54	0,50	0,46
16.	Формирование условий для духовно-нравственного развития граждан	0,03	0,01	0,01
17.	Развитие санаторно-курортного и туристского комплекса	0,33	0,27	0,22
18.	Противодействие незаконному обороту наркотиков	0,01	0,01	0,01
19.	Информационное общество Кубани	0,73	0,16	0,14

Продолжение таблицы Е.1

20.	Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков продукции, сырья и продовольствия	5,40	4,52	3,49
21.	Развитие топливно-энергетического комплекса	0,25	0,25	0,25
22.	Обеспечение участия в подготовке и проведении Кубка конфедераций в 2017 году и чемпионата мира по футболу в 2018 году в РФ	1,46	1,63	1,45
23.	Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности	0	0,01	0,21
24.	Управление государственными финансами	0	6,03	5,10
25.	Медиасреда Кубани	0	0,36	0,27
26.	Развитие сети автомобильных дорог	0	9,62	12,19
27.	Молодежь Кубани	0,11	0,08	0,00
28.	Обеспечение участия города Сочи в организации и проведении XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года, постолимпийского использования олимпийских объектов и развития Имеретинской низменности города-курорта Сочи	2,65	0	0
29.	Социально-экономическое и территориальное развитие муниципальных образований	2,30	0	0
30.	Создание условий для обеспечения доступности финансовых услуг	0,07	0	0
31.	Итого объем финансирования	100,00	100,00	100,00

Источник: составлено автором на основе [50]

Приложение Ж

Акт о внедрении результатов диссертационного исследования от Департамента инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края

**ДЕПАРТАМЕНТ
ИНВЕСТИЦИЙ И РАЗВИТИЯ
МАЛОГО И СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

Красная ул., д. 35, г. Краснодар, 350014
Тел. (861) 251-73-10, факс (861) 251-75-91
E-mail: investkuban@krasnodar.ru
www.kubaninvest.ru

Председателю диссертационного
совета Д900.006.11
при ФГАОУ ВО
"Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского"

Симченко Н.А.

На № _____

333-01-09-2007/20 от 19/03/2020

АКТ О ВНЕДРЕНИИ

Диссертация Романенко Анастасии Юрьевны (специальность 08.00.01 – Экономическая теория) посвящена актуальной проблеме влияния реформ на развитие экономических систем мезоуровня в условиях цифровых трансформаций. Разработанный Романенко Анастасией Юрьевной научно-методический подход к исследованию и оценке концепций экономических реформ на мезоуровне с обоснованием необходимости совершенствования институциональной инфраструктуры, проведения информационных, организационных и управленческих изменений, позволяет осуществлять отбор приоритетных отраслей цифрового развития для формирования мер стимулирования процессов и минимизации рисков в процессе реализации национальных проектов в Краснодарском крае.

Руководитель департамента

В.С. Воронов

Приложение И

Акт о внедрении результатов диссертационного исследования от ООО «Южный инновационно-консалтинговый центр»

Общество с ограниченной ответственностью
«Южный инновационно-консалтинговый центр»
350020, г. Краснодар, ул. Дзержинского, 8/1
Тел./факс: 8 (861) 240-30-83
ИНН 2308191217 КПП 230801001 ОГРН 1122308007997
Р/с 40702810430090001906
Южный филиал АО «Банк Интеза» г. Краснодар
К/с 30101810460150000064 БИК 046015064
E-mail: vvr@uikc.ru

Исх. № 17 от 19.08.2017г.

АКТ О ВНЕДРЕНИИ

В диссертационной работе Романенко Анастасии Юрьевны на основе анализа динамики основных показателей зрелости цифрового сектора РФ и Краснодарского края за 2014-2017 гг. разработан прогноз темпов роста валовой добавленной стоимости по экономическим комплексам Краснодарского края до 2030 года. Предложенная автором интегративность внедрения экономических реформ на региональном уровне позволила определить приоритетность темпов развития по секторам экономики в условиях цифровизации.

Генеральный директор

Владислав Варшавский

Приложение К

Акт о внедрении результатов диссертационного исследования от ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

350072, Россия, Краснодар, ул. Московская, д. 2,
Телефон: (861)255-84-01, Факс: (861)259-65-92.
ИНН 2310018876, КПП 231001001,
ОКПО 02067862, ОГРН 1022301604610.
www.kubstu.ru, E-mail: adm@kgtu.kuban.ru

KUBAN STATE
TECHNOLOGICAL UNIVERSITY

2, Moskovskaja st., Krasnodar-city, Russia, 350072
Phone: 7(861)255-84-01, Fax: 7(861)259-65-92.
www.kubstu.ru, E-mail: adm@kgtu.kuban.ru

17.03.2020 № 03.02.01.Сф.22-34

на № _____ от _____

СПРАВКА

об использовании в деятельности ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» результатов диссертационного исследования Романенко Анастасии Юрьевны на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория

Результаты диссертационного исследования Романенко Анастасии Юрьевны, представленного на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория, имеют существенное практическое значение для научно-образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в развитии фундаментальных положений теории систем, теории управления системами и теории реформ на основе выявления экономических связей и процессов, раскрывающих содержание и развитие экономических систем мезоуровня под влиянием реформ.

Материалы диссертации могут быть применены для усовершенствования учебных программ по следующим дисциплинам: «Экономическая теория», «Методология научных исследований», «Институциональная экономика», «История экономических учений».

Первый проректор
проректор по научной
и международной деятельности,
профессор

С.А. Калманович

С.А. Калманович